

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр
изучения этнополитических
и этнокультурных процессов

Этнические
и языковые проблемы
в современной России:
региональные аспекты

Сборник
экспертных докладов

Москва 2018

УДК 81
ББК 66.5(2)
Э91

Ответственный редактор

М.А. Омаров

доктор политических наук, профессор,
директор УНЦ изучения этнополитических
и этнокультурных процессов

Рецензент

В.А. Михайлов

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой национальных
и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Содержание

Ачкасов В.А.

Влияние транснациональной иммиграции на динамику изменений межэтнической ситуации в Санкт-Петербурге	7
--	---

Большаков А.Г.

Анализ этнополитической ситуации в Республике Татарстан в 2018 году в сравнительном сопоставлении с казусами Башкирии и Якутии	55
---	----

Мукомель В.И.

Этнополитическая ситуация в московском мегаполисе: вызовы, поиск решений	95
---	----

Мухарямов Н.М., Януш О.Б.

Политические и информационные измерения социально-коммуникативной ситуации тюркоязычных регионов Российской Федерации	155
---	-----

Шабает Ю.П.

Уральские народы в этнополитическом ландшафте России: региональный национализм и этнополитика	209
---	-----

В.А. Ачкасов

*доктор политических наук,
заведующий кафедрой международных
политических процессов Санкт-Петербургского
государственного университета*

Влияние транснациональной иммиграции на динамику изменений межэтнической ситуации в Санкт-Петербурге

В условиях глобализации растущие потоки иммиграции породили феномен транснационализма и сделали проницаемыми границы национального государства, что значительно актуализирует проблемы не только сохранения идентичностей самой разной природы и уровней, но и культурной (этнической и религиозной) и политической (гражданской) лояльности. Массовые миграции уже преобразовывают систему международных отношений, формируя пространства нового типа, которые не совпадают с национальными границами. Поскольку растущая мобильность ведет к появлению у человека множества точек отсчета и источников самоидентификации, постольку соотнесение с конкретной территорией постепенно утрачивает свое значение. Идентификация с территорией может уступить и уже уступает место тому, что политолог Бертран Бади назвал «сетевой» идентичностью.

Сети взаимодействия, которые выстраиваются в результате массовых миграций, не умещаются ни в одно национальное пространство. Они по определению транснациональны. В реальной иммигрантской среде формируются гибридные идентичности, в которых сочетаются элементы культуры двух стран – «выхода» и «приема», тем самым противоречиво связывая их. Этот вывод и лег в основание исследовательского подхода, именуемого «транснационализмом», создатели которого

обнаружили противоречие между концептуальным языком «интеграции», бытующим в странах приема иммигрантов, с одной стороны, и новыми миграционными практиками, с другой. Так, Н. Глик Шиллер и его коллеги определяют транснационализм «как процесс, с помощью которого иммигрант создает и сохраняет многообразные социальные отношения, которые связывают вместе общества происхождения и (его) пребывания. Мы называем этот процесс транснационализмом, чтобы подчеркнуть, что многие иммигранты сегодня строят свое социальное поле, пересекающее географические, культурные и политические границы (...) Основной элемент транснационализма – это множество способов вовлечений (и принадлежностей), которые трансмигрант сохраняет одновременно дома и в обществах пребывания»¹. Транснациональные связи не сводятся исключительно к постоянному движению туда и обратно трансмигрантов. Эти связи поддерживаются через интенсивную трансграничную коммуникацию, через перемещение денежных трансферов, передачу и усвоение новых психологических установок, образов, ценностей, идентичностей, моделей поведения. «Транснационализм», – считают М. Кайзер и О. Бредникова, это понятие, которое можно определить как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы»².

Действительно, во многих случаях сегодня «индивид уезжает не для того, чтобы интегрироваться в новой стране, а чтобы построить собственное социальное пространство вне привязки к конкретной территории, которое он обустривает в соответствии со своими потребностями и желаниями и которое служит связующим звеном между его родиной и страной его принявшей»³. Мигрант не просто поддерживает связи с местом исхода, пересылает деньги, время от времени

¹ *Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States.* London and New York: Routledge, 1994. P. 8.

² *Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслوکальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство «ЦНСИ» [отв. ред. Т. Бараулина, О. Карпенко]. СПб., 2004. С. 133–146.*

³ *Танги А., де. Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. М., 2012. С. 19.*

приезжает туда и зачастую планирует вернуться насовсем, но он, даже физически не находясь постоянно на родине, остается действующим членом того сообщества (или сообществ), к которому принадлежал до миграции, и занимает в нем/них определенную позицию, иногда весьма важную. Это членство можно, пусть не исчерпываяще, описать через понятия долга, конкуренции и сети (С. Абашин). Создавая новые экстерриториальные, транснациональные пространства, мигранты живут между двумя мирами, противоречиво соединяя их друг с другом. Пока еще не ясно, как далеко зайдет этот процесс и какие последствия (позитивные и негативные) будет иметь для стран исхода и стран, принимающих мигрантов. В то же время рост этнической и религиозной неоднородности как современных государств Запада, так и России и все более интенсивные взаимодействия этнических и этнорелигиозных транснациональных иммиграционных сообществ поверх существующих государственных границ приводит к размыванию национальных идентичностей и уже зачастую стимулирует новые этнические, этнорелигиозные и этнополитические конфликты и ставит вопросы не только национальной, но и глобальной безопасности.

В то же время иммиграционная политика, осуществляемая современными государствами, двойственна и противоречива. С одной стороны в демократических государствах должен действовать принцип свободы эмиграции/иммиграции, поскольку согласно статье 13 «Всеобщая Декларация прав человека»: «Каждый человек вправе уезжать из любой страны, включая свою страну, а также возвращаться в свою страну».

Однако с другой стороны, суверенные государства вправе контролировать потоки мигрантов, отсюда ограничения на иммиграцию, ограничительная или избирательная политика в сфере трудовой миграции, проводимая практически всеми странами мира. Как следствие – растущая массовая нелегальная иммиграция, которая становится следствием глобализации, развивающейся на основе западной либеральной модели. «Она выступает иррациональной формой, в которой находит свое проявление идея свободы передвижения, превращаясь тем самым в квазисвободу»⁴.

⁴ Тюрюканова Е. Женщины и современный миграционный режим // КОСМОПОЛИС: Журнал мировой политики. 2003. № 3 (5). С. 82.

Как отмечает К. Кондатьяне, иммиграционная политика серьезно отличается от других сфер осуществления политики: «Иммиграционная политика в структурном отношении характеризуется уровнем неопределенности, существенно превышающим соответствующие уровни в других областях, таких, как политика в области рынка труда, политика в области градостроительства, фискальная политика и денежно-кредитная политика. В то время как последние области весьма стабильны, первая очень нестабильна»⁵. Чрезвычайная сложность и нестабильность объясняются тем, что иммиграционная политика является не только результатом конкуренции, переговоров и компромиссов различных групп интересов внутри принимающего государства, но и согласования транснациональных интересов и международных ограничений с системой внутригосударственных интересов. Поэтому миграционная политика – это и «процесс взаимодействия между государствами, при котором происходит передача юрисдикции, так как мигранты, прекращая быть членами одного общества, должны стать членами другого»⁶.

В результате понятие «миграционная политика» включает в себя регулирование как внешних (эмиграция и иммиграция), так и внутренних передвижений населения. Миграционная политика предполагает не только нормативно-правовое и институциональное регулирование миграций (касающееся вопросов предоставления тем или иным лицам права на постоянное или временное место жительства, контроля над нелегальной иммиграцией, социального обеспечения легальных (и нелегальных) иммигрантов; политики натурализации, связанной с условиями и процедурой предоставления гражданства легальным мигрантам), но и комплекс инструментов и мер, нацеленных на социокультурную интеграцию, включение мигрантов (в первую очередь – с иными этническими, расовыми, религиозными «корнями») в новое сообщество⁷. В связи с этим можно выделить четыре основных направления политики интеграции мигрантов:

⁵ Кондатьяне К. Миграционная политика, как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М., 2002.

⁶ Zolberg A.R. The next waves: migration theory for a changing world // IMR. 2002. № 23 (3). Р. 405.

⁷ См.: Сергеева З.Х. Феномен миграции в российских СМИ и оценках экспертов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 3. С. 186.

1. Инструментальная интеграция (знание языка страны пребывания, социальной инфраструктуры, имеющихся предложений для мигрантов в сфере услуг, здравоохранение, образование для детей).

2. Экономическая интеграция, осуществляемая через доступ к рынку труда, системе повышения квалификации или переквалификации и профессиональному образованию в целом.

3. Культурная интеграция – приобщение и восприятие мигрантами базовых элементов культуры принимающего общества (идей, ценностей, норм поведения, его институтов и истории).

4. Социальная интеграция (разрушение барьеров между группами мигрантов и социальными группами принимающего общества, налаживание контактов между представителями различных социальных групп, изменение идентичности иммигрантов).

Как пишет известный российский социолог и демограф А.Г. Вишневский: «Смена идентичности никогда не бывает простой и быстрой, это всегда – мучительный и не всегда успешный процесс преодоления разного рода препятствий. Объект политики (интеграции. – В. А.) – именно эти препятствия, она может воздействовать как в сторону их увеличения, так и в сторону уменьшения, и понятно, что направленность политики зависит от ее целей. ...В той мере, в какой государство признает иммиграции желательной или неизбежной, оно должно направить свои усилия на устранение препятствий для интеграции иммигрантов, в том числе и путем облегчения для них добровольной смены культурной идентичности. А это, в свою очередь, предполагает доброжелательное, терпимое отношение к иммигрантам в пределах общей границы толерантности, исключающей недопустимые, по законам страны, формы и нормы социального поведения»⁸.

«Размывание» границ между принимающим сообществом и иммигрантами, т.е. степень успешности процесса адаптации во многом зависит, с одной стороны – от степени их социальной компетентности – способности приспособиться к новой социальной и культурной среде, которые складываются

⁸ Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 96.

из таких составляющих как знание языка, профессиональная квалификация, образование, наличие опыта жизни в городской среде и др., а с другой стороны – от условий, существующих в принимающем обществе, которые либо благоприятствуют, либо не благоприятствуют адаптации. Как отмечает В.И. Мукомель, главными из них являются следующие:

- доступность важнейших составляющих социальной среды (рынка занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания и т. д.);
- социокультурная дистанция между принимающим и посылающим обществом;
- этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиций посылающего общества;
- различия в установках на адаптацию разных групп мигрантов, определяемые соотношением в миграционном потоке временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на постоянное проживание в данном конкретном месте;
- исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской;
- развитость и доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия⁹.

Этот процесс адаптации имеет значительные различия в скорости и характере протекания у разных индивидов и групп – от нескольких месяцев до 4–5 и более лет – прежде всего в зависимости от социокультурной дистанции между мигрантами и местным населением, что требует дифференцированного подхода в интеграционной политике к различным группам мигрантов.

В качестве основных показателей успешности социокультурной адаптации мигрантов в новой для них среде можно выделить следующие: установление позитивных связей с новой средой; решение повседневных житейских проблем (школа, семья, быт, работа); участие в социальной и культурной жизни принимающего общества; удовлетворительное психическое состояние и физическое здоровье; адекватность

⁹ См.: *Мукомель В.И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005.

в общении и межкультурных отношениях, целостность и интегрированность личности.

В то же время интеграция – это «улица с двусторонним движением», это процесс взаимного приспособления и согласования интересов, требующий серьезных усилий и со стороны представителей принимающего общества, поскольку интеграция – это не только гармонизация культурных ценностей мигрантов и ценностей и норм принимающего общества, но и процесс, результатом которого является принятие мигрантов принимающим социумом как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Как отмечено в «Справочнике по терминологии в области миграций»: «Ответственность за интеграцию лежит не только на одной группе, а скорее на нескольких сторонах: самих иммигрантах, правительстве, организациях и населении принимающей страны»¹⁰.

В то же время сегодня исследователи пришли к парадоксальному выводу о том, что «устойчивый темп миграции будет тем выше, чем больше культурная дистанция между страной источником и принимающей страной»¹¹. Отсюда чрезвычайно усиливающаяся зависимость новых переселенцев от сформировавшихся в больших городах землячеств, этнических общин/диаспор, а также этнических криминальных структур, которые помогают им с переездом, обустройством, поисками работы и, конечно же, делают это не бескорыстно. «Современные крупные города сегодня перестали быть индустриальными «плавильными тиглями», какими они были в XIX и в большей части XX века, – отмечает известный российский историк Алексей Миллер. – В том городе новоприбывший по найму или «лимиту» шел работать на крупное предприятие, вписывался в коллектив и т. д. В современном городе он ищет поддержки у существующей уже здесь общины земляков и работу надеется найти у них, а не на заводе «Сименс» либо «Москвич»...»¹². Посредством таких «этнических сетей», основанных, как прави-

¹⁰ Справочник по терминологии в области миграций (русско-английский). М., 2011. С. 48.

¹¹ Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир. М., 2016. С. 126.

¹² Миллер А. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra: Журнал российской внутренней и внешней политики. 2007. Т. 11. № 3 (37). С. 18 (примеч.).

ло, на общей этнокультурной принадлежности, сокращаются транзакционные издержки, связанные с недоверием, и облегчаются условия миграции, излишним становится использование посредников, выступающих гарантами при организации бизнеса, и происходит оформление этно-экономических ниш, т. е. концентрация представителей одной этнической группы в определенных сферах экономической деятельности¹³, то есть имеет место не только территориальная, но и функциональная сегрегация иммиграционных сообществ.

Как пишет известный британский исследователь Пол Коллиер, доказывая неизбежное ускорение миграции в более развитые страны: «...Мы имеем ряд хорошо обоснованных фактов, из которых вытекают важные последствия. Первый из этих фактов – наличие абсурдно широкого разрыва в доходах между бедными и богатыми странами, который при нынешних процессах глобального экономического роста останется широким еще несколько десятилетий. Второй факт – миграция неспособна существенно сократить этот разрыв из-за того, что механизмы обратной связи слишком слабы. Третий факт – по мере продолжения миграции в течение нескольких десятилетий продолжится рост диаспор. Таким образом, разрыв в доходах сохранится, а условия миграции будут облегчаться. Из этого вытекает, что миграцию из бедных стран в богатые ожидает ускорение. На протяжении предсказуемого будущего международная миграция не достигнет равновесия: на наших глазах складывается неравновесное состояние колоссальных масштабов»¹⁴.

Именно с этими фактами и последствиями столкнулись сегодня страны Запада, принимающие уже в течение более 60 лет значительные потоки «видимых» трансмигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Несколько позже, после распада СССР, эти факты и следствия стали не менее актуальными и для России.

На рубеже тысячелетий в контексте воздействия мощных глобальных сил, перемещающих поверх национальных

¹³ См.: *Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994.*

¹⁴ *Коллиер П. Исход: как миграция изменяет нашу жизнь. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 73.*

границ финансы, технологии, капитал и трудовые ресурсы в постоянно растущих масштабах, именно крупные города становятся главной ареной радикальных экономических и социальных изменений. Именно сюда направляются потоки новых транснациональных мигрантов, именно в них будет жить все большая часть населения планеты, именно в таких городах возникают и со всей остротой проявляются многие проблемы и противоречия современности. Крупные города представляют собой место, где большое число людей живет в тесном контакте друг с другом и в тесной взаимосвязи между собой и где возникает большинство социальных проблем и конфликтов. В течение всей истории человечества городское население, имевшее самое разное происхождение, училось жить вместе или, во всяком случае, сосуществовать в рамках общей экономической и политической институциональной системы. Это удавалось различным социокультурным группам с разной степенью успеха. Пространственная концентрация была источником как социальных стрессов, так и социальных инноваций, т. е. одновременно и силой и слабостью большого города. В то же время всегда имеющиеся в городах потенциальные возможности повышения социального статуса продолжают притягивать массы людей, но это часто становится причиной разрастания числа уязвимых групп населения и накопления потенциала социального недовольства и протеста.

Санкт-Петербург является типичным крупным портовым городом с ярко выраженной миграционной судьбой. Здесь всегда преобладал «механический» путь расширенного воспроизводства населения, прирост его численности практически с момента основания города в 1703 г. осуществлялся в основном за счет новых все более многообразных миграционных потоков. На сегодняшний день в городе живет около 4% населения страны, которое представляет более 170 этнических групп. С учетом уже сформировавшихся в городе этнических диаспор почти 30% проживающих сегодня в Петербурге людей принадлежат к неславянским языковым группам. Население города обладает высокой чувствительностью к комплексу происходящих в последние годы социально-экономических и социокультурных сдвигов, что позволяет с упреждением фиксировать изменение характеристик массо-

вого сознания россиян в целом. Резкое изменение этнокультурного баланса в результате массовой миграции последних 15 лет имело следствием рост этнической и религиозной ксенофобии в принимающем городском сообществе, в свою очередь, то, как принимающее общество встретило мигрантов, во многом определило их дальнейшее поведение.

После распада СССР в Санкт-Петербурге со всей остротой проявились проблемы, типичные для большинства современных европейских городов с многомиллионным населением: низкий уровень рождаемости и преобладание однодетной семьи, высокий удельный вес лиц старшего возраста, суженный тип воспроизводства населения, резкое увеличение этнокультурного многообразия состава населения. Помимо этого город столкнулся с увеличением смертности и снижением миграционного притока (в начале 1990-х гг.) на фоне роста эмиграции высококвалифицированных кадров. Вплоть до недавнего времени численность населения Санкт-Петербурга стремительно уменьшалась: если в 1991 г. в Санкт-Петербурге проживало 5007,5 тыс. чел., то в 2008 г. численность постоянного населения города уменьшилась почти на 10% и составила 4568,0 тыс. чел. Последующее увеличение численности населения было обусловлено в основном значительным увеличением миграционного прироста. Так, в Санкт-Петербурге отмечается один из самых высоких показателей миграционного прироста населения в России: в 2011 г. на Санкт-Петербург приходилось 18,3% общего миграционного прироста Российской Федерации; прирост составил 58 632 чел. и полностью компенсировал естественную убыль населения (4757 чел.), превывсив ее в 12,3 раза.

Санкт-Петербург относится к городам «демографической старости». Средний возраст горожан на 2014 год составил 41,2 года. Доля лиц старше трудоспособного возраста постоянно растет: с 23,6% в 2005 г. до 25,7% в 2013 г. от общей численности населения и, по прогнозам, достигнет 28,9% в 2020 году. Напротив, доля горожан в трудоспособном возрасте постоянно снижается (с 63,4% в 2005 г. до 61,5% в 2013 г.). Более того, «основание» возрастной пирамиды, представленное несовершеннолетними, крайне сужено: 13,0% в 2005 г., 12,1% в 2011 г. с тенденцией незначительного роста на уровне 12,8% в 2013 г. Однако в 2017 г., после непродолжительного подъема

в городе вновь снизилась рождаемость: на свет появилось на 6321 ребенка меньше, чем в 2016 г.¹⁵

Большую часть миграционного притока в город составляют трудовые мигранты, численность которых быстро росла с 2004 г. В 2014 году, по данным официальной статистики ФМС, в Петербурге насчитывалось порядка 320 тысяч иностранных трудовых мигрантов. Однако данные цифры быстрее всего значительно ниже реальных показателей миграции, поскольку не учитывают наличие массовой неофициальной занятости. Лидирующие позиции занимают мигранты из стран Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан) как результат постепенных изменений в структуре миграционного потока с середины 2000-х гг., главным образом за счет снижения доли трудовых мигрантов из Украины, Молдовы и стран Закавказья. Из-за неблагоприятной тенденции демографического развития и обострения проблемы «утечки умов» Санкт-Петербург (как и другие крупные города России) уже сталкивается с серьезной проблемой кадрового дефицита, который может стать реальным вызовом для его конкурентоспособности. В свете возросшего влияния высококвалифицированных мигрантов на конкурентоспособность государств регулирование их мобильности стало важным направлением политики во многих развитых странах. Россия отстает от лидеров «глобальной гонки за талантами» из-за ее недостаточно высокой миграционной привлекательности.

Характер изменений в составе контингента трудовых мигрантов актуализировал необходимость осуществления мероприятий по их адаптации к работе и жизни в петербургском социуме.

Порядка 70% трудовых мигрантов приезжают в Санкт-Петербург из небольших городов и сел государств постсоветского пространства¹⁶. Среднестатистический портрет типичного иностранного работника, прибывающего в город,

¹⁵ Аргументы и факты. 2018. № 7. С. 25.

¹⁶ Еще в советский период отмечались самые низкие показатели миграции из тех регионов СССР, которые служат основными донорами мигрантов в настоящее время. Демографы констатировали, что наблюдаются существенные различия коэффициентов миграционной подвижности в различных регионах Союза в сравнении со средними показателями в РСФСР: «Наиболее низкие коэффициенты – у узбеков и таджиков (в 3 раза ниже и более) и у коренного населения республик Средней Азии

выглядит следующим образом: это молодой мужчина в возрасте до 39 лет, уроженец Средней Азии, прибывший в Санкт-Петербург в безвизовом порядке, сельский житель, со средним образованием, без специальной профессиональной подготовки, с минимальным владением русским языком, здоровый, не представляющий опасности для окружающих, без вредных привычек, с низкой правовой информированностью, выполняющий неквалифицированную работу чаще всего в качестве подсобного рабочего на строительстве или разнорабочего в супермаркетах¹⁷. Как следствие, происходит качественное изменение параметров миграционного потока:

- изменения в конфессиональном составе мигрантов: более 80% мигрантов исповедуют ислам или являются выходцами из мусульманских стран;
- существенное понижение профессионального и образовательного уровня мигрантов: более половины вновь прибывших не имеет профессионального образования;
- быстро снижается процент мигрантов, владеющих русским языком даже на уровне минимального межличностного общения;
- большая часть трудовых мигрантов беднее, чем в прошлые годы. Особенно это остро стало проявляться с начала 2014 г. в связи с девальвацией российского рубля. Заметим, что структура потребности российского рынка в рабочей силе выглядит совершенно иначе:

- высококвалифицированные специалисты – 23%;
- квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр – 17%;

и Закавказья, особенно проживающего в сельской местности (в 4–7 раз ниже, чем в РСФСР), на фоне высоких показателей естественного прироста» (*Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1989. С. 40–41). Таким образом, исторически даже в рамках проживания в многонациональном советском государстве представители народов целого ряда республик так и не приобрели опыта существования в инокультурной полиэтничной среде: они не обладают навыками межкультурной коммуникации, многие испытывают серьезные трудности в адаптации к правилам жизни в больших городах.

¹⁷ См.: *Чистякова Н.Е.* Миграция в Санкт-Петербурге: Демографический аспект // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В.Б. Голофафа / под ред. О.Б. Божкова. СПб., 2008.

- специалисты средней квалификации – 16%;
- низкоквалифицированные кадры – 14%.

По данным ОЭСР, более половины малых и средних предприятий России испытывают нехватку квалифицированных кадров¹⁸.

Как следствие, подобное «качество» прибывающей из-за рубежа рабочей силы не способствует достижению одной из целей миграционной политики – ускорения экономического роста. Напротив, растет культурная дистанция между выходцами из преимущественно традиционных и зачастую моноэтнических сообществ и жителями высокоурбанизированного полиэтнического мегаполиса, что способствует росту напряженности в отношениях горожан с трудовыми мигрантами.

Согласно опросам трудовых мигрантов (преимущественно из Средней Азии), большинство из них не намерены в будущем оставаться в России и видят свою работу в качестве трудовых мигрантов как временную, сегодня только меньшая часть иммигрантов ориентирована на интеграцию в российское общество. Так, по данным социологических опросов (мигрантов разного происхождения, проведенных под руководством В.И. Мукомеля), остаться в России навсегда хотели бы около 27% мигрантов¹⁹. Однако у ряда экспертов возникает сомнение, является ли ответ на прямой вопрос опросной анкеты тем решением, которое будет обязательно реализовано мигрантом? Очевидно, что в зависимости от множества факторов конкретный человек может, во-первых, иметь несколько разных сценариев своего поведения, актуализируя в определенной ситуации один из них, во-вторых, вносить коррективы и менять сами эти сценарии исходя из множества привходящих обстоятельств. Это относится и к тем, кто собирается, согласно анкетным опросам, «остаться в России», и к тем, кто не собирается. Расширенные интервью с трудовыми мигрантами из Центральной Азии показывают, что они чаще всего находятся в нескончаемых поисках оптимального выбо-

¹⁸ Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в Россию. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top

¹⁹ Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11 / М.К. Горшков (ред.). М.: Новый хронограф, 2012. С. 254.

ра, все время корректируя свои планы. Надо учитывать также и то, что поведение человека, особенно сельского жителя или жителя небольших городов и городских окраин в странах Центральной Азии, определяется не столько в результате его единоличного решения, которое он озвучивает как желаемое для себя лично, сколько в результате сложных переговоров внутри сетей, к которым он принадлежит, где на него оказывают влияние и общие нормативные требования, как должно себя вести, и мнения родственников, друзей, близких, общие интересы семьи²⁰.

Поэтому более релевантными представляются данные опроса экспертов Всемирного банка таджикских иммигрантов, которые провели в России свыше трех месяцев. Так, он показал, что 73% предпочитают временную (циркульную) трудовую миграцию, 11% хотели бы остаться в России на срок до одного года, и только 16% желают остаться в РФ на постоянное жительство. Эти данные практически повторяют результаты опроса мигрантов из Киргизии²¹.

Тем не менее, международный опыт показывает объективную закономерность: «временные трудовые мигранты постепенно оседают в стране, где работали на протяжении нескольких лет, перевозят свои семьи, меняют свой статус, получают гражданство страны проживания»²². При отсутствии эффективных мер по интеграции мигрантов/иммигрантов вышеизложенные факты создают основу для дальнейшей фрагментации и поляризации населения крупных российских городов, создают дополнительные проблемы в процессе преодоления культурной дистанции между коренным населением и трудовыми мигрантами/иммигрантами.

Пышное празднование 300-летия Санкт-Петербурга в 2003 г. превратилось в мощную рекламную акцию, резко повы-

²⁰ См.: *Абашии С.* Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // *Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография* / ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 43–58.

²¹ См.: www.worldbank.org/ECA.

²² *Чудиновских О.С.* Сколько в России международных мигрантов? // *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика* / отв. ред. В.И. Мукомель М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека. «Academia», 2014. С. 36.

сившую для потенциальных мигрантов привлекательность и нашего города: только за последующие два года на берега Невы приехало, по различным неофициальным оценкам, от 800 тыс. до 1,2 млн иммигрантов, прежде всего, с Южного Кавказа и из постсоветской Центральной Азии²³. Официальная статистика также фиксирует миграционный прирост населения города именно с 2003 г. за счет мигрантов из стран СНГ. Хотя его размеры и динамика не так значительны, как обмен с регионами России. Одновременно практически сошел на нет миграционный прирост за счет стран Балтии.

При этом стоит напомнить, что речь идет о легальных мигрантах и об официальной статистике. Как отмечают специалисты, основной проблемой статистической информации о миграционных процессах в РФ в целом и в отдельных регионах страны, в частности, является недоучет значительных контингентов мигрантов. Порядок учета и регистрации трудовых мигрантов таков, что они в основном имеют временную регистрацию по месту жительства, и потому не попадают в поле зрения государственных статистических органов. По этой же причине сегодня имеется недоучет размеров учебной миграции, а Санкт-Петербург, как известно, – крупнейший учебный центр страны. Значительные проблемы остаются и в отношении учета миграции граждан России²⁴. Этим во многом объясняется и огромный разрыв между неофициальными оценками и официальными статистическими данными, касающимися динамики миграционного прироста в Санкт-Петербурге и в России в целом.

Как отмечает российский эксперт: «С одной стороны, из высших эшелонов власти раздаются сигналы о том, что Россия нуждается в притоке населения из-за рубежа на регулярной основе, причем не только в качестве временных работников, но и в качестве будущих граждан (т. е., по сути, признание фактического превращения страны в «иммиграционную»). С другой стороны, налицо энергичное противодействие при-

²³ См.: *Терентьев Д.* Бритые души // Совершенно секретно. 2006. № 2 (201). Февраль.

²⁴ См.: *Чудновских О.С.* Национальные системы сбора статистических данных о миграции в современной России // Миграция и развитие: Материалы междунар. конф. (Пятые Валентиновские чтения) / под ред. В.А. Ионцева. Т. 2. М., 2007. С. 102.

знанию этого факта и, как следствие, упор на сохранение модели временной миграции»²⁵. Приведем конкретный пример. В Центре занятости населения Петербурга на учете (на начало 2018 года) состояло чуть больше 16 тыс. человек, нуждающихся в работе. В то же время, по данным председателя Комитета по труду и занятости правительства Санкт-Петербурга Д. Чернейко, в городе проживает 500 тыс. трудовых мигрантов, из них половина работает без оформления необходимых документов (лишь 1 тыс. иностранцев, работающих в нашем городе, являются высококвалифицированными специалистами). По мнению чиновника, у нашей страны до сих пор нет четкого представления, зачем ей в принципе нужна иммиграция: «С ней бороться или использовать в своих целях? Какая именно миграция нам нужна? Сегодня же, к сожалению, во многих случаях миграция просто тормозит развитие нашей экономики и делает ее менее конкурентоспособной». В результате он приходит к выводу: «Теоретически половину из всех трудовых мигрантов можно заменить собственными ресурсами. Внутренний потенциал для замещения мигрантов имеется». ...По оценкам комитета, к работе можно привлечь до 70 тыс. инвалидов и около 300 тыс. студентов²⁶. Правда, приведенные цифры численности трудовых мигрантов и дежурный оптимизм чиновника по поводу возможного решения проблемы вызывают резонные сомнения у экспертов. Характерно, что антииммигрантская риторика властей российских регионов противоречит целевой установке федеральной власти – на создание широкого Евразийского экономического союза и обеспечение свободы передвижения людей, товаров, капиталов и услуг через границы государств-членов. Так, согласно ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., государства – члены ЕАЭС не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных договором и

²⁵ Малахов В.С. Феномен «новых иммиграционных стран»: российский случай в общеевропейском контексте // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 33–42.

²⁶ Петербург станет толерантней. URL: <http://www.baltinfo.ru/2013/02/15/Peterburg-stanet-tolerantnei-k-svoim-336631>.

законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка. Также в государстве трудоустройства признаются документы об образовании государств-членов без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании²⁷.

Ностальгия большинства мигрантов по «оставленному дому» и стремление обязательно туда вернуться подкрепляется давлением ксенофобии в принимающем обществе. Как уже отмечено, вопреки официальным планам привлечения и интеграции трудовых мигрантов, в России публичная политическая риторика и риторика многих СМИ, как правило, оценивает иммиграцию отрицательно, а мигрантов (особенно нелегальных) – как «чужаков» или «гостей», от которых в идеале следовало бы избавиться.

Так, по результатам социологического опроса ВЦИОМ (декабрь 2016 г.) были получены ответы на вопрос: Вы поддерживаете или не поддерживаете предложение о проведении амнистии мигрантов из стран СНГ, длительное время находящихся в России с нарушением законодательства? (закрытый вопрос, один ответ, в %).

В глаза сразу бросается заметное отличие ответов москвичей и петербуржцев от ответов россиян в целом. Если в среднем по стране в большей или меньшей степени поддерживают идею амнистии нелегальных мигрантов – 36%, то в Москве и Санкт-Петербурге таких только 28%. Как и среди тех, кто выступает против амнистии – в стране в целом это – 59%, а в Москве и Санкт-Петербурге – 66%.

Трудовых иммигрантов регулярно обманывают и бессовестно эксплуатируют и посредники, и работодатели. Причем этим занимаются и некоторые национально-культурные автономии, призванные, по мнению властей, защищать интересы мигрантов. Иногда такого рода организации превращаются в институциональную инфраструктуру, которая становится процветающим теневым коммерческим предприятием, а лидеры таких объединений выступают поставщиками дешевой рабочей силы для российского бизнеса или сами использу-

²⁷ *Бекяшев К., Моисеев Е.* Право Евразийского экономического союза. М.: Проспект, 2017. С. 137.

ют ее на своих предприятиях. Так, экс-лидер «Санкт-Петербургского общества соотечественников Узбекистана «Умид» бизнесмен (в прошлом капитан первого ранга – подводник) Алиджан Хайдаров из числа обращающихся в «Умид» соотечественников набирал временных работников на свои предприятия (туристическое агентство, авторемонтное предприятие, несколько гостиниц, ресторанов и кафе и др.), при этом постоянными сотрудниками «Умид» являлись только местные уроженцы (узбеки) и выходцы из Узбекистана, уже ставшие российскими гражданами. Представители Хайдарова распространяли среди прибывающих в город самолетами узбеков календари на узбекском языке с координатами «Умид» и сведениями о предоставляемой этой организацией помощи (в трудоустройстве, переводе документов и др.), поэтому многие из прибывших обращались в «Умид». Их принимали в члены национально-культурной автономии, для чего они оплачивали вступительный взнос. На эти деньги обещали в случае необходимости предоставлять помощь юристов, переводчиков и других специалистов, отправлять на родину больных и умерших. Помимо этого, существовали договоры «Умид» о поставках рабочей силы из Узбекистана на ряд заводов и в крупные торговые сети Санкт-Петербурга. Фирмы были заинтересованы в узбекских рабочих, так как могли платить им меньше, чем местным, а также могли нанимать их с помощью «Умид» целыми партиями²⁸.

Многие национально-культурные автономии и этнонациональные организации, представляющие в России народы ближнего зарубежья, отличает непрозрачность функционирования, слабая вовлеченность в них «новых» мигрантов. В большой степени они имеют презентационный характер. Часто их лидеры используют свой статус руководителя в качестве инструмента для достижения своих личных либо узкогрупповых политических, экономических и иных целей, что, в свою очередь, продуцирует воспроизводство клиентелизма и коррупции.

²⁸ См.: *Винер Б.* Этнические общины и идентичность в Санкт-Петербурге // В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 1: Северо-Запад России – Санкт-Петербург. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 71.

В настоящее время основу социальной активности национально-культурных объединений в РФ в отношениях с государством, утверждает В.Р. Филиппов, «составляет именно борьба за выделение материальных средств на проведение тех или иных культурных мероприятий (чаще всего, это организация традиционных народных праздников или концертов фольклорных самодеятельных коллективов), а также за предоставление офисов, оргтехники и проч. В конечном счете, многие «национальные» лидеры стремятся стать государственными чиновниками «по этнокультурному ведомству»²⁹.

Более того, в связи с образованием большого количества национальных культурных автономий (только в Санкт-Петербурге их сегодня около 130) актуальной и конфликтогенной проблемой становится «конкуренция НКА разных уровней, прежде всего, конкуренция региональных и местных НКА, НКА регионального уровня и региональных отделений федеральных национально-культурных организаций – союзов. Типичными явлениями становятся противоречия между одноименными НКА. Они проявляются в организации и проведении мероприятий, в разработке социальных программ, в обозначении позиции взаимодействия с другими НКА, с институтами гражданского общества, с институтами церкви и с органами власти и управления»³⁰. Даже чиновники Комитета по межнациональным отношениям и иммиграционной политике Правительства Санкт-Петербурга признают слабое влияние руководителей национально-культурных автономий, региональных общественных организаций на своих соотечественников, прибывающих и проживающих на территории Санкт-Петербурга.

В свою очередь, российские полицейские и чиновники миграционной службы нередко выступают не стражами закона, а гарантами «невидимости» иммигрантов для закона, получая с нелегалов «стабильный дополнительный доход». Миграционная служба «вызывает у мигрантов приступы ужаса и ассоциируется с депортацией. Правда, до депортации, которая

²⁹ Этнические процессы в столичном мегаполисе / отв. ред. В.Р. Филиппов. М.: ИА РАН, 2008. С. 190.

³⁰ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010. С. 90.

необходима по закону, почти никогда дело не доходит. Со слов мигрантов, почти все сотрудники миграционной службы и полиции берут взятки»³¹.

Сами мигранты зачастую не задумываются о легализации своего статуса, считая ее лишней тратой времени и денег, воспринимая легализацию как проблему, решение которой не принесет им никаких дивидендов³². Главная цель их приезда – это заработок, и потому они идут по пути наименьшего сопротивления, стремясь выстроить временную, не очень комфортную, но относительно привычную среду обитания, закрытую от «местных». Поэтому, в частности, так мал процент иммигрантов, которые оформляют патенты на работу. При этом, как выяснили социологи, «нелегальные мигранты не готовы даже думать о каких-либо формах борьбы и защиты своих прав. Вопрос о возможности массовых выступлений не вызывал никакого понимания... Единственный результат массовых выступлений они видят в аресте и депортации из страны»³³, чего трудовые мигранты боятся более всего.

Конечно же, рост массовой трудовой иммиграции (особенно нелегальной) имеет ряд негативных следствий: демпинг на рынке труда и в сфере услуг, сдерживание модернизации производства из-за дешевизны рабочей силы иммигрантов, массовые экономические правонарушения (занятость в полукриминальном секторе экономики, контрабанда, незаконные финансовые операции и др.), возникновение этнической монополии на отдельные виды экономической деятельности, увеличение числа уголовных правонарушений и в целом ухудшение криминогенной ситуации и др. Все это способствует росту недовольства среди членов принимающего общества.

Известный американский исследователь Р. Патнем, изучая влияние массовой иммиграции на уровень доверия в об-

³¹ Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009. С. 92, 98.

³² Цена патента в Санкт-Петербурге 3 тыс. рублей плюс стоимость подготовки к экзамену и тестирование, плюс стоимость медосмотра и полиса ДМС... Итого, по приблизительным подсчетам – это не менее 10 тыс. рублей – деньги для большинства приехавших на заработки мигрантов «неподъемные».

³³ Григорьев М., Осинников А. Указ. соч. С. 90.

ществе на материале США, пришел к выводу о том, что чем выше доля иммигрантов в обществе, тем ниже уровень доверия между иммигрантами и коренным населением. В свою очередь, низкий уровень доверия к другим людям и институтам внутри принимающего сообщества препятствует тому, чтобы иммигранты могли найти место в нем³⁴. Эта зависимость «работает» и в городах России. «Местные» постоянно напоминают приезжим иностранцам о том, что они «чужие» и не должны рассчитывать стать «своими». Петербургские социологи фиксируют достаточно высокий уровень тревожности, этнической ксенофобии, исламофобии и мигрантофобии в городе.

В подтверждение приведем некоторые результаты эмпирического политического исследования «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга», выполненного на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований в марте–апреле 2016 года. Руководитель проекта – доктор полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О.В. Попова.

В таблицах 1 и 2 представлены данные, отражающие мнение петербургских респондентов по поводу опасности конфликтов между русскими и нерусскими. Формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, в какой степени опасны конфликты между русскими и нерусскими (совсем не опасны; скорее, не опасны; скорее, опасны; очень опасны)?»

Угрозу конфликтов по этническому признаку (между русскими и нерусскими) петербуржцы оценивают следующим образом. Почти 2/3 респондентов (63,8%) считают данную проблему существенной, четверть – не очень серьезной (27,8%), 8,5% затрудняются выразить свое конкретное мнение. При этом мужчины, люди пожилого возраста, неработающие пенсионеры и люди с крайне низким уровнем дохода (ниже 5000 рублей в месяц) составляют большую долю

³⁴ Putnam R. Pluribus Unum: Diversity and Community in the 21 st. Century // Scandinavian Political Studies. 2007. № 30 (2). P. 137–174.

Таблица 1

Опасность конфликтов между русскими и нерусскими

Степень допустимости	Частота	Проценты	Процент допустимости	Накопленный процент
1 (совсем не опасны)	127	10,5	10,5	10,5
2 (скорее, не опасны)	208	17,3	17,3	27,8
3 (скорее, опасны)	416	34,6	34,6	62,4
4 (очень опасны)	351	29,2	29,2	91,5
Затрудняюсь ответить	102	8,5	8,5	100,0
Всего	1204	100,0	100,0	100,0

Таблица 2

Связь социально-демографических характеристик с оценкой степени опасности конфликтов между русскими и нерусскими.

Значимые стандартизованные остатки

Значения стандартизованных остатков (выше 1,65)					
Показатели	Совсем не опасны	Скорее не опасны	Скорее опасны	Очень опасны	Затрудняюсь с ответом
Пол					
Мужской	+1,7	–	–	–	–
Возраст					
18–29 лет	–	–	+2,3	–	–2,6
60 лет и старше	+2,4	–	–2,8	–1,8	+4,7
Образование					
Начальное, неполное среднее	–	–	–	–	+2,2
Неполное высшее	–	–	+1,7	–	–1,8
Род деятельности					
Работник упр./аппарата	–	–	–	+2,5	–2,0
Работник сферы услуг	–2,5	–	–	–	–

Окончание табл. 2

Значения стандартизованных остатков (выше 1,65)					
Показатели	Совсем не опасны	Скорее не опасны	Скорее опасны	Очень опасны	Затрудняюсь с ответом
Домохозяйка	-1,9	—	—	—	—
Студент, учащийся	—	—	—	—	-1,8
Пенсионер (н/раб.)	+3,3	—	-2,4	-2,5	+4,3
Другое	—	-2,0	+2,1	—	—
Самоидентификация по слоям общества					
Между высшим и средним слоем	—	—	—	—	-1,7
Средний слой	-1,7	—	—	—	-1,7
Низший слой	—	—	—	—	+3,4
Затрудняюсь с ответом	—	—	-1,9	—	+2,7
Доход					
До 5000 руб.	+2,8	—	—	—	—
5000–10 000 руб.	—	—	—	—	+2,8
18000–28 000 руб.	—	—	—	—	-2,0
Затрудняюсь с ответом	—	—	—	—	+3,0

Источник: Негров Е.О. Потенциал конфликтного дискурса: политологическая оценка общественного мнения петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2016. Вып. 3.

при выражении мнения о несущественности данной угрозы (+1,7, +2,4, 3,3% и 2,8% соответственно). Опасными такого рода конфликты считает учащаяся молодежь от 18 до 29 лет, а также управленцы (+1,7, +2,3 и +2,5 соответственно).

В таблицах 3 и 4 представлены данные, отражающие степень тревоги петербуржцев от присутствия рядом людей другой национальности. Формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, в какой степени лично вас тревожит присутствие рядом с вами в обыденной жизни людей другой национальности?»

Таблица 3

Степень тревоги от присутствия рядом людей
другой национальности

Степень допустимости	Частота	Проценты	Процент допустимый	Накопленный процент
1 совсем не тревожит	592	49,2	49,2	49,2
2 тревожит в какой-то степени	485	40,3	40,3	89,5
3 (сильно тревожит)	106	8,8	8,8	98,3
Затрудняюсь ответить	21	1,7	1,7	100,0
Всего	1204	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Связь социально-демографических характеристик с оценкой степени тревоги от присутствия рядом с респондентами людей другой национальности. Значимые стандартизованные остатки

Значения стандартизованных остатков (выше 1,65)				
Показатели	Совсем не тревожит	Тревожит в какой-то степени	Сильно тревожит	Затрудняюсь с ответом
Возраст				
60 лет и старше	+2,4	-2,1	-	-
Образование				
Начальное, н/среднее	-	-2,0	-	-
Род деятельности				
Рабочий	-	-	+2,0	-
Инженер, тех. спец.	-	-	-2,1	-
Домохозяйка	-	+2,1	-	-
Пенсионер (н/раб.)	+1,9	-	-	-
Самоидентификация по слоям общества				
Низший слой	-	-2,0	-	-
Затрудняюсь с ответом	-	-	-	+1,7

Окончание табл. 4

Значения стандартизованных остатков (выше 1,65)				
Показатели	Совсем не тревожит	Тревожит в какой-то степени	Сильно тревожит	Затрудняюсь с ответом
Доход				
Отказ от ответа	–	–	–	+4,8
Затрудняюсь с ответом	–	–	–	+2,9

Источник: Негров Е.О. Потенциал конфликтного дискурса: политологическая оценка общественного мнения петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2016. Вып. 3.

Вопрос о людях другой национальности вызвал очень мало сомнений у петербуржцев – лишь 1,7% респондентов затруднились с ответом. Тем не менее, по ощущению опасности от присутствия таких людей рядом голоса разделились практически поровну – 49,2% такие ситуации совсем не тревожат, а 49,1% тревожат сильно или в определенной степени. Анализ стандартизованных остатков показывает следующее: совсем не тревожит указанная ситуация неработающих пенсионеров старше 60 лет (+1,9 и +2,4 соответственно). Испытывают беспокойство домохозяйки (+2,1), а сильно переживают по этому поводу, прежде всего, люди рабочих специальностей (+2,0) (что и понятно, поскольку именно с ними трудовые мигранты вступают в конкуренцию за рабочие места), тогда как инженерно-технические специалисты, наоборот, такого сильного переживания от присутствия рядом людей другой национальности не ощущают (–2,1).

В таблицах 5 и 6 представлены данные, отражающие мнение петербургских респондентов по поводу опасности конфликтов между православными и мусульманами. Формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, в какой степени опасны конфликты между православными и мусульманами (совсем не опасны; скорее, не опасны; скорее, опасны; очень опасны)?»

Таблица 5

Опасность конфликтов между православными и мусульманами

Степень допустимости	Частота	Проценты	Процент допустимости	Накопленный процент
1 (совсем не опасны)	139	11,5	11,5	11,5
2 (скорее, не опасны)	181	15,0	15,0	26,6
3 (скорее, опасны)	373	31,0	31,0	57,6
4 (очень опасны)	408	33,9	33,9	91,4
Затрудняюсь ответить	103	8,6	8,6	100,0
Всего	1204	100,0	100,0	100,0

Таблица 6

Связь социально-демографических характеристик с оценкой степени опасности конфликтов между православными и мусульманами.

Значимые стандартизованные остатки

Значения стандартизованных остатков (выше 1,65)					
Показатели	Совсем не опасны	Скорее не опасны	Скорее опасны	Очень опасны	Затрудняюсь с ответом
Пол					
Мужской	+2,4	–	–	–	–
Женский	–2,0	–	–	–	–
Возраст					
18–29 лет	–	–	+1,9	–2,0	–2,1
40–49 лет	–2,3	–	–	–	–
60 лет и старше	+3,0	–1,8	–1,9	–	+2,0
Образование					
Начал., н/среднее	+1,8	–	–	–	+3,3
Среднее профес.	–	–	–	–	+1,7
Неполное высшее	–	–	–	–	–2,5
Род деятельности					
Работник упр/апп.	–	–	–	+2,1	–1,7

Окончание табл. 6

Значения стандартизованных остатков (выше 1,65)					
Показатели	Совсем не опасны	Скорее не опасны	Скорее опасны	Очень опасны	Затрудняюсь с ответом
Рядовой работник торговли	–	–	+2,9	–2,1	–
Пенсионер (н/раб.)	+2,9	–	–2,0	–	+1,7
Самоидентификация по слоям общества					
Средний слой	–1,9	–	+2,5	–	–
Низший слой	+1,9	–	–2,3	–	–
Затруд. с ответом	+1,8	–	–	–	+2,7
Доход					
До 5000 рублей	–	–	–1,7	–	+2,2
Свыше 28 000 руб.	–	–	–	–	–1,9
Отказ от ответа	–	+1,8	–	–	–
Затруд. с ответом	–	–	–	–	+2,2

Источник: Негров Е.О. Потенциал конфликтного дискурса: политологическая оценка общественного мнения петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2016. Вып. 3.

В рамках данного потенциального конфликта ситуация выглядит вполне определенной и тревожной. Почти две трети респондентов считают угрозу конфликтов на религиозной основе весьма существенной (64,9%), только чуть больше четверти не считают данную проблему серьезной (26,5%) при 8,6% не определившихся. При анализе стандартизованных остатков выясняется следующее. Женщины оценивают опасность конфликтов между православными и мусульманами существенно выше мужчин (–2,0 против +2,4 в соответствующей рубрике). По молодежи информация противоречивая, а вот люди средних лет (40–49 лет) однозначно склонны оценивать угрозу таких конфликтов существенно сильнее, чем пенсионеры (–2,3 и +3,0 соответственно). Чем ниже уровень образования, тем, с одной стороны, больше

сомнений по поводу собственной позиции, а с другой – тем ниже (что неожиданно) уровень оценки степени угрозы конфликтов на религиозной основе (+3,3 и +1,8 соответственно). Интересно, что работники управленческого аппарата весьма высоко оценивают степень таких угроз (+2,1) при низком уровне сомнения в собственной позиции (–1,7), пенсионеры, наоборот, не считают эту угрозу существенной (+2,9 и –2,0 соответственно), а позиция рядовых работников торговли достаточно противоречива (+2,9 и –2,1 соответственно). В то же время те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему слою (–1,9/+2,5 и +1,9/–2,3 соответственно), что подтверждается и сравнением по реальным доходам – те, у кого они ниже 5000 рублей в месяц, также не склонны оценивать степень такой угрозы как высокую (–1,7), видимо, имея перед собой более серьезные и актуальные проблемы выживания.

В целом 39,6% респондентов считают отношения петербуржцев и приезжих (речь идет не о туристах, а о приезжающих из других регионов России на постоянное жительство или из других государств на временную работу) напряженными, а 22,9% полагают, что за последний год произошло заметное ухудшение этих отношений, при 49,3%, оценивающих эти отношения как спокойные³⁵.

Характерно, что эти социологические данные противоречат официальным, согласно которым доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Санкт-Петербурге, в 2016 г. составляла 58,9%, а состояние межконфессиональных отношений в Санкт-Петербурге – 57,7%³⁶.

³⁵ *Попова О.В.* Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд. Московского университета, 2018. С. 262.

³⁶ Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Санкт-Петербурга за 2016 год. Характеристика итогов реализации государственной программы Санкт-Петербурга в 2016 году. URL: <http://government.ru/media/files/cG6nOsmqRzygK01IjvjgXzFxuufA8VPl.pdf>

Это недоверие и страхи перед «чужими», особенно мусульманами, видимо, связаны и с тем, что далеко не все иммигранты приезжают трудиться на благо своей семьи и нашего города. По статистике специальной службы ГУВД Петербурга, с советских времен курирующей иностранных гостей, в 2003 г. количество преступлений, совершенных в городе иностранцами, впервые превысило число преступлений, совершенных в отношении них самих, причем сразу в три раза. За прошедшие годы ситуация с так называемой «этнической преступностью» резко обострилась. Так, по данным Следственного комитета Санкт-Петербурга, в 2012 г. иностранными гражданами совершается каждое шестое убийство. Они стали причастны к трети всех изнасилований в городе. Причем подавляющее большинство преступлений совершается мигрантами в общественных местах³⁷.

В 2017 году в городе явно ухудшилась ситуация и с так называемыми «экстремистскими и террористическими проявлениями». Помимо всем памятного взрыва в петербургском метро, были открыты дела о предотвращенных терактах, изъятия оружия и экстремистской литературы, фактах вербовок в ряды террористов. По статьям об экстремизме и терроризме в 2017 г. в СК возбуждено соответственно 15 и 9 дел против 10 и одного в предыдущем году³⁸.

Характерно, что важнейшим элементом системы доказательства «чуждости» мигрантов, в том числе из других регионов России, и возможности применения в отношении них дискриминационных практик, является утверждение об их «беспочвенности» – отсутствии у них «корней» в данной почве, хотя известно, что значительная часть горожан – петербуржцы в первом поколении. «Такое определение приезжих или, точнее, их дисквалификация означает одновременное утверждение, легитимацию претензий большинства на какие-то полагающиеся ему по праву рождения или длительности срока проживания привилегии..., предъявление прав на подходящие социальные позиции или занятия, которые не должны распространяться на

³⁷ См.: Петербургский дневник. 2013. 31 янв. С. 2.

³⁸ Рутман М. Взяточники наращивают калибр // СПб ведомости. 2018. 8 февр. С. 4.

«неместных»³⁹. Как результат, закрепленное в Конституции РФ равноправие всех народов не стало сегодня общепризнанной нормой. С тем что все граждане России, вне зависимости от национальности, должны обладать равными правами, солидарны только 64% россиян. Каждый третий (31%) полагает, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы. Причем идею привилегированности русских вдвое чаще разделяют сами русские, чем представители других народов (34 против 15% в среднем). В целом же 37% граждан России выступают за то, чтобы русские в Российской Федерации и «коренные» народы в национальных республиках и округах имели больше прав, чем другие⁴⁰.

В то же время официальный дискурс и практические действия городских властей в осуществлении «национальной» и миграционной политики часто приводят к тому, что в общественном сознании формируется образ монолитных «национальных общин» и особенно общин «этнически чуждых» мигрантов как виновников ухудшения социально-экономической ситуации и угрозы общественной стабильности. Проблема дискриминации не только отодвигается на задний план, но и применительно к мигрантам «де факто» не признается вообще. Более того, дискриминационные практики могут признаваться вполне приемлемыми (как средство предотвращения так называемых этнических конфликтов).

Постепенно сформировалось и стереотипное отношение к проблеме иммиграции и иммигрантам, разделяемое большинством россиян:

1. Внешняя миграция ведет к ухудшению социально-экономической ситуации, увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру и местный бюджет, снижает насыщенность рынка продуктами и потребительскими товарами, обостряет конкуренцию из-за жилья и рабочих мест.

2. Мигранты вносят значительный вклад в рост преступности: либо сами совершают правонарушения, либо создают

³⁹ Нужны ли иммигранты российскому обществу? / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 34–35.

⁴⁰ Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 5 (135) сентябрь–октябрь. С. 105–106.

«опорные базы» для транспортировки оружия и наркотиков и для деятельности этнически родственных им криминальных «гастролеров».

3. Миграция дестабилизирует политическую ситуацию: рост числа «чужаков» обостряет недовольство коренных жителей и провоцирует конфликты. Так, по данным «Левада-Центра», только 36% опрошенных считают, что работа мигрантов полезна для страны, а 35% с этим не согласны.

Поэтому власти обязаны принимать запретительные и репрессивные меры, препятствующие въезду новых мигрантов. Не случайно 52% респондентов «Левада-Центра» высказались за введение жесткого визового режима с постсоветскими странами Закавказья и Средней Азии⁴¹.

Важно отметить, что социально-экономическая стратификация в российском обществе начинает накладываться на этнические различия. Сегментация рынков труда постепенно ведет к выделению секторов, занятых преимущественно мигрантами. То есть начинается процесс формирования так называемых этноклассов. В результате «в глазах обывателя сформировались устойчивые образы, с одной стороны, «таджика» – нуждающегося, обделенного богатством и статусом, а с другой стороны – «кавказца», наслаждающегося благами, недоступными рядовому российскому гражданину. С первым из этих образов ассоциируется «смутное, но сильное ощущение превосходства», со вторым – рессентимент»⁴². Характерно, что мигрантов из республик Северного Кавказа, т. е. граждан России, горожане зачастую не воспринимают как «своих».

Парадоксально также то, что в Санкт-Петербурге, где число родившихся в городе постоянных жителей составляет менее 2/3 (63,4%), при приехавших из другого региона России – 30,8% и из другого государства – 5,8%, страхи,

⁴¹ См.: *Ачкасов В.А.* Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга // *Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография* / ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 141–153.

⁴² *Малахов В.С.* Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне // *Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...* Сб. статей / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М., 2013. С. 123–124.

связанные с негативными стереотипами в отношении трудовых мигрантов, достаточно серьезно укоренены в массовом сознании. Так, 33,8% полагают, что в случае их увольнения рабочее место может быть занято этой категорией приезжих, 29,7% полагают, что мигранты совершают преступления чаще, чем местные жители. 9,9% респондентов заявили, что готовы присоединиться к акциям протеста против трудовых мигрантов⁴³. Петербургский социолог О. Карпенко вычленяет и своеобразные технологии формирования так называемой «охранительной» модели взаимоотношений между «хозяевами» и «гостями». Естественно, что «хозяевами» признаются в первую очередь представители этнического большинства, а в качестве «гостей» – либо члены конкретных этнических групп (чеченцы, таджики), либо некие обобщенные квазиэтнические категории («южан», «кавказцев» или «горцев», к которым относят всех людей «неславянской наружности»). При этом «хозяева» обладают правом порицать и наказывать «гостей» за уклонение от соблюдения обычаев, установленных «нами» в «нашем доме», на «своей» территории. Привилегированное право на наказание признается за силовыми структурами, и сила признается самым действенным методом воздействия на «гостей». Свою весомую роль в формировании этой модели сыграли российские СМИ⁴⁴.

Действительно, значительная часть горожан не хочет признавать, что с помощью рабочей силы из-за пределов России в определенной степени восполняется нехватка трудовых ресурсов, заполняются не престижные для коренного населения, но общественно необходимые трудовые вакансии и смягчается демографическая проблема. Наоборот, растут опасе-

⁴³ *Попова О.В.* Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд. Московского университета, 2018. С. 262.

⁴⁴ *Карпенко О.* Языковые игры с «гостями с юга»: кавказцы в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. Малахова и В. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, Ин-т философии РАН, 2002. С. 190.

ния, что массовый приток иммигрантов будет способствовать снижению общего уровня заработной платы, создаст напряжение на рынке труда и жилья (даже по официальным данным, в России сегодня достаточно высок уровень безработицы, он составляет 11,8% экономически активного населения (2017 г.), ну а «жилищная проблема» в нашей стране относится к разряду «вечных» и «испортила» не только москвичей. Все эти негативные изменения в повседневной жизни, как считают многие горожане, могут привести к необходимости смены места проживания, поскольку в худшую сторону начнут меняться условия и качество жизни, социальное окружение, что, наконец, под вопрос будет поставлена «самобытность русской культуры». Поэтому с оптимизмом смотрят в будущее только 22,5% опрошенных петербуржцев, с пессимизмом – 21,4%, еще 36,2% считают, что для них в ближайшем будущем ничего не изменится⁴⁵. При этом характерно, что «коренные» россияне по-прежнему связывают все свои надежды с властью – именно она должна решать все вопросы, в том числе именно она обязана изгнать мигрантов.

Однако если «коренное» население города не признает иммигрантов в качестве даже потенциальных членов своего сообщества, то и иммигранты могут отказывать в признании «коренному» населению. Так, эксперты отмечают, что среди мигрантов из постсоветской Центральной Азии идет рост исламистских настроений и сплочение их на этой основе. В частности это происходит под влиянием тяжелых условий труда и его низкой оплаты, из-за преследований со стороны коррумпированных правоохранительных органов, давления массовых ксенофобских настроений и т. д.

Новые иммигранты часто организованы по сетевому принципу и управляются неформальными социальными лидерами, многие из которых являются религиозными и/или криминальными авторитетами. Причем чем больше проблем с легализацией трудовой деятельности и пребывания возникает у трудовых мигрантов, тем больше они нуждаются в сетях «своих», кто будет им помогать, и тем больше должен мигрант вкладывать средств и усилий в то, чтобы со-

⁴⁵ *Попова О.В.* Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)... С. 261–262.

хранять сво членство в сетях, связывающих его обществом исхода⁴⁶.

По данным экспертов, многие из групп таджикских и узбекских рабочих организованы по принципу джааматов во главе с лидером, являющимся одновременно бригадиром, родовым старейшиной и религиозным авторитетом. Кроме того, на территорию России без регистрации (на краткие сроки) приезжают религиозные авторитеты из стран Центральной Азии для проведения различных ритуалов и проповедей. Оба канала могут легко послужить цели распространения экстремистских настроений⁴⁷. К сожалению, этот прогноз получил подтверждение 4 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге, когда молодой выходец из Кыргызстана совершил теракт в метро. Не так давно директор ФСБ Александр Бортников даже заявил, что основу действующих на территории России групп террористов составляют прибывающие из стран бывшего СССР трудовые мигранты, что именно в мигрантской среде преступники ведут активную вербовочную деятельность и рекрутируют исполнителей терактов⁴⁸. Характерно, однако, что это трагическое событие не привело к ожидаемому всплеску мигрантофобии в городе и, напротив, показало способность петербуржцев к сплочению и совместным действиям перед лицом террористической угрозы.

В 2014–2017 гг. отношение к трудовым иммигрантам несколько улучшилось, однако связано это не с действиями властей по их успешной интеграции или изменениями психологических установок россиян в отношении иммигрантов, просто под влиянием экономического кризиса и падения кур-

⁴⁶ Под этнической социальной сетью понимают устойчивые и повторяющиеся доверительно-реципрокные связи разной интенсивности между членами одной этнической группы, основанные на взаимном признании друг друга как представителей определенной этнической общности и реализуемые посредством обмена.

⁴⁷ *Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 1. С. 160–176.

⁴⁸ *Калюков Е.* Глава ФСБ назвал трудовых мигрантов из СНГ косяком групп террористов. URL: <http://www.rbc.ru/politics/11/04/2017/58ec92ea9a79477def3267f1>, 11 апреля 2017 г.

са рубля по отношению к доллару и евро заметно снизился приток трудовых мигрантов, а затем внимание массовой аудитории было переключено на события, последовавшие за «Евромайданом» в соседней Украине⁴⁹. По данным аналитиков Центра стратегических разработок (ЦСР), с 2015 г. временная миграция в Россию, в том числе и трудовая, заметно уменьшилась. Сокращение затронуло контингент не только из дальнего зарубежья, но и из Средней Азии: Узбекистана и Таджикистана – на 15% по сравнению с показателями 2014 г. Авторы доклада объясняют, что численность мигрантов снизилась на фоне девальвации рубля и сжатия российского рынка труда.

Как результат, данные опросов Левада-Центра показывают, что в 2015 г. намечилось некоторое снижение числа сторонников ограничения миграционного притока в страну (68%) и увеличилась доля тех, кто считает, что следует не «ставить административные барьеры для мигрантов», а пытаться «использовать их потенциал на благо страны».

Авторы доклада также отмечают, что сама проблема миграции стала значительно меньше волновать население: «если в 2013 г. эта проблема тревожила практически треть опрошенных, то в феврале 2015 г. об этом заявляли только 8% опрошенных»⁵⁰.

Снижение ксенофобии в 2014–2017 гг. в отношении мигрантов, как представляется, обусловлено рядом объективных причин. К ним можно отнести следующие:

1. Миграция рассматривается как «меньше зло» по сравнению с «большим злом» – угрозой России извне, со стороны США и его союзников. То есть произошло частичное замещение привычного объекта ксенофобских установок новыми объектами.

⁴⁹ Одновременно наблюдался взлет негативного отношения к украинцам. Об этом можно судить по изменению доли респондентов, положительно ответивших на вопрос: «Следует ли ограничить проживание в России людям следующих национальностей?» Применительно к украинцам доля положительных ответов на этот вопрос росла: с 1% в начале 2014 г. до 8% в конце того же года и до 14% – в 2015 году (См.: Общественное мнение – 2015. М., 2016. С. 198).

⁵⁰ Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/print/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>

Таблица 8

Вопрос: Как вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России: пытаться ограничить приток приезжих – или не ставить на его пути никаких административных барьеров и пытаться использовать его на благо России?

2014–2015 гг.	Июль 02	Октябрь 05	Август 07	Октябрь 08	Ноябрь 09	Ноябрь 11	Август 12	Октябрь 13	Июль 14	Август 15
Пытаться ограничить приток приезжих	45	59	57	52	61	64	70	78	76	68
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	44	36	32	35	30	28	20	14	16	23
Затруднились ответить	10	6	10	13	9	8	10	8	8	9

Источник: Левада-Центр <http://www.levada.ru/print/25-08-2015/kxenofobiya-i-natsionalizm>

2. Произошла «публичная депроблематизация миграционной повестки» (отсутствие громких конфликтов на национальной почве, снижение числа телепередач, разоблачающих мигрантов, в целом снижение внимания СМИ к этой тематике).

Но, скорее всего, подобное индифферентное отношение к иммигрантам большей части населения является временным. Этнические фобии обладают высокой инерционной устойчивостью и могут долго удерживаться в массовом сознании и потому очень вероятно в обозримой перспективе усиление мигрантофобии, как только конфликт на востоке Украины разрешится или потеряет актуальность «внешняя угроза» России с «Запада».

Санкт-Петербург, как, впрочем, и российская столица, находится сегодня в довольно сложной ситуации, что вызвано недостатком опыта работы городских властей с массовым

потоком международных мигрантов всех категорий, отсутствием механизмов интеграции приезжих в общее социальное пространство через НКО, социальные службы и диаспоры, коррупцией в государственных и муниципальных органах власти и т. д.

В России устойчивым стереотипом стало восприятие государственной национальной политики как политики, ориентированной исключительно на удовлетворение нужд меньшинств этнокультурных групп. Поэтому и «национальная политика» в крупных российских городах преимущественно понимается как патронаж в отношении этнокультурных объединений (национально-культурных автономий). В результате контрагентами чиновников часто «выступает крайне ограниченный круг «национальных лидеров», руководствующихся в своих действиях преимущественно личными амбициями», но выступающих от имени «национальных общин». Однако «...все разговоры о цельных и структурированных «национальных общинах», отношения между которыми и государством якобы надо «регулировать», – не более чем продукт воображения»⁵¹.

В чем опасность такого хода событий, понять нетрудно. Как показали исследования петербургских социологов, «...ориентация на этничность в среде недавних экономических мигрантов носит ситуативный характер и часто не является определяющей при выборе ими жизненных стратегий, в том числе трудовых»⁵², многое зависит от среды, в которую они попадают. Как пишет социолог А.Г. Вишневский: «Издавна известны институциональные формы, которые помогают пришлому населению одновременно существовать в «двух средах» и тем самым облегчают адаптацию. Одна из наиболее известных с давних времен форм мирного взаимодействия пришлого населения с местным – это существование в диаспоре»⁵³. ...Однако сегодня задача диаспоры не культурная изо-

⁵¹ Этнические процессы в столичном мегаполисе / отв. ред. В.Р. Филиппов. М., 2008. С. 7.

⁵² См.: Бредникова О., Панченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2011. № 1.

⁵³ Однако в научной литературе нет общепринятого ответа на вопрос, что такое диаспора? Так, по определению Доминик Шнаппер, важнейшие признаки диаспоры – это «минимальная институализация экономических, политических и идентитарных контактов между различными

ляция и сохранение культурной идентичности, а максимальное облегчение «вхождения иммигранта в новую для него социальную и культурную среду, сохраняя только те элементы культурной самобытности, которые этому не препятствуют, а, иногда, не сохраняя даже и их. ...Теперь диаспора должна быть ориентирована не столько на то, чтобы обособить вновь прибывшего мигранта от принимающего общества, сколько на то, чтобы помочь ему как можно быстрее вписаться, интегрироваться в него»⁵⁴.

Однако В.И. Дятлов при рассмотрении приспособления мигранта к новым условиям описал две стратегии диаспорализации (процесс формирования диаспор):

1) создание собственных этнически маркированных социальных сетей, главными субъектами которых выступают только что приехавшие мигранты, использующие созданные сети для адаптации в принимающем обществе;

2) создание собственных этнически маркированных социальных сетей путем актуализации этнической идентичности, где ведущая роль принадлежит мигрантам, интегрированным в принимающее общество⁵⁵.

Естественно в более выигрышном положении, в том числе в отношениях с властями, оказываются диаспоры, созданные мигрантами, интегрированными в принимающее общество.

Так, социологи обнаружили, что этнические диаспоры в Санкт-Петербурге, в частности азербайджанская, «состоит

общинами рассеянного народа, стабильность отношений с принимающим обществом, особая форма стремления к единству и «возвращению», даже если оно остается лишь в сфере воображаемого». Если исходить из этого определения, то иммигранты в России не образуют диаспор. Если же исходить из определения Г. Шеффера: «сильное чувство идентичности; солидарность по отношению к членам общины и политическая, религиозная или культурная самоорганизация на уровне группы; различные формы контактов с территорией или страной происхождения» (цит. по: *Танги А., де. Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. М., 2012. С. 14*), то в России существуют иммигрантские диаспоры, но они не включают новых трудовых мигрантов.

⁵⁴ Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 93.

⁵⁵ Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf

из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружились жесткие границы между, по крайней мере, двумя сообществами»⁵⁶. Первое состоит из хорошо интегрированных и достигших определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцев, «которые в свободное от основной работы время могут позволить себе быть «азербайджанцами»... Одни из них сделали этничность своим хобби, другие – профессией. Они претендуют на то, чтобы представлять интересы «всех азербайджанцев Петербурга», выступать в качестве посредников между «диаспорой» и государственными/городскими властями.

Между тем существует другое (более массовое. – В. А.) сообщество – недавние экономические мигранты. Граница между этими сообществами лежит не в этническом измерении, но основывается на нескольких взаимосвязанных критериях: время проживания в городе, степень интегрированности, различный социальный статус и прочее»⁵⁷.

Эту проблему неоднородности этнических диаспор и разной степени представленности таких групп внутри национально-культурных автономий особо отмечает и академик В.А. Тишков, который пишет: «...часто группа людей, объединенных в национально-культурную автономию, пытается представить интересы всего народа. Между тем в подобных организациях трудно предусмотреть демократические процедуры выборов. Поэтому организации, национально-культурные автономии говорят и пишут о том, чего могут не разделять тысячи и десятки тысяч представителей народа. Из-за этого зачастую возникают конфликтные ситуации, чреватые серьезными последствиями в полиэтнических регионах»⁵⁸. В.Р. Филиппов приводит весьма характерное высказывание представителя Ассоциации ассирийцев Москвы Р. Биджамова: «Очень больной для всех нас вопрос – это вопрос о леги-

⁵⁶ *Панченков О.В.* Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2008. № 1. С. 169.

⁵⁷ Там же. С. 169–170.

⁵⁸ *Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М., 2008. С. 16.

тимности национально-культурных организаций. Не секрет, что большинство из них являются на самом деле своего рода группами по интересам, клубами; это квазиорганизации, которые не имеют прочных связей со своей этнической средой и зачастую возглавляются непрофессиональными, некомпетентными, амбициозными и далекими от демократических традиций лидерами»⁵⁹. Поэтому абсолютно иллюзорны надежды и чиновников городских правительств, и некоторых социологов, как и лидеров оппозиционной «Справедливой России», на то, что этнические диаспоры смогут решить все проблемы больших городов России, связанные с массовой иммиграцией⁶⁰. Поэтому и власти не должны конституировать право лидеров национально-культурных автономий выступать от имени всей совокупности лиц, относящихся (или отнесенных) к той или иной «национальности». Необходимо также помнить, что коллективные права этнокультурных объединений не могут ставиться выше индивидуальных прав на свободный выбор форм реализации своей этнокультурной идентичности.

Важно отметить, что миграционный прирост в Санкт-Петербурге и других городах России сегодня происходит за счет этого второго сообщества (новые трудовые мигранты из постсоветских стран Центральной Азии), которое не интегрировано в принимающий социум и сложившиеся «старожильческие» диаспоры, подвергается функциональной сегрегации и дискриминации по фенотипическим, этническим и конфессиональным признакам, что подталкивает к их сплочению на этнической/конфессиональной основе. Исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН (руково-

⁵⁹ Этнические процессы в столичном мегаполисе / отв. ред. В.Р. Филиппов. М., 2008. С. 7–8.

⁶⁰ В открытом письме Оксаны Дмитриевой к ВРИО губернатора Санкт-Петербурга предлагается следующее: «Есть простейшие способы в кратчайший срок избавить петербуржцев от чувства раздражения тем, что происходит сегодня в миграционной политике города. Заключите публичный общественный договор со всеми национальными диаспорами. Они наведут порядок в своих рядах быстрее, чем наша доблестная полиция. По своим – неписанным, но жестко соблюдаемым – национальным законам» (Справедливая Россия. Петербург. 2011, август, № 7 (24). С. 1). От этого «простого» решения сложной проблемы так и веет популизмом.

датель проекта В.И. Мукомель), анализирующие ситуацию на рынках труда и жилья, наглядно показывают, что мигранты в крупных городах России попадают в своеобразный порочный круг: отторжение мигрантов принимающим сообществом и властными структурами (наряду с объективными обстоятельствами, ограничивающими доступ мигрантов к тем или иным профессиям) формирует специфические социальные практики включения мигрантов в местные рынки труда, их функционирования на этих рынках. Имеются некоторые признаки того, что в сфере занятости идет процесс сегрегации этнических групп (по крайней мере, в строительстве, торговле, общественном питании, общественном транспорте), выстраивание их иерархии, когда представителям того или иного меньшинства отводится вполне определенная социальная ниша. Причем ни принимающее большинство, ни власти, ни другие меньшинства не приветствуют попытки покинуть такую нишу⁶¹. В результате, закрепление в определенной нише в сочетании с низким профессиональным статусом не предполагает позитивной стратегии адаптации, поскольку мигрант ограничен тем сегментом экономики, где он только и может приложить свои трудовые навыки.

В свою очередь, как отмечает президент Франции в 1974–1981 гг. В. Жискара д'Эстен, опираясь на исследования французских социологов, «...когда доля иммигрантов в составе населения достигает определенного уровня (по мнению некоторых авторов – это 10% от общей численности населения), их желание интегрироваться в это население ослабевает, а после перехода через определенный порог... меняется на противоположное. И тогда приехавшие стремятся сгруппироваться, замкнуться в своей среде и защищать свою первоначальную идентичность, сохраняя свой язык, свою культуру, все свои прежние привычки повседневной жизни. С этого момента процесс интеграции приостанавливается»⁶². Замыканию этнических иммигрантских общин способствует распределение

⁶¹ См.: Национальные меньшинства на рынках труда и жилья: социологические исследования этнофобий и дискриминации в субъектах Российской Федерации. М.: РГНФ, 2014.

⁶² Жискара д'Эстен В. Французы: Размышления о судьбе народа. М., 2004. С. 183.

мигрантов и коренных жителей по разным сферам приложения труда и местам проживания.

В идеале существующие в городах России национально-культурные объединения действительно могут взять на себя часть забот по адаптации и интеграции вновь прибывающих трудовых иммигрантов в российское общество. Однако власти не должны конституировать право лидеров национально-культурных автономий монопольно выступать от имени всей совокупности лиц, относящихся (или отнесенных) к той или иной «национальности». Необходимо также помнить, что коллективные права этнокультурных объединений не могут ставиться выше индивидуальных прав на свободный выбор форм реализации своей этнокультурной идентичности.

Однако по-прежнему наличие в том или ином регионе этнокультурных ассоциаций, финансируемых в рамках официально утвержденных программ из государственного и регионального бюджетов, служит важнейшим показателем успеха политики в сфере «межнациональных отношений». Для того чтобы отчитываться перед вышестоящими властными структурами, чиновникам от этнополитики «необходимо иллюстрировать свою деятельность перечнем конкретных мероприятий, осуществленных за отчетный период, – мероприятий зримых и очевидных. При этом важно заметить, что кропотливая, последовательная, но малозаметная работа по формированию российской идентичности зримым достижением быть не может, а различные фольклорно-фестивальные мероприятия, часто демонстрирующие не столько многообразие культур, сколько культурную отличительность и культурные границы внутри российского социума, есть очень удобная форма отчета, которая удовлетворяет чиновников в регионах и в Центре. Бюрократическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках (и городах России), что никак не помогает решать наиболее сложные проблемы реальной этнополитики», – отмечает Ю.П. Шабаев⁶³. Причем эта показная

⁶³ См.: *Шабаев Ю.П.* Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления // Социология и социальная антропология. 2014. № 2.

этнополитика никогда не мешала возникновению конфликтов, когда представители «коренного населения» претендуют на исключительное владение «своей» территорией и требуют сохранения разного рода преференций для себя. Появление массовых категорий «пришлых» создает потенциал конфликта, которые периодически прорываются наружу в насильственной форме, и зачастую жертвами насилия становятся случайные люди, идентифицируемые в качестве «чужих» на основании фенотипических и «этнических» отличий.

В то же время официальный дискурс и практические действия властей в осуществлении «национальной» и миграционной политики, в конечном счете, приводят к тому, что в общественном сознании формируется образ монолитных «национальных общин» и особенно общин «этнически чуждых» мигрантов как виновников ухудшения социально-экономической ситуации и угрозы общественной стабильности. Проблема дискриминации не только отодвигается на задний план, но и применительно к мигрантам «де факто» не признается вообще. Более того, дискриминационные практики могут признаваться вполне приемлемыми (как средство предотвращения так называемых этнических конфликтов). В результате получают широкое распространение различные формы прямой дискриминации и сегрегации «этнических чужаков», которые занимают нижние ступени в социальной иерархии, тем самым постепенно превращая российское общество в общество, в котором социальные низы образуют изолированные этнические меньшинства – выходцев из мусульманских стран и регионов.

Не меньше проблем с интеграцией в принимающее общество детей трудовых мигрантов (по оценкам на 2014 г., более 18% учащихся в образовательных учреждениях Петербурга – это дети иммигрантов). Первая и основная проблема, с которой сталкиваются дети иммигрантов, – языковой барьер. Причем в дошкольных учреждениях (ДОУ) эту проблему отмечают в два раза чаще, чем в школе: 70,5% и 39,3% соответственно. Очевидно, что в работу по поддержке детей иммигрантов следует включать не только обучение детей русскому языку, но и формирование толерантного отношения русскоговорящих детей к языковой культуре детей другой национальности.

Родители отмечают, причем в школе больше (28,4%), чем в ДОУ (9,1%), что дети из числа нацменьшинств могут сталкиваться с интолерантным отношением сверстников (символический барьер). Дети могут дразнить, давать обидные прозвища, клички. Агрессивное отношение к нацменьшинствам больше проявляют дошкольники (13,6% против 8,4% в школе)⁶⁴. Поэтому несложно предсказать, что сотни тысяч детей «гастарбайтеров», родившихся или прошедших социализацию в «негостеприимной» России, не будут мириться с унижением и дискриминацией, которым подвергались и подвергаются их отцы и которые соглашались на любые условия труда и жизни. Второе поколение иммигрантов будет отвергать дискриминацию по этническим и расовым основаниям, этнофобии и ксенофобии «коренного» населения и будет активно протестовать против собственного низкого социального статуса. Как показывают социологические исследования, чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем выраженнее этническая интолерантность. Тем более что всегда найдутся политические лидеры, готовые сделать защиту этнических интересов своей профессией.

Поэтому оптимизировать осуществление так называемой «национальной» и миграционной политики в Санкт-Петербурге (как и в других крупных городах России) и решить задачу выбора иммигрантами стратегии интеграции в российское общество можно только в том случае, если акцент в деятельности властей будет смещен с полицейских мер и депортаций незаконных иммигрантов, с мероприятий преимущественно культурно-фольклорного характера и работы исключительно с национально-культурными объединениями и их лидерами – на предотвращение пространственной сегрегации и социально-профессиональной дискриминации иммигрантов, особенно так называемых «видимых мигрантов» из стран и регионов ислама. Без утверждения равенства граждан перед законом, расширения участия в управлении, снижения уровня коррупции в тех сферах, которые особенно

⁶⁴ *Александрова Т.В., Хоменко И.А.* Проблема поддержки культурного самовыражения национальных меньшинств в детской среде: мнение детей и родителей // Вестник Герценовского университета. 2011. № 8. Август. С. 94.

чувствительны для этнической политики, трудно рассчитывать на изменение установок и ценностей россиян⁶⁵.

Как считают эксперты, для решения накопившихся проблем в первую очередь необходимо ужесточить контроль над работодателями, которые своими действиями стимулируют рост нелегальной миграции. Пока схема неформального рынка труда эффективно работает и при этом экономически выгодна, бороться с ней практически невозможно.

В свою очередь, эффективная борьба с коррупцией в работающих с нелегалами государственных учреждениях может происходить только на фоне ситуации, когда работодателям и самим нелегалам станет уже невыгодно существовать в рамках незаконных схем. Иначе любые ужесточения мер не достигнут должного результата. Схема «откупа» от государственных чиновников (полиции и миграционных служб) уже сформировалась и эффективно работает на протяжении длительного периода времени. Поэтому видится крайне важным разделение полномочий между исполнением закона и контролем над его исполнением.

Необходимы серьезные меры по противодействию ксенофобии и мигрантофобии в принимающем обществе, преодолению этноцентризма в общественном дискурсе, в том числе в СМИ, школьных и вузовских образовательных программах.

Как уже отмечено ранее, миграционная ситуация в Санкт-Петербурге, фиксируемая официальной статистикой, не дает полной картины и не отражает реального положения дел. Поэтому у экспертов появляются серьезные основания опасаться, что в крупных городах России и прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге начнется процесс формирования замкнутых иммигрантских (прежде всего мусульманских)

⁶⁵ Однако несмотря на официальную риторику, Россия до сих пор не присоединилась к Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Конвенции МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах» и № 143 «О злоупотреблении в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (*Поletaев Д.* Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 17).

сообществ и в них появятся «этнические» кварталы. Тем более что в большинстве случаев, как уже отмечалось, иммиграция носит нелегальный характер. Однако пока опасность территориальной сегрегации для российских крупных городов только потенциальна в силу крайне низкого уровня жизни, социальной защищенности и мотивации трудовых мигрантов. Тем не менее, если российское государство «действительно стремится к интеграции иммигрантов и не готово мириться с их геттоизацией, то оно должно обеспечить реальное, а не просто формальное равенство возможностей. Мероприятия же по обеспечению такого равенства предполагают защиту социальных и культурных прав мигранта»⁶⁶.

Если не предпринимать упреждающих мер по аккультурации мигрантов, стремящихся «стать россиянами», их «культурного растворения» в новой для них городской среде обитания на уровне повседневных практик и взаимодействий, то этническая интолерантность будет только усиливаться, более того, следствием будет рост значения традиционных этнокультурных и религиозных ценностей как принимающей, так и приезжающей стороны. «Анклавизация», формирование этнических кварталов – наиболее серьезная потенциальная опасность ускорения процесса не только функциональной, но и территориальной сегрегации наименее приспособленных к городской среде мигрантов и роста дистанции между ними и представителями принимающего общества. Причем такие анклавы могут быть не только иммигрантскими, они могут формироваться и уже формируются за счет внутренних мигрантов из нестабильных регионов РФ с избыточной рабочей силой (республики Северного Кавказа). Не менее реальна и угроза дальнейшей криминализации миграционной сферы, сужение легитимного пространства миграции и распространения теневых отношений в сфере занятости.

Очевидно, что терпимость к «другим» легче достигается в обществах, в которых нет значительного социально-экономического неравенства, в которых все индивиды обладают перспективой продвижения вверх (восходящая соци-

⁶⁶ Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. С. 132.

альная мобильность) и в которых сильны ассоциации интересов. Поэтому низкий уровень социальной интегрированности иммигрантов в российское общество, как известно, не отличающееся социальным благополучием и высоким уровнем жизни большинства граждан, объясняется тем, что в нашу страну едут не навсегда и не для получения социальных льгот и пособий, как сегодня в Европу, а заранее настраиваясь на временную тяжелую и непрестижную работу, а также на дискриминацию и функциональную сегрегацию. Поэтому, в частности, в российских городах нет пока и иммигрантских гетто, а стратегия полной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское общество хотя и декларируется, однако практически не реализуется.

С другой стороны, часть вернувшихся из «негостеприимной» России молодых иммигрантов становятся жертвой вербовщиков из ИГИЛ. Один из вернувшихся из России мигрантов так объясняет сложившуюся ситуацию: «Те, кто уезжает туда, в ИГ, ненавидят Россию за условия и труд, в которых им приходилось жить. Они находятся в безвыходном положении. Тут работать невозможно, тут нужно обязательно нарушать закон, чтобы хоть что-то заработать, в России невозможные условия, но хоть какие-то деньги, в «Исламском государстве» им обещают и деньги и свободу. Почему не поехать туда? Пять тысяч таджиков уже там»⁶⁷.

Сегодня, несмотря на общую тенденцию к относительной стабилизации всех сфер жизни страны, этнополитическая ситуация в ряде случаев сохраняет неустойчивость. Так, экспансия в российские города носителей «иных» жизненных ценностей и моделей поведения, не соответствующих традиционным ценностям и установкам жителей крупных российских городов, действительно может стимулировать этническую мобилизацию⁶⁸. Этническая идентичность и самосознание в подобной ситуации начинают выполнять

⁶⁷ См.: Хоперская Л.В. «Исламское государство» как новая угроза национальной безопасности государств ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2015. С. 56.

⁶⁸ По данным социологического опроса петербуржцев – участвовали в санкционированных акциях протеста 3,9%, в несанкционированных – 1% опрошенных, однако готовы прибегнуть протесту в случае необходимости до 18,2%. Попова О.В. Факторы политической стабильности

защитные функции, особенно для низкостатусных групп населения. Как утверждает Р. Сеннетт, в настоящее время «мы» – это «акт самозащиты. Желание сообщества основано на стремлении защитить себя»⁶⁹. В современной России это относится, прежде всего, к русскому городскому населению (особенно от живущих в крупнейших городах страны), от ценностных ориентиров и установок которого решающим образом зависит и сохранение межэтнического мира в стране в условиях роста миграционных потоков, и направленность, характер и результаты политических трансформаций российского общества.

в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского университета, 2018. С. 263.

⁶⁹ *Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. London, 1998. P. 138.*

А.Г. Большаков (Казань)

*доктор политических наук, кандидат социологических наук,
профессор, зав. кафедрой конфликтологии Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского федерального университета, ответственный
секретарь Экспертного совета по общественно-политическим
и этноконфессиональным вопросам
при Казанском федеральном университете*

Анализ этнополитической ситуации в Республике Татарстан в 2018 году в сравнительном сопоставлении с казусами Башкирии и Якутии

Республика Татарстан: этноязыковая ситуация
в этнополитическом контексте

В 2018 году РТ сохраняет свой статус продвинутого и динамично развивающегося в экономическом плане региона, способного на постоянное развитие, но положение данного субъекта федерации в общероссийском политико-правовом пространстве на сегодняшний день во многом унифицировано.

Угрозы общественному согласию и стабильности в РТ изменились за последние несколько лет. В 2016–2018 гг. на первый план выходят угрозы, которые связаны с региональным банковским кризисом, изменением статуса РТ. Языковая проблема, унификация региональных полномочий и др. возникли, прежде всего, благодаря экономическому кризису в РФ и изменению финансовой региональной политики в России. Ее суть заключается в перераспределении доходов в пользу депрессивных регионов, поскольку центральные власти не могут допустить бедственного положения населения на каких-либо территориях РФ. Но это создает невыгодные условия для регионов-доноров, которые теряют не

только значительные материальные средства, но и стимулы для развития.

Поскольку в 2016–2017 гг. Татарстан испытал региональный банковский кризис, на управление которым у местных властей просто не хватило финансовых средств, то заявления президента РТ Р. Минниханова исходили из практических потребностей региона-донора, который потерял очень многое из-за вынужденного изменения финансовой политики Правительства РФ.

Площадкой для заявлений Р. Минниханов выбрал Гайдаровский форум либеральных политиков и экономистов, проходящий ежегодно в Москве. В 2018 году президент РТ, как и в прошлом году, снова проанализировал вопрос распределения полномочий между федеральным центром и регионами, потребовав дать республике и другим субъектам федерации больше прав. Р. Минниханов фактически поднял вопрос о доверии региональным руководителям и просил следующие 5 лет не менять условий региональной финансовой политики. Со стороны других глав регионов он встретил поддержку и сочувствие, хотя выступления его коллег были гораздо более мягкими по содержанию критики федерального центра.

Для сравнения глава Башкортостана Р. Хамитов (ушел в отставку 11 октября 2018 года. – А. Б.) оказался более сдержан в оценке распределения полномочий между регионами и Москвой в части бюджетной нагрузки. По его мнению, на сегодняшний день сложился определенный баланс, который нельзя считать оптимальным. Руководитель Башкирии считает, что надо обсуждать, какая доля налогов должна оставаться на территориях, каким образом должны делегироваться полномочия от федерального центра регионам или, наоборот, подниматься от регионов в федеральный центр, но все эти вопросы не имеют однозначного решения. Отметим, такая позиция Р. Хамитова вызвала непонимание со стороны ряда представителей башкирской интеллигенции и он подвергся критике после окончания форума у себя в республике.

Период 2017–2018 гг. характеризовался наличием «языковой проблемы» в Татарстане, связанной с изменением политики федерального центра по вопросу преподавания и реализации государственных языков в субъектах федерации, родных языков народов России. На мой взгляд, это наиболее

удачное понятие для описания ситуации, поскольку «этнолингвистический конфликт», «языковой конфликт», «языковой кризис» и другие термины не соответствовали реальности и не были подтверждены социальными практиками. Интенсивные столкновения больших масс людей в республике отсутствовали. В развитии ситуации участвовали руководство Республики Татарстан, депутаты, государственные служащие, ряд общественных организаций, журналисты, эксперты. Именно они и представляли наиболее радикальные субъекты в возникшем противостоянии. Общественное мнение в основном оставалось консервативным к происходящим изменениям и призывам политических радикалов.

Ситуация с «языковой проблемой» в Татарстане развивалась по следующим линиям противостояния: власть федеральная – власть региональная (с отсутствием равноправных переговоров и неопределенностью их результатов до принятия решений федеральным центром); другое противостояние развивалось по линии: прокуратура – местное министерство образования и науки – школы (администрация, учителя, родители и дети); третья линия противостояния: жесткие дискуссии на уровне общественных организаций, традиционных и новых СМИ и др. В настоящее время население поддерживает официальную точку зрения властей Татарстана о компромиссе, достигнутом с федеральным центром в рамках существующего законодательства. Радикальные татарские националисты пытаются нагнетать ситуацию, но их попытки не встречают поддержки у различных народов республики, занятых решением, прежде всего, насущных социально-экономических проблем, которые резко обострились после выборов Президента РФ в марте 2018 года.

Ситуация 2018 года в РТ в этноязыковой сфере во многом детерминирована событиями лета–осени предыдущего года. Власти РТ на федеральном уровне последовательно работали с представителями федерального центра по изменению законодательства о родных языках и языках народов, проживающих в субъектах федерации. Во взаимоотношениях с федеральной властью была продемонстрирована полная лояльность общероссийскому политическому курсу Президента РФ В. Путина. Татарстан голосовал преимущественно за действующего Президента, поддержал поствыборные рефор-

мы российского правительства, связанные с НДС, пенсионным возрастом и др. Понятно, что точки зрения высказывались разные, но официальная была явно доминирующей.

Предложения в российское законодательство Татарстан вносил через своих депутатов Государственной Думы, представляющих фракцию «Единая Россия». Наиболее активным был И. Гильмутдинов, который возглавляет профильный комитет российского парламента. Государственный совет РТ значительно активизировал свою деятельность по вопросам татарского языка и культуры. По официальной версии – в преддверии выборов в законодательное собрание республики в 2019 году. Однако часть депутатов явно пыталась отыграть за «поражение» в языковой реформе 2017 г., когда решение было принято Государственным советом РТ без открытия дебатов по данному вопросу.

С ними солидаризировались некоторые республиканские средства массовой информации, которые встали на позицию активной «защиты татарского языка и культуры». К наиболее активным можно отнести электронную газету «Бизнес-онлайн», Телеграмм-канал «НЕАЙСИН» и др. Интересно, что татарский язык защищался преимущественно русскоязычными текстами в этих средствах массовой информации. Появились различные общественные организации и инициативные группы: «Нет закону против родных языков» (Айрат Файзрахманов), сообщество татарских родителей РТ (Чулпан Хамидова) и др., которые пытались защитить татарский язык от «уничтожения» в результате федеральной языковой реформы.

Неформальным лидером подобных групп стал публицист Руслан Айсин, который открыто полемизировал не только с федеральными экспертами, депутатами и чиновниками, но и постоянно критиковал татарстанские власти за «бездействие в языковом вопросе». Его критике подверглись фактически все татарстанские депутаты Государственной Думы, близкие к властям республики общественные организации (Всемирный конгресс татар, Федерация национально-культурных автономий татар и др.). По его мнению, эти организации «не защищают интересы татарского народа», «не заботятся о сохранении татарского языка и культуры», «занимают соглашательскую позицию с властями, а не отстаивают на-

циональные ценности» и др. К этой критике присоединились традиционные националистические группы и лидеры: ВТОЦ, Ф. Байрамова. Однако изменить существенно настроения основной массы населения они не смогли. Значимое большинство населения РТ продолжает ориентироваться и поддерживать языковую федеральную реформу, сохранение баланса между русским и татарским языками в повседневной жизни, учреждениях образования и т. п.

Татарстан в начале 2018 г. пытался организовать вокруг себя другие национальные республики по вопросам изучения родных языков, но стратегическая инициатива была на стороне федерального центра, а значимое большинство субъектов федерации предпочитало договориться с центральными властями, а не поддерживать фронду Татарстана.

Важнейшим событием, вокруг которого шли постоянные переговоры в 2018 г., стал закон о государственных языках субъектов РФ и родных языках. Именно этот закон стал компромиссным документом по решению языковой проблемы в некоторых национальных республиках и, прежде всего, в Татарстане. Законодательная инициатива была внесена в апреле 2018 г. шестью депутатами Государственной Думы, представителей Республики Татарстан среди них не было.

Вначале власти Татарстана были в «недоумении» и сочли законопроект «недопустимым», а Государственный Совет РТ практически единогласно сказал «нет» первоначальной версии документа. После протестов некоторых национальных республик в Администрации Президента РФ состоялись переговоры (куратор – *С. Кириенко*), в ходе которых компромиссные предложения переговорщиков от Татарстана были приняты. После этого И. Гильмутдинов даже призвал голосовать за законопроект, который, по его словам, «не вызывает восторга».

В августе 2018 г. данный закон был принят. Голосование в обеих палатах российского парламента было практически единодушным (так, в ГД РФ против проголосовали только 2 депутата). Согласно поправкам, родной язык остается в обязательной части учебного плана, устанавливается «свободный выбор языка» образования, а также выбор языка для изучения как родного или государственного языка республики по заявлению родителей (в том числе русского языка). Председатель

комитета ГД РФ по образованию Вяч. Никонов посчитал, что «данный законопроект приведет к усилению внимания государства к проблеме родных языков». Закон позволяет родителям наших учеников «делать выбор родного языка обучения, дети не будут обязаны изучать в качестве родного тот язык, который для них не является родным».

Тем не менее, языковая реформа пока не завершена, не на все вопросы даны ответы. Во-первых, не зафиксировано, в какой форме будет изучаться русский язык как родной. Если с орфографией, грамматикой и синтаксисом, то возникнет дискриминация – выбравшие нерусский язык будут хуже сдавать обязательный ЕГЭ. А предмет про «поговорки и пословицы» не очень устраивает русскоязычных родителей. Во-вторых, непонятно, откажется ли Татарстан от требования внести в обязательную часть программы предмет «Государственные языки республик». Пока что его преподавание возможно только в вариативной части. Поэтому напряженность вокруг нового закона остается, хотя компромиссы, которые удалось достичь, прежде всего, Татарстану в 2018 г. – впечатляют.

Вопреки постановлению Государственной Думы РФ, принятому в ходе первого чтения, депутатам не представили ни новой версии ФГОС, ни концепции преподавания родных языков. Процесс затормозило разделение Министерства образования и науки РФ на Министерство просвещения и Министерство высшего образования и науки (реорганизация может продлиться до декабря 2018 г.). При этом нормы нового закона требуют серьезного бюджетного финансирования не только из региональных, но и федерального бюджета.

Здесь, правда, решающий шаг уже сделан, в октябре 2018 г. Президент РФ поддержал парламентариев и создал фонд по развитию родных языков своим Указом, сделав его президентским с «соответствующим федеральным финансированием». В регионах возможно создание таких же фондов, но здесь все зависит от их финансовой состоятельности.

Мнения тех, кто принимал, дополнял и просто оценивает закон, разделились. Это показывает остроту проблемы. Рассмотрим некоторые из существующих точек зрения.

В. Никонов заявил, что «никакой факультативности в отношении языков не вводится – их изучение предусматривается федеральным государственным образовательным

стандартом (ФГОС). Законом «устанавливается лишь то, что школьники в рамках этого обязательного предмета могут выбрать из «меню» учебного заведения тот язык, который они сами пожелают, в том числе русский язык как родной». Выбор родители будут делать трижды – при приеме в детсад, в 1-й и 5-й классы. «Дети не обязаны будут изучать в качестве родного тот язык, который для них не является родным». В. Никонов расценил законопроект как важный шаг для дальнейшего развития родных языков, чтобы «преподавание было поставлено на серьезную основу и мы могли бы укрепить многонациональное единство нашего народа». По мнению Никонова, «самое главное в этом законе – он не носит запретительного характера».

О. Артеменко (руководитель центра этнокультурной стратегии образования) отметила, что «ее восприятие закона неоднозначно», она видит в его тексте «определенные ловушки, которые могут ухудшить ситуацию как раз для родных языков». Она предложила подождать и посмотреть, какие именно механизмы будут разработаны для реализации данного закона.

М. Щеглов, председатель общества русской культуры Татарстана, считает, что «татарстанское лобби пытается навязать обязательность татарского языка, но это противоречит поручению В. Путина». По его мнению, те, «кто выбрал русский в качестве родного, не получили желаемого». Поскольку «у нас в РТ 1,5 миллиона русских и почти 2 миллиона русскоязычных. Региональная власть руками регионального министерства образования сделала все, чтобы для них предмет «татарский язык» стал ненавистным. Довели ситуацию до того, когда об этом уже был вынужден сказать Президент РФ».

По мнению М. Щеглова, «новый закон, который родился из поручения В. Путина, все равно не удовлетворяет. Что значит обязательный выбор родного языка? Как выбирать? Там очень неконкретные формулировки. Как их исполнять? Опять в республике будут «перетрактовки», опять будут жалобы родителей, потому что эту родительскую махину, которая действует в интересах своих детей, уже не остановить...».

А. Файзрахманов (член инициативной группы «Нет закону против родных языков») считает, что «татары, башкиры, якуты и другие народы обеспокоены этим законопроектом».

Члены группы «недовольны, во-первых, тем, что образование на татарском языке и изучение татарского ограничены общим образованием, во-вторых, тем, что государственный язык окажется в вариативной части учебных планов, которые регулируются ФГОС, а там государственного языка пока еще вообще нет, в-третьих, тем, что в качестве родного языка можно будет выбрать родной язык, который уже и так изучается в большом объеме».

По мнению А. Файзрахманова, «нужно компенсировать выпадение языка снижением количества часов, снижением возможности изучать свой родной язык. Компенсация – только национальная школа или билингвальная школа, которая ведет обучение на родных языках. В Якутии, в Северной Осетии есть такие школы, Татарстан, к сожалению, очень плохо реализует эту модель, хотя раньше у нас такие школы были. Татарстану нужно развивать школы на своих родных языках».

Ч. Хамидова (представитель сообщества татарских родителей РТ) полагает, что «мы сильно разочарованы итогами работы над этим законопроектом». По ее мнению, «через 5–6 лет возникнет ситуация, когда все дети будут записываться на родной русский язык, а на родной татарский будут ходить единицы... причем переходить будут поэтапно: дети из смешанных семей – сразу, при поступлении в первый класс, дети из татарских семей – с 5-го класса». «Когда все дети уйдут на родной русский, потребность в учебном предмете «родной язык» отпадет сама по себе».

Идеолог борьбы «за татарский язык» Р. Айсин считает, что «вариант закона в этом виде не устраивает национальную общественность, потому что нарушает конституционные нормы на получение образования на родном языке в полной мере». По его мнению, «даже тот предмет «Родной язык», который есть в этом законопроекте на выбор, всего лишь приписан до 9-го класса, то есть в 10–11-м классах, когда школьник получает наиболее обширное мировоззренческое понимание, начинает изучать серьезные предметы, серьезную литературу, национальный компонент полностью отрезан, как ненужный ломоть».

Р. Айсин считает, что в России осуществляется «целенаправленная политика ассимиляции и уничтожения национальной системы образования, национальной интеллиген-

ции и, как следствие, просто идей сохранения национальных культур, национальных традиций, потому что без полноценной системы образования невозможно поддерживать, а тем более развивать национальную культуру, национальную идентичность».

Подобные мнения носят радикальный характер и являются образцом современного этнического национализма, поэтому гораздо более адекватным является мнение известного российского ученого Л. Дробижевой, руководителя центра этнической социологии Института социологии РАН. По ее мнению: «...теперь изучение этих языков добровольное, по заявлению родителей. Но ясно, что это не всех удовлетворит в Татарстане. Ясно, что на местах будут озабочены тем, как сохранить свой язык. Но есть и другая позиция, которая выражена в пунктах о родном языке: здесь предлагается выбрать в качестве родного языка любой из предложенных в школьной программе языков РФ. Скажем, татарин или башкир может выбрать русский язык как родной – исходя из того, что ему легче будет потом сдавать экзамены в вузах. Разумеется, это будет вызывать озабоченность у тех, кто считает родной язык обязательным для всех представителей своего народа».

Л. Дробижева полагает, что «проблемы после принятия закона все равно будут возникать. Должно пройти время, чтобы люди поняли, что в их же интересах все сделано правильно. В связи с этим вопрос времени имеет большое значение, так же как и вопрос привыкания к новой законодательной реальности. Важно, что в новом законе остается понятие второго государственного языка РФ для республик. Названия улиц в городах или содержание каких-то важных документов по-прежнему может быть на двух языках. Таким образом, язык сохраняется и поддерживается на государственном уровне».

Завершающую точку в этой полемике в Татарстане поставил представитель президента РТ. Власти РТ остались довольны нынешней редакцией закона о родных языках, принятым Государственной Думой РФ, сообщила журналистам в четверг заместитель руководителя пресс-службы президента Татарстана Л. Галимова. На вопрос, устраивает ли Казанский Кремль документ, принятый по государственным языкам, она ответила: «Документ принятый в нынешней редакции нас предпочтительнее устраивает по сравнению с тем, каким он

заходил в Государственную Думу изначально. Мы благодарны, что были услышаны наши предложения в части того, чтобы предмет «родные языки» не оставался в факультативной части, а был обязательным предметом, как мы раньше заявляли». Л. Галимова также сообщила, что «позиция властей республики такова, что предмет «родной язык» должен быть обязательным, а какой язык учить в рамках этого предмета, какой язык является родным для каждого – каждый должен определять сам».

Такая точка зрения представляется на сегодняшний момент наиболее адекватной, устраивает большинство граждан и поддерживает социальную стабильность в РТ. Общественное мнение татарстанцев реагирует на социальную напряженность в этнокультурной сфере, но его колебания были не особенно значительными даже в предыдущий год. В 2018 году общественное мнение по этому вопросу характеризуется еще большей стабильностью, а его колебания носят эпизодический характер.

Число людей, которых волнуют перипетии изменения российского законодательства в сфере языковой политики, не превышает в республике 5–10%. Большинство считают более важными экономические и социальные проблемы. Люди в своем большинстве не готовы к самостоятельным протестным акциям, хотя и осуждают некоторые шаги властей на федеральном и региональном уровнях преимущественно в сфере экономической политики. Межнациональные и межконфессиональные отношения, по мнению людей, являются стабильными и не приводят к «этнической дискриминации» или «уничтожению национальной культуры».

Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в РТ летом 2018 г. может быть проиллюстрировано при помощи данных опроса общественного мнения, проводящегося в рамках республиканского мониторинга 4 раза в год по заказу Экспертного совета по общественно-политическим и этно-религиозным вопросам при КФУ.

Параметры данного исследования следующие:

- исследование было проведено с 5 по 25 июня 2018 г. фондом «Общественное мнение – Татарстан», направленное на изучение социально-политической ситуации, электро-

- ральных рейтингов, протестного потенциала, генеральная совокупность – 3 млн 894 тыс. жителей Республики Татарстан;
- опрос осуществлялся методом личного интервью по месту жительства респондентов (формализованное интервью);
 - в социологическом опросе приняли участие 1500 жителей республики в возрасте от 18 лет и старше, проведенное исследование можно считать репрезентативным для Татарстана с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,5%.

Структура выборки по населенным пунктам выглядит следующим образом: г. Казань; г. Набережные Челны; г. Нижнекамск; г. Альметьевск; г. Зеленодольск; Елабуга; г. Чистополь; г. Заинск; г. Нурлат; пгт. Кукмор; пгт. Уруссу; пгт. Камское Устье; села Пестречинского района; села Кукморского района; села Нурлатского района; села Сабинского района; села Сармановского района; села Алькеевского района; села Чистопольского района; села Тюлячинского района; села Ютазинского района; села Камско-Устьинского района.

Среди опрошенных 40,6% назвали себя православными, представителями ислама – 39,2%, остальные участники опроса выбрали позиции: «протестантизм», «другое», «не исповедую никакой религии». Татарами назвали себя 50,1% респондентов, русскими – 42,1%, чувашами – 2,5%, к другим национальностям отнесли себя 5,3%.

Девяносто процентное наличие номеров телефонов респондентов (исключение – отказ респондента дать свой номер) позволило осуществлять полноценный телефонный контроль исследования. Для повышения качества 70% исследования проводится на электронных планшетах с on-line отправкой каждого сделанного интервью (gps-контроль места проведения опроса, аудиоконтроль каждого интервью). Заказчику предоставляется телефонная база респондентов и аудиоархив проведенных интервью.

Опрос показал, что общественное мнение татарстанцев традиционно консервативно. Татарстанцы не собираются в своем значимом большинстве протестовать, а действия властей различного уровня или поддерживаются или осуждаются, но на вербальном уровне, без действий радикального противоправного толка.

Так, на вопрос: «Действия российских властей за последний месяц у Вас лично вызывали недовольство, возмущение или не вызывали?» 30,2% ответили, что вызывали, 61,8% – не вызывали, 7,9% – затруднились ответить. На аналогичный вопрос о действиях республиканских властей только 21,5% ответили – вызывали, 69,2% – не вызывали, 9,3% – затруднились ответить. Здесь мы видим, что более половины в первом случае и более $\frac{2}{3}$ респондентов во втором не видят в системе действий федеральных и республиканских властей те, которые бы нарушали их интересы. Поэтому закономерно, что на вопрос: «Возможны ли сейчас в Татарстане массовые протестные выступления населения в защиту своих прав, против падения уровня жизни?», 52,3% ответили «скорее нет» или «определенно нет». Тех, кто выбрал противоположные позиции – меньше 38,1% при 8,3% затруднившихся ответить. Еще меньшую готовность к протестным действиям татарстанцы демонстрируют тогда, когда их спрашивают о личном потенциальном участии. В данном случае позицию «определенно нет» и «скорее нет» выбирают 64,5%, а противоположную – 28% при 5,7% затруднившихся ответить.

Достаточно высок процент доверия к республиканским властям. 57,2% считают, что к их мнению прислушиваются, а 36,9% придерживаются противоположной точки зрения. При этом на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в большей мере зависит положение дел в РТ: от республиканской власти или от федеральной власти?» большинство татарстанцев уверенно отвечают – «от федеральной власти» 52,6%, ответ «от республиканской власти» выбирают 39% при 8,4% затруднившихся ответить. Интересно, что еще 2–3 года назад процент ответивших на этот вопрос был фактически равным для двух позиций ответов. Следовательно, здесь в общественном мнении татарстанцев происходят большие изменения, большинство из них осознают, что действуют сегодня, прежде всего, в рамках общероссийской повестки дня, а действия татарстанских властей важны, но они осуществляются в рамках общего для всех федерального дискурса. Идентичность общегражданская постепенно становится преобладающей по отношению к региональной, хотя и последняя, безусловно, очень важна.

Татарстан развивается в русле общероссийских процессов, поэтому число недовольных действиями федераль-

ных властей татарстанцев за последний квартал возросло на 8% (с 22 до 30%). Недовольство действиями республиканских властей увеличилось с 18 до 22% за прошедшие три месяца. Имеются в виду рост цен на бензин, реформа пенсионного возраста и НДС. Ответственными за их проведение татарстанцы считают чиновников федерального правительства и их экономическую политику. Соответственно выросло и число тех, кто допускает проведение в Татарстане протестных мероприятий, на сегодняшний день оно составляет 38% (на 8% больше, чем в прошлом квартале). Более других уверены в возможной активизации протестного движения жители юго-восточных (44%) и западных (44%) районов РТ.

28% татарстанцев в настоящее время готовы сами присоединиться к возможным акциям протеста (в западной части РТ доля таковых составляет 35%, на юго-востоке республики – 33%, в Закамье – 32%). 22% опрошенных не согласны с высказыванием, что «в силу терпеливости и дисциплинированности местных жителей акции протеста в нашей республике невозможны». На юго-востоке РТ 24% населения уверены в способности граждан публично выразить свое недовольство, в столице – 23%. 46% жителей республики убеждены, что только при помощи массовых выступлений можно привлечь внимание властей к решению проблем (на 6% больше, чем в прошлом квартале). Чаще других склоняются к такой точке зрения жители юго-восточных районов РТ (53%) и Н. Челнов (48%). 37% опрошенных считают, что властям Татарстана безразлично мнение народа. Более других в этом уверены жители юго-востока РТ (43%).

Отметим, что несколько возросшая во втором квартале 2018 г. социальная напряженность в основном детерминирована социально-экономическими процессами и никак не связана с межнациональными и межконфессиональными процессами. Но рост социальной напряженности в социально-экономической сфере общества всегда влияет на стабильность межнациональных и межконфессиональных отношений, даже если в этой сфере не существует значимых проблем и конфликтов.

Согласно данным июньского социологического опроса 2018 года межнациональная ситуация в Республике Татарстан в целом «спокойная, стабильная» – 77,7%, «напряжен-

ной, конфликтной» ее считают 2,3% при 2% затруднившихся ответить. Однако ответ «спокойная, но напряженность начинает расти» выбрали 18%. За последний квартал число тех, кто назвал ситуацию в области межнациональных отношений в РТ «спокойной и стабильной», понизилось с 81% до 78%. Такого рода колебания возможны, важно, что показатели стабильности находятся постоянно на высоком уровне, а подобные замеры общественного мнения осуществляются в динамике – один раз в квартал. Ряд российских регионов и даже национальных республик РФ могут позавидовать подобным показателям Татарстана лета 2018 г.

Так было не всегда. Общественное мнение – очень чувствительный барометр и любое неблагополучие может тут же отразиться на стабильности. Последнее большое снижение показателей стабильности, спокойствия было отмечено в четвертом квартале 2013 г., сразу после проведения Универсиады в Казани. «Черный ноябрь» был обусловлен активностью радикальных исламистов в республике (поджог кремлевских православных храмов), криминально-бытовым конфликтом в Нурлате, где пытались конструировать столкновение на этнической почве, и падение самолета «Москва–Казань» с двумя высокопоставленными пассажирами на борту.

Интересно и важно, что в декабре 2013 г. снижение показателя стабильности в замеры произошло более чем на 20%. Этот показатель намного превышает снижение уровня стабильности в декабре 2017 г., а процент первого квартала 2018 г. фактически восстановил статус-кво с третьим кварталом 2017 г. Поэтому можно констатировать, что «языковая проблема в Татарстане», а тем более «языковая общероссийская реформа» не оказали значительного влияния на общественное мнение татарстанцев. Они по-прежнему воспринимали положение в качестве стабильного. «Стабильной и спокойной» считали обстановку в республике $\frac{3}{4}$ или более граждан. Поэтому интерпретация ситуации 2017–2018 гг. в Татарстане как «языкового конфликта», «языкового кризиса», а тем более как «языковой катастрофы», «языкового геноцида» и прочие не выдерживают критики и остаются на совести недобросовестных политических технологов и публицистов.

Залогом стабильности, большого влияния на процессы республиканского развития в Татарстане являются добросо-

седские отношения между людьми разных национальностей, терпимость, уважение и дружба в повседневной жизни и в быту. Количество межнациональных браков в Татарстане не падает ниже отметки в 20%, а иногда достигает 25–28%. В социологическом опросе второго квартала 2018 г. подобное положение дел представлено в ответах респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к представителям других национальностей, проживающим в Республике Татарстан?» Позицию «положительно, считаю, что дружба народов – основа стабильности в нашей республике» выбрали – 67,5%. Позицию «в целом спокойно, я предпочитаю судить о достоинствах и недостатках конкретных людей, а не народов» – 27,9%. Позицию «отрицательно к отдельным народам, поскольку меня раздражают представители этой культуры/языка/образа жизни» – 2,9% при 0,7% затруднившихся ответить. Важно, что отрицательное отношение к другим народам высказывает небольшое число респондентов. Такой уровень терпимости населения способствует решению различных этнополитических проблем, возникающих в Татарстане.

Отношение к мигрантам в Республике Татарстан, согласно ответам респондентов, можно охарактеризовать как терпимое. Позицию «положительно, они занимают те рабочие места, на которых местное население работать не желает» выбрали – 13,7% опрошенных, позицию «спокойно, лично мне они не мешают» – 40,4%, позицию «нейтрально» – 26,7%, позицию «отрицательно, поскольку их присутствие способствует напряжению на рынке труда и ухудшению правопорядка» – 16%, ответ «затрудняюсь ответить» выбрали – 3,1%. В целом 54% опрошенных лояльны к присутствию мигрантов в своем населенном пункте, еще 27% занимают нейтральную позицию. В то же время 16% татарстанцев недовольны их конкуренцией на рынке труда, а также связывают с ними ухудшение правопорядка. Чаще других негативное отношение к мигрантам выражают жители юго-востока РТ (20%) и Закамья (19%).

Стабильна ситуация и в религиозной сфере Республики Татарстан. Период 2010–2013 гг., который характеризовался активной деятельностью религиозных экстремистов в Республике, остался позади. Респондентов, которые отметили позицию «в целом спокойная, стабильная ситуация» – 86,4%, позицию «спокойная, но ухудшается» выбрали – 7,2%,

«напряженная, но улучшается» – 1,1%, «напряженная и ухудшается» – 1,3% при 4,1% «затруднившихся ответить». За последний квартал на 2% реже опрошенные говорили о стабильности в конфессиональной области общественной жизни. Но и показатели второго квартала 2018 г. являются исключительно высокими и позитивными.

В целом высокий уровень стабильности характерен для межнациональных и особенно межконфессиональных (религиозных) отношений в РТ. Подобное положение дел подкрепляется высоким уровнем терпимости старожильского населения к внешним и внутренним мигрантам.

Следующий замер в рамках данного мониторинга был произведен фондом *«Общественное мнение – Татарстан»* в августе 2018 г. Точные сроки исследования: с 17 по 30 августа 2018 г. В социологическом опросе приняли участие 1518 жителей республики в возрасте от 18 лет и старше. Проведенное исследование можно считать репрезентативным для Татарстана с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,5%. Оно продемонстрировало резко ухудшающуюся социально-экономическую ситуацию в целом по России, падение ряда показателей позитивного социального самочувствия в Республике Татарстан (хотя и не столь глубокое, как в других регионах). Рейтинги Президента В. Путина и партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» упали на 13%, антирейтинг «ЕДИНОЙ РОССИИ» возрос до 21% в регионе и стал самым существенным среди отделений российских политических партий в республике. Все это свидетельствует о кризисе доверия к властям разного уровня в Российской Федерации и ее регионах. На первый план вышли социальные проблемы, связанные с ухудшением уровня жизни большинства людей в связи с проводимыми непопулярными реформами и ростом цен на доступные товары (пенсионная реформа, реформа НДС, налогообложение самозанятых, рост цен на топливо и горюче-смазочные материалы и др.).

На этом фоне особый интерес представляли результаты опроса по проблематике этнконфессиональной сферы жизни республики. Согласно опросу, большинство жителей республики (77%) оценивают межэтническую ситуацию в РТ как «спокойную и стабильную». Еще 17% считают, что она «спокойная, но напряженность начинает расти». Конфликтной на-

звали область межэтнического взаимодействия 2% опрошенных. Мы видим, что в данном случае ситуация особенно не изменилась и продолжает оставаться стабильной.

О наличии проблем в сфере межэтнических отношений чаще других говорят жители юго-восточной части РТ (28%). В Казани таких людей – 20%, на западе республики – 17,6%, в Челнах – 14,1%, в Закамье – 13,9%.

За последнее полугодие число тех, кто назвал ситуацию в области межнациональных отношений в РТ «спокойной и стабильной», понизилось с 81% до 77%. Такой показатель практически полностью соответствует цифрам четвертого квартала 2017 г., когда «языковая проблема» находилась в центре внимания населения, вовлеченного в ее решение на уровне школьного образования. Падение результатов на 4% незначительно и случалось не раз в более благополучные и стабильные периоды развития Татарстана.

При этом 58% татарстанцев имеют позитивные установки в области межнационального общения, еще 36%, как минимум, толерантны к представителям других народов. В то же время 3% не скрывают своего недружелюбного отношения к другим национальностям. Из этого следует, что потенциал этнического национализма политического толка крайне незначителен. Показательно в этой связи, что митинги татарских и русских националистов собирают в Татарстане от 30 до 400 человек и не выходят за эти пределы.

Что касается отношения к мигрантам, то 49% опрошенных лояльны к их присутствию в своем населенном пункте (на 5% меньше, чем в прошлом квартале), еще 30% занимают нейтральную позицию. В то же время каждый пятый татарстанец недоволен их конкуренцией на рынке труда, а также связывает с ними ухудшение правопорядка. Чаще других негативное отношение к мигрантам выражают казанцы, жители западной части РТ и Закамья (по 20%). На юго-востоке республики и в Челнах эти показатели чуть меньше. Можно предположить, что показатели терпимости местного населения в ближайшем будущем будут уменьшаться в связи со сложным социально-экономическим положением в России в целом и в Татарстане в частности.

На данной волне мониторинга жителей Татарстана специально спрашивали об их отношении к закону о родных

языках, «языковой проблеме» в целом. 52% опрошенных высказались за необходимость изучения татарского языка проживающими на территории Татарстана гражданами: 45% – за его изучение в полном объеме для татар и разговорном минимуме для остальных народов, а 7% – в полном объеме для всех. В то же время 37% считают, что бесполезно тратить время на освоение татарского, поскольку хорошее знание английского и русского перспективнее для карьеры, 10% – затруднились ответить.

Чаще подобного мнения придерживаются родители школьников (41%). Имеющие несовершеннолетних детей татарстанцы также чаще ратуют за изучение татарского языка в облегченном объеме – на разговорном уровне – для нетатарского населения (47%). Этим объясняется малочисленность противников отмены обязательного изучения татарского языка для всех в системе школьного образования (23%). Среди самих татар треть недовольна отменой обязательных уроков татарского языка в школе, четверть поддержала эту инициативу Государственной Думы, еще 37% придерживаются нейтралитета в этом вопросе.

Ситуация в религиозной сфере также по данным опроса стабильна. Большинство жителей РТ (83%) назвали ситуацию в религиозной сфере «спокойной, стабильной». Ее ухудшение отмечают 9% населения, еще 3% говорят о наличии напряженности в этой сфере. За последний квартал на 3% опрошенных говорили реже о стабильности в конфессиональной области общественной жизни.

В целом можно отметить, что стабильность в сфере межэтнических отношений и в сфере религиозных отношений продолжают быть доминантами в социальной жизни татарстанцев. Некоторое ухудшение результатов связано скорее с нестабильной социально-экономической ситуацией в России. Некоторые показатели могут быть отыграны уже в конце года, если не произойдет дальнейшего ухудшения положения в экономике и социальной сфере. Поэтому «языковая проблема» может считаться урегулированной на данном этапе. Но она остается в сфере рисков, поскольку может быть использована специально для конструирования националистических настроений и дестабилизации в ходе избирательной кампании по выборам в Государственный Совет Республики Татарстан.

Республика Башкортостан (Башкирия): регулируемые конфликты малой интенсивности

Этнополитическая и языковая ситуации в Башкирии в 2017–2018 гг. во многом определялись возникшей ситуацией в языковой сфере после известного выступления В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле, где Президент РФ выступил против обязательного изучения неродных языков.

В сложносоставном башкирском обществе это выступление вызвало совершенно разную реакцию: от полной поддержки до неприятия. Одним из первых, кто публично высказался по теме, стал бывший в это время главой Башкортостана Р. Хамитов. Если президент РТ Р. Минниханов пытался отстоять возможность республики самой определять количество часов на татарский язык в школах, то руководитель Башкирии полностью поддержал федерального Президента.

В августе 2017 г. глава республики пообещал отменить обязательные уроки башкирского. Он поручил Министерству образования РБ внести изменения в базисные образовательные планы, касающиеся обязательности изучения башкирского языка как государственного. При этом руководитель региона призвал сделать все для сохранения языка. Он предложил повсеместно расширять добровольное изучение башкирского языка, в том числе в виде факультативных занятий в школах, вечерних классов, дополнительных курсов в вузах и «университетах третьего возраста». 23 августа прокуратура Башкортостана опубликовала специальное разъяснение, заявив, что «преподавание башкирского языка в республике вопреки согласию родителей не допускается».

Такой подход к башкирскому языку и явные уступки политике федерального центра были оценены не всеми жителями республики, например, возмутились представители башкирских националистических организаций. В течение года организации «Башкорт» и «Конгресс башкирского народа РБ» (образован в мае 2017 г.) провели ряд протестных акций. Их поддержали обманутые дольщики, «зеленые» и др. В сентябре 2017 г. состоялись несогласованные митинги в защиту башкирского языка, где активисты вновь требовали отставки властей.

Интересно, что прокурорские проверки не выявили нарушений в части добровольного изучения родных языков в Башкирии. Если в Татарстане с поста министра образования был снят Э. Фаттахов, то его коллега в Башкортостане Г. Шафикова избежала этой участи. Впоследствии указ уже бывшего главы республики Р. Хамитова об учреждении многомиллионных грантов для сохранения и развития государственных языков и языков народов республики позволил нивелировать последствия этнических митингов 2017 г.

Принцип добровольности в выборе языка обучения для школьников в национальных республиках, провозглашенный Президентом РФ и активно внедряемый федеральными властями в ряде российских регионов, значительно повлиял на повестку дня в 2017–2018 гг. в Башкирии. Необходимо отметить, что количество часов регионального языка в национальных республиках разнилось до начала проведения «языковой реформы». Так, в Татарстане уделялось 5–6 часов татарского языка, а русский преподавался в объеме 2–3 часов, в Башкирии башкирский язык преподавался в средних учебных заведениях по 3 часа в неделю. Связано это было с тем, что этноязыковая ситуация в Башкирии принципиально отличается от РТ. Здесь проживает три этнических группы – башкиры, татары и русские, поэтому баланс удержания политической стабильности в этнореligиозной сфере еще более сложен.

Со второй половины 2017 г. можно говорить о существовании конфликта между этнократическими группами и организациями и небольшой частью близкой к ним интеллигенции, с одной стороны, и республиканской властью – с другой. В Татарстане недовольство действиями федерального центра в среде националистов сопровождалось критикой властей, но в основном это касалось депутатов от Татарстана в парламенте России, Государственном совете РТ. Требований отставки президента Татарстана практически не было. В башкирском конфликте заметно противостояние бывшей («рахимовской») и сегодняшней региональных элит. Это отражается, в том числе, в митинговой активности – акции, так или иначе затрагивающие тему отставки Р. Хамитова, состоялись в Уфе 20 июля, 16 сентября и 21 сентября. Татарстанская элита, наоборот, в ходе решения языковой проблемы демонстрировала единство и сплоченность.

Языковая проблема и потенциальная отставка Р. Хамитова были в тренде политических процессов в республике в течение всей осени 2017 г. Сторонники М. Рахимова выражали свое недовольство публично. Из основных претензий к нему можно выделить: недовольство кадровой политикой («выдавливание башкир из сфер управления»), недовольство приведением регионального законодательства в сфере образования к общефедеральным нормам, урбанизацию, ухудшения в социальной сфере. О том, что сокращение реальных доходов различных социальных групп является федеральным трендом и от главы отдельного региона не зависит, критики Р. Хамитова умалчивают. Особую роль в протестном движении Башкирии играют «прорахимовские СМИ» вплоть до того, что журналисты были юридическими организаторами митинга. Понятно, что освещение политических событий остается в таких средствах массовой информации тенденциозным.

Еще одной отличительной чертой сложившейся ситуации является тот факт, что ни у протестного движения, ни у широкой башкирской общественности нет единого лидера, обладающего безусловным авторитетом. Известный в республике эксперт-экономист Р. Гатауллин считает, что «самым влиятельным башкиром был и остается М. Рахимов. Он контролирует значительные денежные потоки, а значит, контролирует многое. Однако лидером он является для определенной части интеллигенции, коррумпированного чиновничества, националистически настроенных граждан и движений, а также ностальгирующих по беззаботному прошлому простых башкир». По мнению Р. Гатауллина, «для критически мыслящей башкирской интеллигенции М. Рахимов никогда не был безусловным авторитетом».

Реакция республиканских властей на растущую митинговую активность была достаточно «мягкой». Кроме запрета митинговать на площадке у Дворца профсоюзов, глава региона Р. Хамитов заверил, что учителя башкирского языка не будут увольняться, более того, из республиканского бюджета будут выделены деньги на их поддержку, а также подписал указ о мерах по развитию государственных языков и языков народов РБ. Указом учреждены гранты бывшего главы республики для реализации проектов, направленных на сохра-

нение, пропаганду и развитие языков республики, и отмечена целесообразность создания Фонда по сохранению и развитию башкирского языка. Общественной палате РБ совместно с Ассамблеей народов Башкирии рекомендовано осуществлять общественный мониторинг реализации федерального и республиканского законодательства в сфере языковой политики.

По мнению эксперта-политолога Н. Евдокимова: «Инерция межнационального мира и согласия в Башкирии очень велика, что, вместе с консерватизмом и аполитичностью большинства населения, обеспечивает в республике стабильную и управляемую ситуацию ... степень вовлеченности населения в протесты невысокая».

Осенью 2017 г. митинговая активность пошла на спад и не возобновлялась в 2018 г. Отставка Р. Хамитова в октябре 2018 г. стала итоговой точкой в конфликте администрации региона и оппозиции, какими будут новые политические расклады и как они будут влиять на этнорелигиозную сферу общественной жизни в Башкирии, покажет лишь время. Развитие языковой ситуации во многом будет определяться в республике объективными условиями существования трех основных языков и имплементацией норм федерального законодательства в реальную жизнь регионов. На сегодня федеральный закон о родных языках выглядит единственным компромиссным решением для реализации полилингвизма в российских национальных республиках, в том числе и Башкирии.

В отличие от соседнего Татарстана, Башкирии не удалось избежать проявлений конфликтности между различными субъектами этнополитики (глава республики, правительство республики, мэрия Уфы, представители контрэлит республики, национальных организаций, СМИ, отделений политических партий общегражданской направленности и др.), что выразилось в более жестком характере их противостояния. Отчасти это объяснялось внутриэлитным конфликтом и взаимодействием сразу трех больших этнических групп (башкир, татар, русских). При этом надо отметить, что митинговая активность и жесткая полемика в СМИ в Башкирии привели лишь к конфликтам малой интенсивности, которые в первой половине 2018 г. полностью урегулированы.

Большую роль в этом сыграли органы государственной власти и конструктивные общественные группы и организации. Так, советом Общественной палаты РБ от 20 сентября 2017 г. было принято решение о создании временной рабочей группы по реализации законодательства РФ и РБ в сфере языковой политики для проведения общественного мониторинга.

В рамках осуществления общественного мониторинга временной рабочей группой проведены: пресс-конференции, «круглые столы» с участием представителей национально-культурных объединений, общественных организаций, опросы граждан, деловые встречи с ответственными лицами муниципальных образований Башкирии за реализацию закона о языках народов РБ, работниками учреждений образования и культуры, СМИ и других ведомств, а также представителями родительского и ученического сообществ.

Перед рабочей группой обозначено несколько основных задач: оценка ситуации в сфере языковой политики; получение достоверной и объективной информации; выявление факторов, вызывающих угрозы в настоящее время и в перспективе в сфере языковой политики; содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов. В период с 21 сентября по 18 декабря 2017 г. общественным мониторингом охвачено более 14 муниципальных образований РБ, в общей сложности более 200 организаций и учреждений.

В ходе проведения мониторинга были выявлены следующие недостатки:

- слабый контроль со стороны комиссий по реализации закона о языках РБ при администрациях муниципальных образований за деятельностью организаций и учреждений в данной сфере на территории района/города;
- недостаточное освещение в средствах массовой информации вопросов по реализации языковой политики в РБ;
- отсутствие на должном организационном уровне разъяснительно-информационной работы по данному вопросу с обучающимися и их родителями;
- в отдельных случаях присутствует формальный подход к преподаванию родных и государственных языков;
- наблюдается недостаточная обеспеченность учебниками и учебными пособиями (отсутствие учебников по родному

- русскому языку), наглядными пособиями, современными аудио-визуальными средствами обучения;
- допускаются орфографические ошибки при оформлении информационных стендов, вывесок на государственном башкирском языке.

Для решения проблем, выявленных в ходе общественного мониторинга, был сформулирован ряд рекомендаций на 2018 г. В частности, ОП РБ было рекомендовано провести общественную экспертизу. С этой целью советом ОП РБ была утверждена временная рабочая группа. В ее состав вошли видные ученые, общественники, представители органов власти, лучшие учителя родных языков, работники культуры и образования.

Весной 2018 г. ОП РБ совместно с Ассамблеей народов РБ провела общественное обсуждение проекта государственной программы «Сохранение и развитие государственных языков РБ и языков народов РБ». В ходе обсуждения было высказано много содержательных предложений к проекту программы. Поступившие предложения проанализированы рабочей группой и направлены главе РБ Р. Хамитову и в Академию наук РБ, основному разработчику госпрограммы, для ее дальнейшей доработки.

В решении этнокультурных проблем, а также укреплении межнационального и межконфессионального согласия ОП РБ отмечает возрастающий запрос на активизацию форм участия (просветительская работа, благотворительность, добровольческие инициативы и т. д.). Для реализации этого запроса необходимо развивать институциональную среду некоммерческих организаций в этом сегменте (Ассамблея народов РБ, национально-культурные организации региона), а также стимулировать деятельность инициативных граждан, способствующих институционализации конструктивных форм гражданского участия.

Неоднозначность языковой ситуации в РТ и РБ позволяет мне привести точку зрения известного башкирского эксперта, заведующего сектором культурологии и обществоведения центра социокультурного анализа Института стратегических исследований РБ А. Бердина. С этой оценкой не во всем можно согласиться, но она показательна с точки зрения сравнительного анализа этнорелигиозной сферы и языковой политики в двух братских республиках.

Данная точка зрения была опубликована в форме интервью в журнале «Эксперт-Урал». Здесь она приводится со значительными сокращениями:

В новом учебном году башкирский язык как государственный добровольно согласились изучать 73% школьников. Эта цифра говорит о том, что модель обучения, сложившаяся за годы в республике, выдержала беспрецедентное испытание жесткой проверкой прокуратуры и доказала свою эффективность. Башкирский язык выстоял. И считаю, что эта модель в рамках реализации поручений президента РФ целесообразна для применения на всей территории страны, точнее, российских национальных республик.

Мы называем ее башкирской моделью этнолингвистического компромисса: башкирский преподавался дифференцированно, в двух частях: как государственный и как родной. Как государственный, то есть для всех – необременительные 1–2 часа в неделю, не отнимая ни одной минуты у русского языка. Задача: дать представление о языке и навыки элементарного общения для незнакомых с ним, без углубленного погружения. Исключение: единичные родители, письменно заявляющие об отказе от его изучения.

Башкирский как родной язык (как и русский, татарский, чувашский в РБ) изучается уже 3–4 часа в неделю по методикам, предназначенным для носителей языка, и строго по желанию родителей, их собирают в классах. Считаю, ломать эту модель нет смысла. Все равно к ней и придем.

В отличие от Татарстана, в Башкортостане в число родных языков, т. е. вариантов на выбор, всегда входил русский. Уже поэтому ясно, что послание Путина в Йошкар-Оле изначально относилось в основном к Татарстану: там он сказал именно и только о родных языках и недопустимости учить неродной вместо родного. Добавив слова о русском языке. Именно в РТ русский язык не признан родным, что и доводила русская общественность до Президента РФ все эти годы.

Проверка по государственным языкам была введена в поручение В. Путина после неадекватной реакции Татарии на месседж: там заявили, якобы к ним он вообще не относится. И она начала давать плоды только сейчас. Министерство образования и науки РТ признало право на выбор русского языка в качестве родного. Что в Башкортостане было всегда. И когда до речи в Йошкар-Оле и любых поручений Президента РФ, еще с весны местная прокура-

тура начала в Башкирии демонстративную проверку школ, пугая директоров и спровоцировав тягостные дискуссии в интернете о «нужности» того или иного языка, проблемным полем оказались именно два часа башкирского государственного «для всех». Через эти унижительные дискуссии конфликт дошел до каждого класса, каждой семьи. Этого нельзя было допускать ни в коем случае.

Во-первых, ситуации в Башкортостане и Татарстане различаются принципиально. Во-вторых, весь конфликт, все споры в Башкирии именно из-за одного-двух часов башкирского как государственного, не отнимавших у русского языка ни одной минуты.

И здесь нужно отдать должное гражданской сознательности большинства родителей, педагогических коллективов Башкирии. На самом деле все прекрасно понимают аргументы всех сторон дискуссии. Только жаль, что СМИ больше акцентируются на скандальных проявлениях. А ведь проявленная людьми воля к диалогу заслуживает уважения. Случаи отказов от башкирского государственного («для всех») оказались маргинальными (8%) на общем фоне. И это при том, что заявление заставляли писать каждого родителя, по нескольку раз. А выход из конфликта простой: заявления должны писать те, кто не согласен изучать башкирский язык, в индивидуальном порядке, а не те, кто это делать согласен.

По сути, проблема администрации Р. Хамитова в том, что она не решается отстаивать ту самую модель этнолингвистического компромисса, что при нем окончательно и сформирована. Возможно, опасаясь не совпасть с волей Президента РФ. Но общеизвестный факт, что реплика В. Путина была направлена на отрезвление этнократии Татарстана, приводит к выводу: Башкортостан должен предлагать свою модель, именно альтернативную татарстанской. В. Путин явно не имел в виду раскатать своим поручением межнациональное согласие в регионах, цель-то была обратной – упрочить его! И, возможно, оправданной для купирования перекосов в Республике Татарстан. Но ударило и по республикам, где подобных перекосов не было: Башкортостану, Чувашии, Якутии и т. д. Поэтому необходимо всем возвращаться к взаимоприемлемому решению, которое в Башкортостане намного ближе к консенсусу, чем в Татарстане.

Проверка – рабочий процесс, она завершится, ее перекосы и эмоциональные моменты должны быть учтены, и поручение Президента реализуется в виде какой-то постоянной модели, уже не требующей столь конфликтного вмешательства. Причем одной для всех

национальных республик, ибо правовое пространство РФ – едино. Поэтому если, допустим, в Башкортостане поручение В. Путина будет выполнено в большей, а в Татарстане – какой-то меньшей степени, можно констатировать, что поручение просто провалено. За основу для всех республик РФ целесообразно взять этнолингвистический компромисс, давно достигнутый именно в РБ.

Это – минимум, дальше которого ограничивать титульные языки совершенно контрпродуктивно. И опыт РБ показал, что он вполне работоспособен. Ссылки татарских националистов на различие в проценте национальностей (татар в РТ половина, а башкир в РБ – треть) здесь не работают: процент русских в РТ даже больше, чем в РБ, а главное, эффект обучения титульному языку совершенно одинаков в Башкортостане, Татарстане, Марий Эл, Коми, Чувашии и т. д. Совершенно одинаковы проблемы с методиками, учебниками, отношением к предмету и т. д.

Жесткая позиция властей РТ все эти годы обернулась для них проблемой, которой РБ избежали именно благодаря нашему этнолингвистическому компромиссу. В Татарии русский язык исключили из числа родных (что само по себе оскорбляло родителей русских школьников), а главное, тем самым получили монолит из 6 часов татарского для всех, принять который при той жесткой конкуренции за каждый час, что сложилась в школах с пресловутым ЕГЭ, по доброй воле не носителям языка непросто. По крайней мере, по сравнению с 1–2 часами в неделю государственного башкирского.

А потому в случае отказа отказываются от всего татарского сразу. Иное дело, что прокуратура в РТ пока «своя», но это не навсегда. Опыт РБ показал, что соседям в РТ не стоит слишком опасаться: обвала не будет, если только разделить уроки татарского языка на обязательный для всех государственный, и родной по индивидуальному выбору, как в РБ.

Последующие события показали, что не все прогнозы эксперта из Башкирии А. Бердина жизнеспособны. Модель языковой региональной политики в современном российском законодательстве была сформирована на основе многочисленных мнений и предложений всех национальных республик. В результате мы получили компромиссную языковую модель для российских национальных республик. Ближайшее время покажет, как она будет действовать на практике.

Уровень социальной напряженности и конфликтности в Башкортостане в 2017–2018 гг. превысил аналогичный уровень в Республике Татарстан. Для полноты картины необходимо сделать только одну ремарку. «Языковая проблема» в Татарстане так и не стала конфликтом, в то время как события в Башкирии можно интерпретировать уже как конфликтную ситуацию или даже как конфликт малой интенсивности.

Справедливости ради отметим, что события в Башкирии нельзя представлять как столкновение властей и националистов по вопросу языка. К этому надо добавить противостояние администрации бывшего главы республики Р. Хамитова с объединенной оппозицией сторонников М. Рахимова, националистов, либералов. Политическая составляющая данного этнополитического конфликта более значима, чем уровень этнического противодействия. То есть мы имеем дело с гораздо более жесткой этнополитической ситуацией, чем в Татарстане. Федеральные регуляторы в качестве выполнения поручений Президента РФ здесь могут помочь не всегда, многое зависит от урегулирования ситуации с помощью диалога разных общественных групп и политических сил на местном уровне.

Поиск компромиссов в этноязыковой сфере: Республика Саха (Якутия) в 2018 г.

Современное общественное развитие подтверждает, что проблема функционирования нескольких языков на территории многонационального государства – одна из важнейших социальных проблем. Актуальной данная проблема является и для отдельных регионов РФ. На территории Якутии проживают представители более 120 национальностей. Коренные народы – якуты (саха), эвенки, эвены, чукчи, юкагиры, долганы. Коренные народы используют билингвизм и полилингвизм в повседневной жизни достаточно широко. На некоторых территориях Якутии сложился симбиоз якутской и русской культур, который характеризуется культурной адаптацией русских старожилов.

Межнациональные, национально-языковые проблемы всегда были, есть и будут, поскольку Якутия – неоднородная

в этническом и языковом отношении республика, переживающая промышленное освоение, миграционные потоки как извне, так и внутри республики. Однако Якутия в исследованиях ученых предстает как регион с благоприятной межэтнической ситуацией, без острого противостояния между этническими группами.

Нарушения права свободного изучения национального языка выявились и в Якутии. Прокурор региона Н. Пилипчук 3 ноября 2017 г. отправил письмо главе республики Е. Борисову, в котором сообщил, что якутский язык в школах преподают без письменного согласия родителей и тем самым нарушают право на выбор.

Письмо прокурора вызвало бурную реакцию в местном родительском сообществе. Традиционно они разделились на два лагеря: тех, кто недоумевает, кому может мешать якутский язык в региональных школах, и тех, кто против обязательного национального языка в школьной программе.

В Якутии изучение языка саха не было обязательным и изучалось русскими в добровольном порядке. Поэтому проблем с добровольностью изучения местного государственного языка здесь не возникало.

Известный российский эксперт-лингвист из НИУ ВШЭ Б. Орехов считает: «несмотря на опасения национальных элит, что запрет обязательного преподавания народного языка может уничтожить его – не соответствует действительному положению дел». Сделать так, по его мнению, «довольно сложно».

Б. Орехов констатирует: «В истории есть примеры, как покорившие другой народ страны пытались силой заставить людей перейти на другой язык. Из этого мало что получалось из-за сильной идентичности народа. Язык может исчезнуть только тогда, когда люди перестанут хотеть на нем говорить, поймут, что это невыгодно, тогда язык перестанет передаваться от предков к потомкам». В то же время он подчеркнул: «И я, и мои коллеги, хорошо разбирающиеся в предмете и в ситуации на местах, глубоко убеждены, что отмена преподавания родного языка в школе строго негативно скажется на ситуации, и допускать этого ни в коем случае нельзя».

Языковая реформа 2017–2018 гг. затронула и Якутию. Так, 15 ноября 2017 г. были обнародованы итоги проверки прокуратуры о соблюдении на территории республики за-

конодательства об образовании. При проверке законодательства, регулирующего право на свободный выбор языка воспитания и обучения, установлено, что данное право в республике в целом обеспечено. В республике созданы школы с обучением детей как на якутском, так и на русском языках, а также с изучением родных языков коренных малочисленных народов Севера. Вместе с тем, в ряде школ имели место отдельные факты сокращения объема таких обязательных предметов, как родной (якутский) язык и литература и русский язык и литература.

Проверка выявила недостаточность принимаемых мер по созданию условий для обучения на родном языке коренных малочисленных народов Севера, не всегда принимаются меры по обеспечению выбора языка образования для граждан на родных русском и якутском языках. Одной из основных причин этого является отсутствие мониторинга фактической потребности граждан в образовании на родном (якутский, русский, иные) языке. По результатам проведенной проверки органами прокуратуры республики внесено более 200 актов реагирования, по которым в настоящее время проведено устранение нарушений федерального законодательства.

В целом выводы прокуратуры были гораздо мягче, чем в Башкортостане и Татарстане, тем не менее, и они вызвали большую дискуссию в якутском обществе. В республике всегда соблюдался и соблюдается принцип добровольности при изучении языка саха как государственного, а также языков коренных малочисленных народов Севера.

В Республике Саха (Якутия) билингвизм – устойчивое социальное явление, при котором родной язык наряду с русским языком функционирует в качестве второго государственного языка. Такой подход к обучению языкам требует разработки эффективной методики обучения русскому, родному, а также и иностранным языкам с учетом конкретных языковых ситуаций. Специалисты в области методики преподавания языков придерживаются мнения, что принцип опоры на родной язык обеспечивает скоординированность, согласованность обучения родному и русскому языкам, целостность и отсутствие разорванности в знаниях по языковым предметам.

В результате ни Генпрокуратура РФ, ни проверка Рособнадзора осенью 2017 г. не выявили нарушений российского

законодательства в системе языкового образования Якутии. Только в одной школе одного из северных улусов Якутии были замечания из-за временного расписания, в котором не были учтены все необходимые часы по русскому языку. Известно, что система образования Якутии в результате проверок из федерального центра не понесла людских потерь, в отличие от ситуации в Татарстане, Башкирии и Республике Коми, где, по предписаниям Рособнадзора и Генпрокуратуры, произошли увольнения и громкие отставки. В Якутии оказалась самая гибкая система образования с точки зрения сосуществования различных языков на одной территории.

В Якутии еще с советских времен действуют несколько моделей образования, которые позволили выполнять задачу развития национальных языков при соблюдении принципов добровольности в языковом образовании. Так, якутяне по выбору могут отдать ребенка в абсолютно русскоязычную школу или в якутоязычную школу, где преподавание на русском языке начинается только в среднем звене, или в русскоязычную школу, где якутский язык будет преподаваться в качестве учебного предмета. Кроме того, есть школы с русским языком преподавания, где в качестве обязательного предмета или факультативно преподаются эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский и чукотский языки. И, наконец, в Момском районе республики есть одна школа с якутским языком образования, где в качестве обязательного предмета три часа изучается эвенский язык. Таким образом, заключения Генпрокуратуры и Рособнадзора подтвердили, что якутская модель сосуществования различных языков на одной территории оказалась, несмотря на ряд трудностей и разночтений, исторически наиболее успешной.

Дискуссия в якутском обществе по вопросам билингвизма не была такой напряженной и жесткой, как в Башкортостане и Татарстане. Большинство депутатов местного Законодательного собрания были готовы на компромиссы с позицией федерального центра. Характерным примером может являться точка зрения депутата Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) И. Шамаева, высказанная им после парламентских дискуссий весной 2018 г.: «На самом деле Конституция РФ и принцип федеративности предполагают обязательность обучения государственному языку в респу-

бликах, но имеющаяся политическая реальность не позволяет нам сохранить этот принцип. Поэтому надо найти мягкую форму обязательности обучения государственному языку». В качестве аргумента к тому, что не стоит регулировать языковой вопрос единым федеральным законом, депутат привел в пример неоднородность ситуации в Якутии. Так, в столице республики, где более 50% населения по национальности саха, устроить ребнка в якутский класс очень трудно. Люди вынуждены покупать квартиру в нужном им районе. Большинство детей саха вынуждены учиться в классах с русским языком общения. Попадая в такой класс, они учат якутский язык как государственный, правда, всего один час. Это очень мало, но хоть что-то, ребенок имеет возможность ознакомиться со своим родным языком.

А как в проекте федерального закона (закон принят летом 2018 г. – А. Б.)? Родитель должен написать заявление: «Я хочу, чтобы моего ребнка учили якутскому как государственному...». В наших классах набито по 40 учащихся, две смены, и как-то маневрировать школа не может. Поэтому директорам школ будет проще сказать: пишите «Я не хочу учить якутский». Вот такая «добровольность» будет. И тогда якутский исчезнет во всех школах с русским языком обучения. Это лишь одна из многочисленных точек зрения якутских политиков, но везде высказывалась необходимость прийти к компромиссу в языковом вопросе. Аргументация якутского депутата поражает своей схожестью с доводами его татарстанских коллег из националистических движений.

Изменение федерального законодательства в сфере языковой политики и образования вызвало значительный резонанс и широко обсуждался общественностью Республики Саха (Якутия). Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) на пленарном заседании 8 июня 2018 г. приняло отзыв и предложило поправки в новое федеральное законодательство. Распоряжением спикера парламента республики А. Жиркова была создана рабочая группа по подготовке предложений Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). В адрес депутатов Государственной Думы и сенаторов, представляющих Якутию, были направлены письма с предложением поддержать поправки якутского парламента.

В результате совместной работы за период доработки проекта ко второму чтению Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), единственный из законодательных органов субъектов РФ, представило три поправки, которые были учтены Комитетом Государственной Думы по образованию и науке. Предложения якутского парламента услышаны в Москве. Новая редакция закона учитывает все принципиальные стратегические положения, выдвинутые Государственным собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). В законопроекте, принятом во втором чтении, учтены проблемные моменты, подтверждено законодательно, что федеральными государственными образовательными стандартами регулируются изучение родных и государственных языков. Теперь по проекту закона они находятся в обязательной части образовательных программ. Также установлен свободный выбор языка образования.

Выводы

Таким образом, в данной аналитической записке рассмотрена этнополитическая ситуация в Татарстане, Башкортостане, Саха-Якутии. Ситуация в этнополитической сфере в Республике Татарстан рассмотрена гораздо более подробно, чем в других субъектах федерации. Несмотря на имеющиеся проявления социальной напряженности, а иногда даже появления конфликтов малой интенсивности (Башкирия) во всех трех регионах, они могут быть отнесены к стабильным территориям, где основная масса населения лояльна общероссийским гражданским ценностям, несмотря на различие экономического уклада, социокультурных норм и этнополитической ситуации.

Татарстан – регион классического билингвизма. Это мощная индустриальная республика, которая является регионом-донором. Не многим ей уступает Башкортостан, который имеет развитую по российским меркам экономику, а специфика этнополитической ситуации связана с наличием трех основных народов на данной территории, которые постоянно и преимущественно неконфликтно вза-

имодействуют между собой. Якутия, благодаря различным запасам полезных ископаемых, алмазов и прочего, не может быть вычеркнута из перспективно развивающихся в экономическом плане территорий. Ее специфика состоит в том, что урбанизированный уклад хозяйственной деятельности соседствует с родоплеменной организацией различных этнических групп.

Представляется, что, несмотря на имеющиеся противоречия в развитии данных регионов, они представляют территории, которые являются полностью лояльными федеральному центру, получающими от него большие финансовые вливания. Этнополитическая специфика каждого из этих субъектов Российской Федерации является постоянным полем для конструктивного взаимодействия общественных групп, политических движений и властей различного уровня.

В центре внимания данной аналитической записки оказалась этноязыковая ситуация, вызванная языковой реформой и изменением российского законодательства в сфере преподавания государственных, региональных и родных языков в национальных республиках. Каждый из разделов данной аналитической записки сформирован в сравнительной перспективе анализа трех регионов – трех национальных республик. Все эти регионы имеют свою специфику в решении этноязыковых и этнополитических проблем. Она продемонстрирована в каждой из частей настоящей аналитической записки. Положения текста постоянно дополняются результатами социологических исследований, многочисленными экспертными оценками.

С момента принятия «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» прошло более пяти с половиной лет. Она показала свою жизнеспособность. Однако ее текст в настоящее время нуждается в определенных доработках. Ниже приводятся мои рекомендации по изменению некоторых параметров существующего документа.

Рекомендации для совершенствования «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года»

1. В «Стратегии...» ничего не говорится о национально-культурных автономиях. При ее формировании в 2012 г. НКА не представлялся институтом, который может стабилизировать ситуацию в этнонациональных отношениях. Сегодня НКА достаточно развитый институт в ряде российских регионов. Представляется, что институционализация этнонациональных процессов, проблем и конфликтов через создание НКА может снизить конфликтный потенциал регионов РФ в сфере межэтнических отношений, взаимоотношений старожильческих народов и приезжих (мигрантов).

2. Регулирование конфликтов в этнической сфере возможно в настоящее время в РФ не только с помощью правовых и этических норм, но и посредством совокупности альтернативных методов решения конфликтов (медиации, переговоров, фасилитации, консилиации и др.), которые должны быть прописаны и активно использоваться на практике профессионально подготовленными специалистами. Представляется, что необходимость АРК может быть внесена в текст отредактированной «Стратегии...».

3. Управление конфликтами в этнической сфере в РФ должно осуществляться преимущественно на основе методов предупреждения конфликтов, принципов недопущения перерастания социальной напряженности в реальные конфликты, технологий урегулирования и разрешения противоречий, конфликтных ситуаций, собственно конфликтов, трансформации конфликтов, согласительных и примирительных процедур, разработанных академическим сообществом и имеющим значительный позитивный опыт применения на практике. Положение об этом может быть внесено в текст «Стратегии».

4. Поддержание стабильности в межэтнических отношениях в России и ее регионах возможно в рамках проведения рациональной политики в языковой сфере, когда действия региональных властей определяются нормами федерального законодательства, учитывается мнение жителей и властей

региона по вопросам обучения в средних школах на государственном, региональном и родном языках. Обучение на неродном языке (кроме государственного – русского) должно осуществляться на добровольной основе. Это положение из российского законодательства и нового федерального закона в том числе должно быть обязательно в тексте существующей «Стратегии...».

Литература

- Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос: Монография. М.: Этносоциум, 2015. 266 с.
- Арутюнова Е.М.* Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 259–272.
- Арутюнова Е.М.* Визуальное отражение идентичностей в столицах регионов: опыт исследования в Башкортостане и ХМАО-Югре // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 7 (121). С. 46–56.
- Арутюнова Е.М.* Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 25–35.
- Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л.* Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
- Воропаева А.В.* Проблемы регулирования иммиграционными и эмиграционными потоками // Философские науки. 2017. № 10. С. 121–130.
- Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 169–173.
- Габдрафиков И.М., Карабулатова И.С., Хуснутдинова Л.Г.* Социальная адаптация трудовых мигрантов в мусульманских регионах России: роль и место этноконфессионального фактора в Поволжье // Социально-экономические и гуманитарно-философские

- проблемы современной науки. М.; Уфа; Ростов-на-Дону, 2015. С. 116–127.
- Габдрафиков И.М.* Республика Башкортостан. Итоги мониторинга межнациональных отношений. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2015 год / ред. В.А. Тишков, В.В. Амелин, В.В. Степанов. М.; Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. С. 14–36.
- Галихузина Р.Г.* Институты и практики поддержания единства мусульманского сообщества Республики Татарстан // Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления / под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 147–156.
- Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Монография / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2015. 236 с.
- Гофман А.Б.* Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 29–36.
- Дмитриев А.В., Воронов В.В.* Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации [монография]. М.: Новый хронограф, 2017. 184 с.
- Дробижева Л.М.* Восприятие новых вызовов в полиэтническом пространстве страны // Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016. С. 39–44.
- Дробижева Л.М.* Гражданская и этнонациональная идентичность как ресурс консолидации общества // Роль и место национально-культурной автономии в гармонизации межэтнических отношений в регионах России: сборник материалов международной конференции. Казань: Отечество, 2017. С. 38–43.
- Дробижева Л.М.* Межнациональные (межэтнические) отношения в России в зеркале мониторинговых опросов ФАДН и региональных исследований // Вестник Российской нации. 2017. № 4 (56). С. 107–127.
- Дробижева Л.М.* Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4 (43). С. 324–336.

- Дробизева Л.М.* Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 17–29.
- Ерофеев Ю.И., Михайлов В.А.* Нужна ли новая редакция ФЗ «О национально-культурной автономии»? (Приглашение к дискуссии) // Вестник российской нации. 2018. № 1. С. 31–52.
- Ерофеев Ю.И., Михайлов В.А.* Современный этнологический портрет национально-культурных автономий в Российской Федерации // Вестник российской нации. 2017. № 3 (55). С. 34–60.
- Ерофеев Ю.И., Михайлов В.А.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации (1996–2016 гг.): опыт и перспективы развития // Вестник российской нации. 2017. № 1 (53). С. 33–55.
- Зорин В.Ю.* Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // Россия и мусульманский мир. 2017. № 1 (295). С. 18–29.
- Зорин В.Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 251 с.
- Ирнарзоров Р.И.* К вопросу о дифференциации этносов в Башкортостане // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 56–60.
- Концепция миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://pvsfms.ru/doc/kgmp.pdf> (дата доступа 30.07.2018).
- Коростелева Л.Ю.* К проблеме адаптации мигрантов путем образования // Диаспоры, землячества, мигранты: проблемы адаптации: Сборник материалов Межвузовской научно-практич. конф. Москва, 5 апреля 2017 г. / отв. ред. А.В. Дмитриев. Саратов: Изд-во СГУ, 2017. С. 131–137.
- Крицкая А.А.* Анализ современной миграционной ситуации в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 7. С. 253–256.
- Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.
- Михайлов В.А.* Вопросы межнационального и межрелигиозного согласия, совершенствование законодательства в сфере национальной культурной автономии // Вестник российской нации. 2017. С. 215–216.
- Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики: Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности

- и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. 315 с.
- Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте: [монография] / под ред. Л.М. Дробижевой, С.В. Рыжовой; Институт социологии РАН. М.; Казань; СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.
- Путин В.В.* Выступление в Астрахани 31 октября 2016 года. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата доступа 07.11.2018).
- Путин В.В.* Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле 20 июля 2017 года. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата доступа 07.11.2018).
- Путин В.В.* Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям в административном центре Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 26 октября 2018 года. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58922> (дата доступа 07.11.2018).
- Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 229 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и др.; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь мир, 2015. 432 с.
- Рыжова С.В.* Межэтническая напряженность как социальный феномен [реф.] Социальные факторы межэтнической напряженности в России: Монография / [М.Ф. Черныш и др.]; отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017 // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 178–188.
- Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах РФ / отв. ред. М.Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата доступа 30.07.2018).

- Титова Т.А., Фролова Е.В., Савина А.С.* Ключевые механизмы формирования этнической и гражданской идентичности современной молодежи в общественных организациях Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5. Тамбов: Грамота, 2018. С. 53–56.
- Тишков В.А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Фарушкин М.Х.* Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.
- Фарушкин М.Х.* Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 44–50.
- Фарушкин М.Х.* Этнофедерализм в оценках российских исследователей // Исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 211–232.
- Федерализм: Учебное пособие* / под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 281–493.
- Хилажева Г.Ф.* Миграционное поведение жителей республики Башкортостан // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2015. Т. 20. № 3 (79). С. 75–85.
- Чугров С.В.* Российская политика сквозь призму социологических замеров // Политические исследования. 2016. № 5. С. 183–190.
- Этническое и религиозное многообразие России* / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
- Этносоциология: вчера и сегодня* / отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016. 474 с.

В.И. Мукомель

*главный научный сотрудник,
руководитель сектора изучения
миграционных и интеграционных процессов
Центра исследования межнациональных отношений
Института социологии ФНИСЦ РАН*

Этнополитическая ситуация в Московском мегаполисе: вызовы, поиск решений

Исследования этнополитической ситуации в московском мегаполисе имеют давнюю традицию. Еще десять лет назад специалисты отмечали специфику обстановки в мегаполисе: во-первых, актуализированную этническую идентичность и высокую восприимчивость к многокультурности у москвичей. Во-вторых, формирование атмосферы тревожности и психологической напряженности, связанные со становлением в столице нового многокультурного пространства, отсутствием у многих опыта жизни в этнически разнообразной социальной среде. В-третьих, дифференциацию городской среды по уровню психологической напряженности и латентной этногрупповой мобилизации на основе этнической солидарности и усиления этнического «чувства мы». В-четвертых, относительно толерантное восприятие москвичами присутствия инациональных мигрантов в Москве. Однако фактором дополнительного стресса, провоцирующего усиление негативизма в отношении мигрантов, можно считать, прежде всего, неблагоприятный социальный фон, выражающийся в острой социальной конкуренции, чувстве небезопасности жизни, недостаточности зон отдыха, дефиците информации о состоянии дел с инациональными мигрантами в Москве. Дефицит информации подогревается недостатком доверия городским властям, призванным поддерживать порядок

и обеспечивать необходимо безопасный и комфортный уровень жизни как для постоянных жителей города, так и для тех, кто прибывает в Москву для постоянного проживания или временного заработка⁷⁰.

За прошедшие годы социально-экономическая и политическая ситуация существенно изменилась, произошли серьезные трансформации в социальном, этническом, конфессиональном составе как постоянного, так и временного населения столицы и Московской области. Какие факторы определяют в настоящее время этнополитическую ситуацию в мегаполисе? Насколько она стабильна и каковы риски, с которыми могут столкнуться власти и население города? Наиболее серьезные вызовы сопряжены с притоком иноэтничных мигрантов – как внешних, так и внутренних. Насколько серьезны риски, связанные с отторжением таких мигрантов жителями Москвы и Московской области? Как идет адаптация и интеграция представителей «видимых меньшинств» в мегаполисе? Как изменяется их идентичность? Насколько эффективна национальная (этническая) политика региональных властей? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящен настоящий раздел.

Методология исследования включала: анализ государственной и ведомственной статистики; анализ нормативных правовых актов Российской Федерации, Москвы и Московской области (информационно-аналитическая система «Консультант-Регион»); литературные источники; анализ масс-медиа (информационно-аналитическая система «Медиадиалогия»); результаты 24-й волны Российского мониторинга экономики и здоровья населения (RLMS-HSE), проведенной в конце 2015 г. (2023 респондента в Москве и Московской области); социологические исследования Института социологии РАН, проведенные в Москве, Московской области и других регионах России в 2014–2018 гг. по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» под руководством проф. Л.М. Дробижевой (в том числе опросы москвичей и жи-

⁷⁰ Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. С. 138–140.

телей области – 1401 респондент, а также внутренних мигрантов, представителей «видимых меньшинств» в мегаполисе – 502 респондента, качественные исследования)⁷¹; вторичный анализ других социологических исследований, проводимых Институтом социологии РАН, ведущими социологическими центрами Российской Федерации и Москвы.

Основные характеристики и тренды этнополитической ситуации в Москве и Московской области

Московский мегаполис – центр притяжения международных и внутрироссийских миграций. В рейтинге российских регионов по социально-экономическому развитию Москва занимает 1-е место, Московская область – 5-е место⁷². Высокий уровень и темпы социально-экономического развития определяют благоприятную ситуацию на рынке труда: по уровню безработицы Москва занимает 1-е место в рейтинге регионов (чем ниже безработица, тем выше место), и 1-е место по доле населения, ищущего работу свыше трех месяцев в численности рабочей силы. Московская область – соответственно на 4-м и 12-м местах⁷³. Москва и Московская область являются лидерами по значению интегрального индекса рынка труда, занимая, соответственно, 1-е и 3-е места⁷⁴.

По уровню оплаты труда эти регионы занимают, соответственно, 3-е и 14-е места⁷⁵. Доходы населения мегаполиса

⁷¹ Далее, если не оговорено особо, представлены результаты данного исследования.

⁷² Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2018. М.: РИА-Рейтинг, 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>

⁷³ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. М.: РИА-Рейтинг, С. 21. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf

⁷⁴ РИА-Рейтинг представил очередной индекс рынка труда в регионах РФ. 31.08.2017. URL: <http://www.riarating.ru/regions/20170831/630071542.html>. Высокое значение индекса характеризует низкий уровень безработицы, высокую емкость рынка труда, относительно короткое среднее время поиска работы, высокие зарплаты.

⁷⁵ Уровень и распределение зарплат в регионах России – 2017. 07.12.2017. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20171207/630078217.html>

высоки и с лихвой перекрывают высокие цены: по отношению доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг региона Москва занимает 3-е место, по объемам вкладов в банках на душу населения – 1-е место, Московская область – 6-е и 10-е места, соответственно⁷⁶. В семье с одним ребенком остаток денежных средств после минимальных расходов ежемесячно составлял в 2017 г. в Москве 83,0 тысячи рублей, в Московской области – 44,8 тысячи рублей, что, соответственно, выше среднероссийских показателей в 2,3 и 1,2 раза⁷⁷.

Мегаполис, традиционно привлекающий население, на этапе глобализации облегчившей транспортную доступность и коммуникации, стал не только привлекательным для иностранных граждан и жителей провинции, но и местом приложения труда для маятниковых мигрантов, преодолевающих тысячи километров⁷⁸.

Московский мегаполис привлекателен для российских и иностранных граждан не только как место приложения труда, но и качеством жизни: Москва и область занимают 1-е и 3-е места по этому показателю, заметно выделяясь на фоне других регионов⁷⁹. Развитость инфраструктуры, высокий уровень развития экономики, социальной сферы вкупе с высоким потенциалом дальнейшего развития позволяет этим регионам надолго закрепиться в топе рейтинга.

Оборотной стороной высокого уровня жизни в мегаполисе является то, что москвичи, а затем и жители области, сталкиваются с массовыми потоками мигрантов, испытывая известный дискомфорт от трансформации привычной среды, проникновения иных культур.

⁷⁶ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. С. 25.

⁷⁷ Богатые и бедные семьи – рейтинг регионов 2018. М.: РИА-Рейтинг, 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180607/630095992.html>

⁷⁸ По данным обследования населения по проблемам занятости, численность занятых, которые работали за пределами субъекта Российской Федерации, в котором они проживают, составила в 2014 г. 2,3 млн. человек, из которых половина работали в Москве и Московской области (Межрегиональная трудовая миграция. Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm)

⁷⁹ Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2017. 14.02.2018. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html>
Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. С. 21–22.

Еще в советское время выявилась проблема отчуждения мигрантов от принимающего населения, лежащая вне этнической принадлежности ни первых, ни вторых (проблема «лимитчиков»). В 1990-х годах она только обострилась: русскоязычные мигранты из Средней Азии воспринимались местным населением как «иные», что иногда приводило к конфликтным ситуациям, особенно в местности, где мигранты селились компактно. С изменением этнического состава мигрантов напряжение сместилось в этническую плоскость. (Вплоть до того, что в российском дискурсе мигранты – представители «видимого меньшинства», не традиционного для данной местности – чаще всего, выходцы из Средней Азии, Юго-Восточной Азии, с Кавказа).

Ксенофобные настроения, определенная настороженность к представителям отдельных мигрантских меньшинств достаточно прочно укоренились в общественном сознании. Москвичи, как и россияне в целом, негативно относятся к выходцам с Северного Кавказа⁸⁰, из Средней Азии, Юго-Восточной Азии, Закавказья, более толерантно отношение к мигрантам из Белоруссии, Украины, Молдовы.

Было бы упрощением утверждать, что этнополитическая ситуация в Москве и Московской области определяется исключительно взаимоотношением местного населения и мигрантских меньшинств, достаточно распространены ксенофобии и к представителям традиционных для Москвы этнических групп, являющихся зачастую москвичами во многих поколениях, да и среди мигрантов распространены всякие настроения, включая неприятие принимающего населения. В последние годы, однако, наибольшее значение для стабилизации этнополитической ситуации в мегаполисе приобретают отношения между принимающим населением и представителями «видимых» мигрантских меньшинств – как внешних

⁸⁰ Обыденное сознание идентифицирует их как «чужих», хотя они являются согражданами, и их гражданские права, включая право на свободу передвижения и выбор места жительства, не могут ограничиваться. В то же время это не снимает проблемы их адаптации и интеграции в социально-культурном плане в принимающее сообщество. Более подробно см.: ИНАБ № 2 – 2015. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. – Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб) М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD ROM).

мигрантов, не имеющих российского гражданства, так и внутренних мигрантов.

Москва всегда была городом мигрантов. В 1882 г. удельный вес уроженцев Москвы составлял лишь 26,1%, в 1897 г. – 25,2%, в 1902 г. – 27,6%, в 1926 г. – 36,9%, в 1979 г. – 51,5%⁸¹. На этом фоне данные переписи 2010 г., согласно которым проживали с рождения в столице 58,2% москвичей, свидетельствуют, что роль официально фиксируемой миграции в формировании ее состава существенно не менялась. Значительная часть москвичей (10,6%) прибыли в Москву в 2003–2010 гг.⁸²

Миграционные потоки меняют этнический состав столицы. За межпереписной период 2002–2010 гг. снизилась доля украинцев, татар, белорусов, евреев и одновременно возросло представительство народов Кавказа, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии. Однако излишне драматизировать эти изменения не стоит: на протяжении предшествующего столетия этнический состав Москвы не раз претерпевал кардинальные изменения (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Москвы по данным переписей⁸³, %

Этнические группы	1912	1920	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Русские	95,3	84,8	87,5	87,4	89,5	89,3	90,2	89,7	84,2	91,6
Украинцы	0,2	0,2	0,8	2,2	2,3	2,6	2,6	2,8	2,4	1,4
Татары	0,6	0,2	0,8	1,4	1,5	1,5	1,6	1,8	1,6	1,4
Евреи	0,4	2,8	6,5	6,0	4,1	3,5	2,8	2,0	0,8	0,5
Белорусы	...	0,3	0,2	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8	0,6	0,3
Армяне	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	1,2	1,0
Азербайджанцы	...	...				0,07	0,1	0,2	0,9	0,5
Грузины	...	...		0,05	0,1	0,13	0,15	0,2	0,5	0,3

⁸¹ Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика / Моск. центр Карнеги. М., 1999. С. 7.

⁸² Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 8. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства, Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

⁸³ Наиболее представительные этнические группы. Источники: Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России / общ. ред. Ж.А. Зайончковской. Вып. 3. М., 2005. С. 28; Всероссийская перепись населения 2002 года; Всероссийская перепись населения 2010 года.

Вклад миграции в изменение численности населения Москвы трудно переоценить, особенно с конца 1980-х гг., когда естественный прирост населения сменился естественной убылью населения. В Москве был период начала 1990-х, когда численность населения в ней снизилась. Однако для Москвы этот процесс был кратковременным и уже спустя пару лет миграционные процессы входят в привычное русло, Москва опять стала притягательной для мигрантов: после кризиса в начале 1990-х годов число жителей Москвы не только восстановилось, но и возросло. Население столичного региона благодаря миграции стабильно прирастает на 100–130 тысяч человек в год: в 2010–2016 гг. население Москвы возросло почти на 1 млн человек (с 11 382 тыс. человек на начало 2010 г. до 12 381 тыс. человек на начало 2017 г.)⁸⁴. Причем ведущую роль в этом играют не международные, а межрегиональные мигранты⁸⁵. В 2016 г. за счет внутренних мигрантов, по данным статистики, было обеспечено 76,3% миграционного прироста Москвы, в 2017 г. – 88,9%⁸⁶. Схожая ситуация в Московской области, численность населения которой за счет миграции растет быстрее, чем численность Москвы, причем определяющую роль, опять же, играют внутренние миграции, обеспечившие в 2016 г. 80,3% миграционного прироста области и 82,2% – в 2017 г.⁸⁷

Москва традиционно является городом, притягивающим население страны. Темпы роста населения Москвы и в советское время опережали все наметки, зафиксирован-

⁸⁴ URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/population/

⁸⁵ Население России 2006 [Текст]: четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 252; Население России 2009 [Текст]: семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 288.

⁸⁶ URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/population/ Однако эти данные не учитывают трудовых мигрантов, численность которых в мегаполисе оценивается в 1,5–2,5 млн человек.

⁸⁷ URL: http://www.msko.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/msko/ru/3bd98880445edf70b146b78327254801

ные в генеральных планах развития города⁸⁸. Распад СССР скорректировал ситуацию: сегодня московское население увеличивается не только за счет внутренней миграции, но и за счет притока иностранных граждан, преимущественно выходцев из бывших союзных республик.

Численность иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих / пребывающих на территории Москвы и области, оценивается в 2–3 млн человек, около $\frac{2}{3}$ из которых – граждане Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. При этом широко распространена практика, когда трудовые мигранты работают в Москве, а проживают в области, где более доступное жилье. Московская область, где стоят на миграционном учете и проживают больше иностранцев, чем в Москве, становится территорией, межнациональные отношения в которой должны мониториться особенно тщательно, причем в первую очередь на уровне муниципальных образований. Уже сейчас негативное отношение к мигрантам, особенно с Кавказа, в Московской области выражено сильнее, чем в столице, как будет показано ниже.

После стабилизации внутрироссийских миграций в первой декаде века во второй декаде отмечается рост внутренней миграции, хотя и уступающей до сих пор масштабам, характерным для советского периода. А московский мегаполис в настоящее время является ключевым центром миграционного притяжения для всей России. (При этом на протяжении многих лет область обходит столицу по интенсивности миграционного притока.) По данным текущего учета, в 2000-х годах население мегаполиса увеличилось на 1180 тыс. человек, в том числе 941 тыс. за счет миграций из других регионов России и 239 тыс. – за счет внешней миграции. По данным переписей 2002 г. и 2010 г., масштабы миграционного прироста были еще значительней: за межпереписной период население Москвы и области возросло на 2654 тыс. человек, из которых более

⁸⁸ Во всех Генеральных планах Москвы, а они принимались в 1935 г., в 1971 г. и в 2005 г. (фактически действовал с 1999 г.), приводились оценки численности населения столицы на конец планового периода. План 1935 года, рассчитанный до 1945 г., исходил из ограничения численности населения города 5 млн человек, по плану 1971 г. население Москвы до 1985–1990 гг. должно было увеличиться до 7,5 млн человек. Реальные темпы роста населения столицы были существенно выше.

2 млн человек составили внутренние мигранты⁸⁹. На долю мегаполиса, по данным текущего учета, пришлось 70,8% всего внутрироссийского миграционного прироста, а по данным переписей – 91,4%⁹⁰.

Серьезные проблемы в сфере межэтнических отношений вызывают напряженные отношения москвичей и внутренних мигрантов, принадлежащих к «видимым меньшинствам», особенно из республик Северного Кавказа. Оценить приток внутренних мигрантов из республик в Москву достаточно сложно. Есть два канала, по которым они прибывают в столицу: во-первых, переезжая в Москву на постоянное место жительства, во-вторых – выезжая в Москву на заработки (внутренние трудовые мигранты).

Судя по данным последних переписей, в первой декаде 2000-х масштабы переселений в столицу представителей северокавказских народов, выходцев из других республик (в первую очередь, калмыков, бурятов, якутов) были существенно меньше, чем в 1989–2002 гг.

Можно предъявлять претензии к методике и организации последних переписей, но данные текущего учета также не свидетельствуют о сколько-нибудь значимых масштабах притока из северокавказских республик. Судя по косвенным данным, вряд ли в Москву ежегодно переселяется свыше 10 тысяч представителей северокавказских этнических групп и примерно столько же – в Московскую область.

Другим каналом движения иноэтничных внутренних мигрантов в Москву является трудовая миграция. Не только высокий уровень жизни и хорошие условия жизни, развитая финансовая, транспортно-инженерная и социально-бытовая инфраструктура, насыщенность культурными организациями и концентрация образовательных учреждений являются факторами, определяющих для россиян выбор мегаполиса

⁸⁹ Население России 2010–2011 [Текст]: восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 452–453. Более чем двукратная разница в текущем учете и данных переписей лишний раз свидетельствует о проблемах статистики миграций и необходимости осторожного оперирования данными текущего учета.

⁹⁰ Население России 2010–2011. С. 446.

как места постоянного проживания или пребывания. Москва и Московская область, испытывающие дефицит трудовых ресурсов, привлекают жителей других регионов как место заработка. Разрыв в оплате труда в мегаполисе по сравнению с другими регионами России увеличивался на всем протяжении 2000-х годов: если в 2000 г. оплата труда в Москве превышала среднюю по России на 45%, то в мае 2018 г. – на 84%. В Московской области разрыв в оплате труда со среднероссийским уровнем возрос, соответственно, с 2% в 2000 г. до 15% в мае 2018 г. (В мае 2018 г. среднемесячная зарплата в Москве составила 81,1 тыс. рублей, в области – 50,6 тыс. рублей при среднероссийской в 44,1 тыс. рублей)⁹¹.

Учитывая различия в оплате труда в Москве и Московской области, Москва является местом приложения труда значительных контингентов жителей области. По данным Росстата, 19,3% занятого населения Московской области (766 тыс. человек) работали в 2017 г. за пределами региона⁹² – в подавляющем большинстве, в Москве.

Наличие свободных рабочих мест облегчает включение мигрантов из других регионов России в рынок труда московского мегаполиса. В Москве и области безработица носит, преимущественно, структурный характер, со сложностями сталкивается в основном молодежь, не имеющая квалификации. Только на сайте superjob.ru размещено около 400 тысяч актуальных вакансий по Москве. Уровень безработицы в мегаполисе минимален: в Москве – 1,4%, в Московской области – 3,2% (при среднем по России в 5,2%)⁹³.

В Москве, по данным Росстата, работают 1486 тыс. граждан из других регионов России, или 20,9% к численности за-

⁹¹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации в 2013–2018 гг., рублей. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/

⁹² Межрегиональная трудовая миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации в 2017 году. URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab3_2017.xls (табл. 3).

⁹³ Рабочая сила, занятость и безработица в России, 2018. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2018 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918584312

нятого населения Москвы, в Московской области – 204 тыс. человек (5,1% занятого населения области), что составляет 60% всех внутренних трудовых мигрантов страны – 2836 тыс. человек⁹⁴. (Следует учесть, что Росстат относит к категории внутренних трудовых мигрантов и маятниковых мигрантов).

Москва, испытывающая острый дефицит квалифицированных кадров (в первую очередь, в сферах четвертичной и третичной занятости), привлекает работников не только из ближайших регионов. Как отмечают специалисты кадровых агентств, подбор квалифицированных кадров для московских организаций и предприятий идет вплоть до Восточной Сибири, московский рынок труда «стал больше кандидатский» – в условиях дефицита кадров работник, а не работодатель диктует условия найма⁹⁵. Особенно велик спрос на квалифицированных инженеров и рабочих, специалистов в области IT-технологий, финансов, в значительной мере покрываемый «регионалами».

При этом среди приезжающих работать в Москву в 2014 г. 42% составляли жители Московской области, а среди приезжавших работать в Московскую область – 4,2% жители Москвы. Из республик Северного Кавказа в Москве работали 24 тысячи человек (в том числе 17 тысяч – из Дагестана), в области – 1,2 тысячи человек. Из других республик, в частности, из Калмыкии, Бурятии, Тувы, Якутии численность трудовых мигрантов на порядок меньше⁹⁶.

Среди приезжающих на работу в Москву жителей других субъектов в 2017 г. работали в строительстве – 19,8%, 17,4% были заняты деятельностью по операциям с недвижи-

⁹⁴ О межрегиональной трудовой миграции в 2017 году. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2017.htm; Таб. 2. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по территориям нахождения их работы (въезд в субъекты Российской Федерации). URL: [gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab2_2017.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab2_2017.xls)

⁹⁵ *Мукомель В.И., Кузнецов И.М., Лившин А.Я., Полунов А.Ю., Батоврина Е.В.* Социологический анализ проблем трудоустройства мигрантов: точка зрения рекрутинговых агентств. М.: Центр стратегических инноваций факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт социологии РАН, 2008.

⁹⁶ Межрегиональная трудовая миграция. Росстат, 2013. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2012.htm

мым имуществом, профессиональной, научной и технической деятельностью, деятельностью административной и сопутствующими дополнительными услугами, еще 16,2% – в торговле, 14,6% – заняты транспортировкой и хранением, деятельностью в области информации и связи. В Московской области 36,9% приезжающих на работу из других субъектов работали в строительстве, 13,7% – заняты транспортировкой и хранением, деятельностью в области информации и связи и 12,4% – заняты в обрабатывающей промышленности⁹⁷.

Сложившаяся ситуация на рынке труда мегаполиса, когда спрос на рабочие руки удовлетворяется за счет внутренних и внешних мигрантов, – долговременная тенденция. Согласно прогнозу Росстата, численность населения Москвы в трудоспособном возрасте будет неуклонно снижаться в ближайшие полтора-два десятилетия даже по наиболее оптимистическому высокому варианту прогноза. По более реалистическому, среднему варианту, население Москвы в трудоспособном возрасте снизится с 7667 тыс. человек на начало 2019 г. до 6885 тыс. человек к началу 2036 г.⁹⁸

При этом население Московской области в трудоспособном возрасте будет возрастать темпами, компенсирующими убыль трудовых ресурсов Москвы и увеличится с 4331 тыс. человек в начале 2019 г. до 4858 тыс. человек на начало 2036 г. по среднему варианту прогноза. (В данном прогнозе заложены достаточно высокие масштабы внешней для мегаполиса миграции, миграционный прирост Москвы составит в этот период 1311 тыс. человек, Московской области – 1378 тыс. человек⁹⁹.) Роль Московской области в восполнении дефицита трудовых ресурсов мегаполиса будет постоянно увеличиваться. Однако прирост населения в трудоспособном возрасте региона будет обеспечиваться не естественным приростом, а миграционным приростом – за счет как внутренней, так и международной миграции.

⁹⁷ Табл. 4. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по видам экономической деятельности и по территориям нахождения их работы в отдельных субъектах Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше в 2017 году. (По данным выборочного обследования рабочей силы). URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab4_2017.xls

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

Сокращение населения Москвы в трудоспособном возрасте будет сопровождаться ростом численности ее населения: согласно среднему варианту прогноза – с 12 575 тыс. человек в начале 2019 г. до 13 309 тыс. человек в начале 2036 г. Еще быстрее увеличится население области – с 7608 тыс. человек на начало 2019 г. до 8695 тыс. человек на начало 2036 г.¹⁰⁰ Причем рост населения области будет обеспечен исключительно миграцией: при естественной убыли населения области в 2017–2035 гг. в 195 тыс. человек ее миграционный прирост составит почти полтора миллиона человек (1466 тыс. человек)¹⁰¹. Старение населения, более высокими темпами идущее в Москве, чем в области, вызовет дополнительный спрос на работников, занятых в сфере здравоохранения и по уходу за пожилыми людьми. (Численность населения мегаполиса в возрасте старше трудоспособного возраста увеличится в 2019–2035 гг. на 1,7 млн человек – с 5394 тыс. человек до 7143 тыс. человек.) Изменения в демографическом составе населения вызовут серьезные трансформации в сферах занятости, которые сегодня достаточно сложно предвидеть.

В перспективе масштабы присутствия «гастарбайтеров» на московском рынке труда будут только возрастать. Прогнозируемый прирост численности населения мегаполиса, сопровождаемый сокращением трудоспособного населения, создает принципиально иную ситуацию на рынке труда мегаполиса. Использование труда временных трудовых мигрантов – против которых, в основном, и настроены москвичи – становится насущной необходимостью.

Очевидно, что роль московского мегаполиса как центра притяжения мигрантов – и российских граждан из других регионов, и иностранных граждан – сохранится в ближайшие десятилетия. Концентрация в мегаполисе мигрантов, часть из которых принадлежат к «видимым меньшинствам», обостряет вызовы, связанные с напряжением межэтнических, меж-

¹⁰⁰ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812

¹⁰¹ Демографический прогноз Московской области до 2035 года, URL: http://www.msko.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/msko/ru/statistics/population/

конфессиональных отношений между принимающим населением и мигрантами. Потенциал консолидации московского социума – в разработке и реализации прозрачной, реалистичной и прагматичной политики адаптации и интеграции мигрантов, и не только иностранных граждан, но и выходцев из регионов Северного Кавказа, к которым принимающее население относится особенно настороженно.

Эволюция этнополитической ситуации в Москве и Московской области: вектор настроений, оценка уровня межэтнической толерантности / интолерантности и мигрантофобии населения

После 2013 года, на который пришелся всплеск ксенофобских и антимигрантских настроений, последние пошли на убыль, вытесненные, в первую очередь, иной повесткой дня и вследствие изменившейся социально-политической и экономической ситуации, о чем пойдет речь ниже. Данный тренд по стране фиксируют все ведущие социологические центры. В 2017 году, по данным Левада-Центра, отмечен наиболее низкий уровень поддержки слогана «Россия для русских» за все годы наблюдений с 1998 г.¹⁰² В русле этого тренда и настроения, отмечаемые в Москве. По данным, например, ИСПИ РАН, фиксирующего динамику уровня межнациональной напряженности в оценках населения с 1992 г., в 2015–2017 гг. межнациональная напряженность продолжала снижаться. (Хотя последние опросы фиксируют повсеместный, включая и Москву, рост ксенофобий¹⁰³).

Московские власти достаточно оптимистичны в оценке состояния межнациональных отношений: «В настоящее время устойчивое большинство жителей города Москвы ориентировано на межнациональное и межрелигиозное согласие и сотрудничество. Согласно опросам общественного мнения около 75% опрошенных москвичей оценили межэтнические

¹⁰² Общественное мнение – 2017. М.: Левада-Центр, 2018. С. 174.

¹⁰³ В России выросли ксенофобные настроения // Левада-Центр, 27.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya/print/>

отношения в столице как достаточно спокойные». При этом признается, что «наблюдаются настороженность к представителям отдельных национальных и религиозных меньшинств, различного рода опасения в связи с наличием в городе Москве большого числа мигрантов»¹⁰⁴.

Более пессимистичны оценки жителей Московской области и особенно москвичей по обследованиям, проведенным Институтом социологии в Москве и области¹⁰⁵, а также по данным RLMS-HSE (табл. 2).

Таблица 2

Оценка состояния межнациональных отношений
в населенном пункте местными жителями (% опрошенных)

«Как бы Вы оценили межнациональные отношения в Вашем населенном пункте?»	Москва	Московская область	Москва и Московская область ¹⁰⁶
1. Доброжелательные	6,0	5,8	10,0
2. Спокойные	23,3	35,9	27,3
3. Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	42,9	37,8	39,4
4. Напряженные	21,7	13,7	13,0
5. На грани открытых столкновений	1,3	0,7	3,2
6. Затрудняюсь ответить	4,7	6,1	6,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Негативно оценивает ситуацию примерно такая же доля респондентов, что и в обследовании, на которое ссылается московское правительство, однако около 2/5 респондентов фик-

¹⁰⁴ Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 года. Приложение к постановлению Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. № 312-ПП, пп. 2.6, 2.7.

¹⁰⁵ Межнациональное согласие в региональном контексте, С. 90. При этом русские москвичи более негативно оценивают ситуацию, чем представители других национальностей (*Дробизева Л.М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11).

¹⁰⁶ По данным 24 волны RLMS-HSE (2015). 10-балльная шкала переведена в 5-балльную.

сируют напряжение, скрывающееся за внешне спокойным фасадом. При этом сравнение с другими регионами обследований – не в пользу Москвы и области: в Астраханской области, например, оценили межнациональные отношения как доброжелательные и спокойные 67,9% респондентов, в Калининградской – 65,9%, как напряженные или на грани открытых столкновений – лишь 6,8% и 4,5%, соответственно.

Приезжие – преимущественно представители северокавказских этнических групп – состояние межнациональных отношений оценивают лучше местных жителей. Но региональные различия в оценках сохраняются: хуже всего ситуация, по оценкам мигрантов, в населенных пунктах Московской области и особенно в Москве.

Таблица 3

Оценка состояния межнациональных отношений
в населенном пункте мигрантами (% опрошенных)

«Как бы Вы оценили межнациональные отношения в Вашем населенном пункте?»	АО	КО	Мск	МО	РБ	РК	СО	ХМАО
1. Доброжелательные	27,6	35,0	12,1	16,0	50,9	24,2	22,5	25,4
2. Спокойные	51,6	37,1	32,7	41,2	36,3	57,5	46,1	51,7
3. Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	16,8	21,8	38,7	32,1	7,5	16,7	27,3	20,4
4. Напряженные	3,3	3,6	14,0	8,6	1,4	0,8	3,7	1,5
5. На грани открытых столкновений		–	1,3	1,1	–	0,8	0,4	0,5
6. Затрудняюсь ответить	0,7	2,5	1,3	1,1	3,8			0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Принятые сокращения: АО – Астраханская область, КО – Калининградская область, Мск – Москва, МО – Московская область, РБ – Республика Башкортостан, РК – Республика Карелия, СК – Ставропольский край, ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ. Курсивом выделены немногочисленные группы¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Мукомель В. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Федерализм. 2018. № 2. С. 145.

При этом и жители, и мигранты в Московской области состояние межнациональных отношений в своем городе (селе) оценивают лучше, чем в области.

Враждебность к людям других национальностей с той или иной регулярностью чувствуют 53,2% москвичей и 53,4% жителей области, что существенно выше по сравнению с данными московских властей, согласно которым «почти 90% москвичей ответили, что не чувствуют враждебности к людям другой национальности, и столько же считают недопустимым использование насилия в межнациональных и межрелигиозных спорах»¹⁰⁸. (Среди опрошенных в августе 2015 г. россиян – 53%¹⁰⁹.) Мигранты существенно реже выражают враждебность к представителям других национальностей.

Респонденты – как местные жители, так и мигранты, достаточно позитивно оценивают отношение россиян к приезжим из республик России. Даже в мегаполисе большинство местных жителей считают отношение к приезжим хорошим: в Москве – 59,0%, в области – 63,5%. Хотя это существенно ниже, чем в других регионах, где доля позитивных оценок варьируется в пределах 75–80%.

Мигранты в целом хорошо оценивают отношение россиян к приезжающим из республик России, но среди них и много несогласных с такой оценкой: среди приезжих в Московской области – 34,9% (на 41,2% больше, чем оценки местных жителей), в Москве – 37,5% (на 26,6%).

Ситуация в московском мегаполисе в известной мере не типична: и москвичи и жители области более скептически оценивают отношение к приезжим из российских республик жителей того города/села, в которых они живут, чем всех россиян. (В Москве не считают, что жители города хорошо относятся к приезжим – 44,3% москвичей, в области – 30,6% опрошенных местных жителей). Как правило, наоборот: негативные оценки чаще высказываются респондентами, когда

¹⁰⁸ Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 года. Приложение к постановлению Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. № 312-ПП, п. 2.6.

¹⁰⁹ Ксенофобия и национализм [Пипия К.] / Левада-Центр, пресс-выпуск, 25.08.2015. URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>

задается вопрос о ситуации в стране, оценки применительно к более близкой и знакомой территории (социуму) обычно существенно лучше. Когда респондентам задаются конкретные вопросы об их личных взаимоотношениях с «иными», о своих хороших отношениях с приезжими в своем доме, дворе, микрорайоне говорят даже в Москве и области – 65,6% и 66,6% соответственно.

В рамках исследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ были проанализированы 2023 анкеты жителей Москвы и ближайшего Подмосковья. Респондентам задали два вопроса, касающихся их отношения к этнически «другим». Первый касался места работы и готовности респондента сотрудничать с руководителем, представляющим одну из этнических групп, перечисленных в алфавитном порядке в закрытом перечне. Второй вопрос требовал от респондента выразить свое отношение к появлению семей перечисленных национальностей среди соседей по дому.

Наибольшее отторжение жителей Москвы и области вызывают, независимо от гражданства, выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа, причем если узбеков, таджиков менее всего воспринимают жители мегаполиса в качестве потенциальных руководителей, то чеченцев, дагестанцев – в качестве возможных соседей (рис. 1).

Первые три рейтинговые позиции в списках наиболее желанных соседей и руководителей заняли русские (только 0,7% опрошенных не хотели бы с ними работать, 0,6% – жить по соседству). За ними с большим отрывом следуют белорусы (15,6% и 8,7% соответственно) и украинцы (28,8% назвали их в качестве нежелательных возможных руководителей, 19,1% – в качестве нежелательных соседей). Третье место украинцев объясняется общим ухудшением отношения москвичей к украинцам, наиболее вероятной причиной которого социологи называют характер освещения в СМИ российско-украинских отношений.

Сравнительно небольшое число голосов, поданных за ту или иную этническую группу, объяснимо тем, что для основной массы респондентов оказалась безразлична национальность начальства и соседей. Число индифферентных граждан колеблется в зависимости от этнической группы,

Рис. 1. Отношение жителей мегаполиса к возможному соседству и работе под руководством представителей «видимых» меньшинств¹¹⁰

фигурирующей в вопросе: оно ниже (45,6%), когда речь идет об аутсайдерах рейтинга, которыми традиционно стали представители Центральной Азии и Северного Кавказа, и доходит до 62%, когда дело касается других групп. Сформировался и своего рода антирейтинг: более 40% респондентов не хотели бы видеть среди своих руководителей на работе таджиков, узбеков и чеченцев, примерно столько же анкет показывают недоверие к соседям этих национальностей, но в списке наименее желанных соседей фигурируют еще и дагестанцы. (При этом москвичи не слишком уверенно различают между собой представителей этнических групп Центральной Азии и Северного Кавказа.) Представители стран Закавказья и вьетнамцы обосновались в середине рейтинга.

¹¹⁰ По данным 24 волны RLMS-HSE (2015). Опрошено 2023 жителя Москвы и Московской области.

Скепсис в отношении соседей с Северного Кавказа высказывали преимущественно молодые (до 25 лет) люди с высшим образованием. Прослеживается связь с уровнем доверия и готовности респондента взаимодействовать с представителями других этнических групп; в Москве такая готовность несколько ниже, чем в целом по России.

Наиболее чувствительны местные жители к соседству семьи приезжих из других регионов России, принадлежащим к «видимым меньшинствам». Хуже всего население отнеслось бы к соседству с семьей выходцев с Северного Кавказа¹¹¹. Если во всех регионах, включая Москву, такое соседство чаще приветствовалось респондентами, чем не одобрялось, то в Московской области противников такого соседства больше, чем сторонников или безразличных (табл. 4).

Таблица 4

Отношение к соседству с семьей выходцев с Северного Кавказа,
% опрошенных

«Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья с Северного Кавказа?»	АО	КО	Мск	МО	РБ	РК	СО	ХМАО
Положительно	19,1	16,1	11,7	12,3	8,0	7,9	18,8	17,1
Скорее положительно	27,0	24,7	16,1	18,1	18,8	24,7	31,8	22,0
Безразлично	26,5	28,0	36,2	29,0	32,2	31,3	25,5	40,0
Скорее отрицательно	17,0	17,8	19,5	22,5	15,8	21,4	15,0	11,6
Отрицательно	9,0	10,4	14,1	14,4	15,8	10,4	5,5	7,2
З/О	1,5	3,1	2,4	3,5	9,3	3,1	3,4	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹¹¹ Конкретизация национальности потенциальных соседей повышает уровень отторжения, так как местные жители реже имеют опыт общения с представителями конкретной национальности. Наиболее сенситивными вопросами явились вопросы о вхождении в семью респондента, работа под руководством представителя данной национальности. Меньшее неприятие вызывала работа в коллективе, постоянное проживание в городе.

К соседству с представителями монголоидных этнических групп отношение более терпимое: в Москве такое соседство не одобряют 12,8% респондентов, в Московской области – 17,8%. (Для сравнения: в Калининградской области – 9,7% респондентов.) Примерно такое же отношение к представителям наиболее многочисленных традиционных народов России, не всегда визуально отличимых принимающим населением (татарам, башкирам, чувашам): соседство с ними не одобряют 14,2% москвичей и 18,7% жителей Московской области.

Констатируем, что, во-первых, оценки местным населением межнациональной напряженности в разных регионах существенно различаются, причем в московском мегаполисе – хуже, чем в других регионах. Во-вторых, приезжие более оптимистичны, чем местные жители, как в оценках межнациональных отношений, так и в отношении к ним принимающего населения. В-третьих, хотя состояние межнациональных отношений оценивается жителями Московской области лучше, чем москвичами, они более настороженно относятся к перспективам совместного проживания со всеми представителями «видимых меньшинств» и особенно с выходцами с Северного Кавказа.

По результатам исследования по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» следует, что доверие к этническим «другим» в среднем выше у тех москвичей, которые признают свободу более существенной ценностью, чем материальные блага, – таких оказалось 42%. (Тех, кто отдает предпочтение материальному, насчитывается 13%, и еще 45% затрудняются в выборе приоритета). Так, среди тех, кто предпочитает свободу, доля тех, кто хотел бы видеть Россию общим домом для многих равноправных народов, достигает 80%. Среди тех, для кого важнее материальные блага, таких всего 55%. Партнерство на работе и соседство приемлемо и для тех и для других: жить и сотрудничать бок о бок с представителями иных этнических групп готовы от 68% до 83% москвичей.

Проблемы адаптации и интеграции иноэтничных мигрантов

В доктринальных документах федерального и регионального уровня ключевым направлением гармонизации межнациональных отношений определены мероприятия по адаптации и интеграции мигрантов. Исследования Института социологии РАН продемонстрировали, что с проблемами интеграции сталкиваются не только внешние мигранты, но и внутрироссийские мигранты, принадлежащие к «видимым меньшинствам». На фоне других регионов обследований сложнее всего их интеграция идет в Московской области и в Москве (табл. 5¹¹²).

Таблица 5

Степень интеграции приезжих, % опрошенных

Регион	Интегрированные	В том числе полностью интегрированные	Частично интегрированные	Неинтегрированные	Итого
Астраханская	46,0	8,6	38,4	15,6	100,0
Калининградская	62,2	21,8	34,7	3,0	100,0
Москва	34,3	3,8	50,5	15,2	100,0
Московская область	28,3	4,3	52,4	19,3	100,0
Республика Башкортостан	35,6	2,7	45,9	15,8	100,0
Республика Карелия	49,2	9,9	42,5	8,3	100,0
Ставропольский край	43,4	5,6	48,7	7,9	100,0
ХМАО	41,3	11,9	42,8	15,9	100,0

¹¹² Методику оценки степени интеграции см.: *Мукомель В.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // *Федерализм.* 2015. № 1. С. 79–92.

Социально-демографические характеристики мигрантов имеют важное значение для оценки уровня их интеграции. Важнейшее значение имеет продолжительность пребывания на новом месте: чем больше времени мигранты проживают в городе, тем больше вероятность их успешной интеграции. Среди респондентов, проживающих в мегаполисе¹¹³ до трех лет, – 29,4% интегрированных, тогда как свыше шести – 36,4%. Отчасти это объясняет более высокую долю интегрированных в Московской области по сравнению с Москвой: в области меньше проживающих менее трех лет и существенно больше живущих здесь более шести лет.

Доля интегрированных меньше всего среди респондентов, никогда не состоявших в браке, со средним и ниже среднего общим образованием. Эти характеристики связаны с возрастом: чем старше мигранты, тем более высока среди них доля интегрированных. Степень интегрированности мигрантов повышается с возрастом, достигая пика среди тридцати-сорокалетних мигрантов, и снижается среди пятидесятилетних. Примечательно, что наименее интегрирована молодежь: в Москве и области – двадцатилетние.

В принципе уровень образования позитивно влияет на процесс интеграции: чем более образован респондент, тем ему проще влиться в локальный социум. В Московском мегаполисе, например, наиболее высок удельный вес интегрированных среди респондентов со средним специальным/профессиональным и высшим образованием (соответственно, 43,2 и 43,4%).

Гораздо хуже обстоят дела у мигрантской молодежи с незаконченным высшим образованием; особенно драматична ситуация в московском мегаполисе, где студентов, интегрированных в московское сообщество, меньше, чем неинтегрированных. А среди юношей-студентов только каждый десятый интегрирован в московское сообщество. Именно эта группа молодых людей, часто демонстративно пренебрегающих общепринятыми нормами и правилами поведения, вызывает негативные реакции жителей российских городов.

Интегрированные отличаются социальной активностью: они составляют костяк (более половины) волонтеров-мигрантов, которые участвуют в различных акциях, предполагающих

¹¹³ Мигранты, опрошенные в Москве и Московской области. Массивы объединялись, когда привязка к месту жительства была не важна (например, применительно к занятым, студентам и другим группам).

личное участие. Их отношение к окружающим отличает более высокий уровень межличностного доверия: в Московском мегаполисе 43,5% из них полагают, что большинству людей можно доверять, тогда как среди неинтегрированных такой точки зрения придерживается 31,0%. Доверяют своим соседям 73,7% интегрированных респондентов и лишь половина неинтегрированных.

Представители монголоидных этнических групп лучше интегрируются в Москве, чем представители северокавказских этнических групп: среди них лишь 12,6% неинтегрированных, тогда как среди северокавказцев – почти в полтора раза больше (17,6%). Соотношение интегрированных к неинтегрированным среди представителей монголоидных этнических групп в 1,5 раза больше, чем среди представителей народов Северного Кавказа (табл. 6).

Таблица 6

Уровень интеграции мигрантов, представителей
разных этнических групп, в московском мегаполисе, %

Этнические группы	Интегри- рованные	Неинтегри- рованные	Отношение интегри- рованных к неинте- грированным
Народы Северного Кавказа	37,8	17,6	2,1
Народы Дагестана	42,0	15,0	2,8
В том числе:			
аварцы	27,5	20,0	1,4
даргинцы	33,9	15,3	2,2
кумыки	47,1	8,8	5,4
лезгины	30,9	16,4	1,9
кабардинцы	37,5	30,0	1,3
чеченцы	23,2	14,5	1,6
Монголоидные этнические группы, всего*	38,9	12,6	3,1
В том числе:			
калмыки	28,6	7,1	4,0
буряты	34,8	13,0	2,7
Всего	32,9	15,9	2,4

* Включая немногочисленные группы тувинцев, якутов.

Источник: Мукомель В. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтнич-
ные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 87.

Так как принимающее население всех рассматриваемых регионов существенно более образованное, среди них больше людей семейных, возрастных, априори предполагается, что уровень их интегрированности (понимаемый как готовность к включению в местный социум и взаимодействию с представителями других этнических групп), должен быть существенно выше, чем у приезжих.

Воспользуемся методикой расчета уровня интеграции, использованной применительно к мигрантскому контингенту (табл. 7).

Таблица 7

Степень интеграции местных жителей, % *ответивших*

Регион	Интегри- рованные	В том числе полностью интегриро- ванные	Частично интегриро- ванные	Неинте- грирован- ные	Итого
Астраханская	58,7	17,0	34,1	7,2	100,0
Калининград- ская область	66,3	15,2	29,5	4,0	100,0
Москва	28,9	1,5	53,7	16,4	100,0
Московская область	33,9	2,5	53,1	12,4	100,0
Республика Башкирия	63,6	4,6	23,7	14,3	100,0
Республика Карелия	52,7	8,1	39,7	7,4	100,0
Ставропольский край	50,3	9,3	41,8	7,7	100,0
ХМАО	52,5	12,8	39,4	8,1	100,0

Однако интегрированность местных жителей на удивление относительно низка, особенно на фоне мигрантов (см. табл. 5). Если в Московской области она все-таки выше, чем среди приезжих, то в Москве – ниже, чем у мигрантов.

В тех субъектах Федерации, где принимающее население более интегрировано, там успешнее интегрируются и мигранты. Благоприятная социальная среда создает условия для интеграции; похоже, она хуже всего в столичном

мегаполисе. Атомизированная среда мегаполиса формирует специфические формы общения и поведения; неприятие москвичей провинциалами – признание их «иными», отчасти – «чужими».

Социально-демографические факторы, значимые для интеграции приезжих, играют не менее важную роль в интеграции местного населения. Если проанализировать уровень интегрированности местных жителей в разрезе возрастных групп, то увидим, что повторяются те же различия, что и зафиксированные у приезжих. Степень интегрированности повышается с возрастом, достигая пика среди тридцати-сорокалетних, у которых наиболее высок удельный вес интегрированных и наименьший – неинтегрированных.

Исключением, как и у мигрантов, являются самые молодые местные жители, причем как и среди мигрантов – двадцатилетние. Но если у мигрантской молодежи – это следствие слабой интегрированности приезжих студентов, то студенты-москвичи, напротив, более интегрированы, чем молодежь их возраста с иным образованием.

Интеграция мигрантов конкретных возрастов прямо зависит от интегрированности их сверстников, особо среди молодежи. Можно констатировать, что наиболее серьезные противоречия формируются в молодежной среде, особенно студенческой, где велик разрыв в восприятии социальной среды местными студентами и приехавшими на обучение в город представителями «видимых меньшинств».

Этническая принадлежность значима для интеграции не только мигрантов, но и принимающего населения. В московском мегаполисе, например, русские менее интегрированы, чем представители иных этнических групп¹¹⁴. При этом лучше всего интегрированы украинцы и белорусы.

В отношении внутрироссийских иноэтничных мигрантов распространены упреки, что их ценностные ориентации входят в противоречие с ориентациями принимающего населения. Приверженцев модернистских ценностей среди мигрантов в московском мегаполисе действительно немного (2,7%), большинство респондентов придерживаются проме-

¹¹⁴ Есть нюансы: представители других национальностей лучше интегрированы в Москве, чем русские, однако в области обратная ситуация.

жуточных ценностей (63,9%), треть – традиционных¹¹⁵. Однако распределение схоже с тем, которое характерно для жителей мегаполиса: среди них сторонников модернистских ценностей 1,5%, придерживающихся промежуточных ценностей – 63,0%, традиционных – 35,5%. Демонстрируется четкая тенденция: во всех возрастных группах отход от традиций способствует интеграции приезжих. Исключением является младшая возрастная группа: молодым людям, только приехавшим в столицу, в первую очередь, студентам вузов, проще интегрироваться, опираясь на традиционные ценности.

Как и среди москвичей, среди мигрантов прослеживается зависимость между ценностными ориентациями и социально-демографическими характеристиками респондентов. Отход от традиционных ценностей чаще встречается у мужчин, лиц с высшим образованием; он прямо зависит от продолжительности проживания в Москве. В то же время нет достаточных оснований полагать, что имеется прямая связь между ценностными ориентациями и интеграцией.

Интегрированные в московское общество приезжие чаще выказывают намерение остаться в столице навсегда либо осуществлять циркулярные поездки между столицей и регионом, откуда они приехали. (Напротив, у неинтегрированных мигрантов наиболее популярный вариант – вернуться спустя какое-то время на родину.) Интегрированные мигранты составляют почти половину (46,7%) всех намеренных остаться в Москве насовсем (из них 7,2% – полностью интегрированы), еще 43,4% – частично интегрированы и только 9,9% – неинтегрированы. Учитывая, что интегрированные респонденты в большинстве своем уходят от традиционных ценностей, можно полагать, что их стратегии вполне обоснованы и реальны.

Успешность интеграции приезжих иноэтничных мигрантов определяется не только их социально-демографическими характеристиками, опытом миграции, материальным положением, но и ценностными ориентациями. Ценности

¹¹⁵ Использовалась методика, предложенная Р. Инглхарт. Более подробно см.: *Магун В., Руднев М.* Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4 (113), июль–декабрь.

приезжих не отличаются кардинально от присущих москвичам (а у представителей некоторых этнических групп мигрантов, в частности, принадлежащих к монголоидному типу, они более «модернистские», чем у принимающего населения). Однако структура ценностей различных этнических групп может различаться и диссонировать с привычной для москвичей. Политика консолидации московского сообщества должна учитывать особенности ценностных ориентаций приезжих, которые могут вызывать раздражение принимающего населения, но, по большому счету, не являются препятствием для их интеграции.

Интеграция и идентичность

Интеграция в локальное сообщество подразумевает идентификацию с ним респондента, а учитывая множественность идентичностей – соответствующее приближение к структуре идентичностей, характерной для данного сообщества. Рассмотрим более внимательно структуры идентичностей местных жителей и приезжих, различающихся уровнем интеграции, на примере территорий московского мегаполиса: Московской области (рис. 2) и Москвы, где складывается сложная ситуация.

В мегаполисе просматривается тенденция: структура идентичностей интегрированных приезжих приближается к структуре идентичностей местных жителей, воспринимаемой приезжими за образец, стандарт социального поведения.

Точно так же структуры идентичностей неинтегрированных приезжих и местных жителей сходны по своим контурам. На порядок более низкий уровень идентификации себя с социальными сообществами сочетается с относительно высокой долей идентифицирующих себя с людьми схожих взглядов на жизнь. При этом – гипертрофированно высокая доля идентифицирующих себя с людьми своей веры, национальности, с земляками среди неинтегрированных мигрантов по сравнению с интегрированными приезжими.

Интегрированные более встроены в социум: они идентифицируют себя не только с жителями данного поселения (доминирующая идентичность), но и с гражданами России,

Рис. 2. Структуры идентичностей местных жителей и мигрантов, различающихся уровнем интеграции, в Московской области (процент опрошенных, идентифицирующих себя с...)

людьми своей веры, национальности, своего социального окружения – профессионального, социально-статусного.

Неинтегрированные респонденты – как местные, так и мигранты (а это чаще мужчины), – моложе интегрированных. Если среди интегрированных местных жителей 23,6% молодых людей до 30 лет, то среди неинтегрированных – 28,7%. Еще более разительна разница в возрастном составе мигрантов: среди интегрированных приезжих 24,5% до 30 лет, среди неинтегрированных – 44,5%. Неинтегрированные недостаточно образованны: среди местных неинтегрированных 52,8% лиц с высшим или незаконченным высшим образованием, а среди приезжих – 30,5%.

Неинтегрированные, по крайней мере, не беднее интегрированных: по уровню доходов они чаще относят себя к высшему классу и реже – к низшему. Вероятно, различия в установках и социальном поведении респондентов определяются не исключительно социально-экономическими условиями, значение имеют психологические особенности индиви-

дов, специфика их социального окружения и восприятия ими социальной среды.

Неинтегрированных отличает низкий уровень доверия: только около трети из них считают, что большинству людей можно доверять – среди местных жителей – 33,3%, среди мигрантов – 30,6%. Напротив, среди интегрированных таковых существенно больше: среди местных – 48,5%, среди мигрантов – 43,4%. Наряду с пониженным уровнем обобщенного доверия неинтегрированных отличает также низкий уровень межгруппового и межличностного доверия, особенно к соседям и друзьям.

Неинтегрированные местные жители – люди социально неактивные, не участвующие в общественной и политической жизни: среди них таковых 47,1%, тогда как среди интегрированных – 28,3%¹¹⁶.

Среди местных неинтегрированных несколько больше неверующих, атеистов, чем среди местных интегрированных – соответственно, 14,9% и 6,0%.

Важно, что среди тех местных жителей, кто не является уроженцем данного населенного пункта, неинтегрированные имеют меньший срок проживания, меньший опыт существования в данном локальном социуме. При этом повсеместно все неинтегрированные видят себя вне местного сообщества – 100% как местных, так и 100% приезжих вообще не ассоциируют себя с жителями данного населенного пункта.

Несколько иная картина складывается в Москве (рис. 3).

Структуры идентичностей интегрированных местных жителей и интегрированных приезжих «ближе», чем в области, а по таким параметрам, как идентификация с жителями Москвы, с европейцами, людьми своей веры, практически совпадают.

Исключение – большая идентификация приезжих с людьми своей национальности, с земляками, как неким шлейфом мигрантского прошлого. В этом плане неинтегрированные приезжие занимают промежуточное положение между своими интегрированными сородичами и неинтегрированными местными жителями.

¹¹⁶ Не участвующие в выборах, не принимающие участие в благотворительных акциях, волонтерском движении, деятельности политических партий и движений, митингах, демонстрациях.

Рис. 3. Структуры идентичностей местных жителей и мигрантов, различающихся уровнем интеграции, в Москве (процент опрошенных, идентифицирующих себя с...)

Структуры идентичностей неинтегрированных местных и приезжих не только также близки, но и очень схожи с теми, которые наблюдаются в Московской области (см. рис. 2).

В отличие от Московской области, в Москве четко фиксируется: неинтегрированные существенно беднее интегрированных. Среди неинтегрированных москвичей 61,6%, а среди приезжих 55,4% едва сводят концы с концами, в лучшем случае денег хватает только на еду. (Тогда как среди интегрированных москвичей таковых только 15,4%, а интегрированных приезжих – 2,8%).

Складывается впечатление, что в Москве и области живут разные контингенты приезжих: в Москве существенно более молодой контингент. Причем среди неинтегрированных приезжих в Москве 79,1% – молодежь до 30 лет (среди интегрированных – 51,9%). Среди неинтегрированных москвичей также высока доля молодежи – 26,6% (против 19,9% среди их интегрированных москвичей).

Интегрированные местные, чаще это женщины, отличаются от неинтегрированных высоким уровнем как абстрактного доверия (соответственно, доверяют большинству людей 49,7% интегрированных и 39,0% неинтегрированных), так и межличностного и межгруппового доверия. Доверяют коллегам 64,4% интегрированных москвичей и только 55,8% неинтегрированных, соседям – 63,9% и 54,0% соответственно. Столь же существенны различия в уровне доверия интегрированных приезжих по сравнению с неинтегрированными мигрантами.

Интегрированных, как и в области, отличает социальная активность. И также как и в области, неинтегрированные – как местные, так и приезжие, все поголовно, – не идентифицируют себя с жителями данного конкретного поселения.

Отметим также, что как в Москве, так и в области неинтегрированные приезжие чаще, чем неинтегрированные местные, идентифицируют себя с российскими гражданами, людьми такой же профессии, достатка и, разумеется, с людьми аналогичной веры и национальности. Парадоксально: неинтегрированные приезжие менее маргинализированны, более включены в социум, чем неинтегрированные местные жители.

Имеет место и одно существенное различие между Москвой и областью: структура идентичностей интегрированных мигрантов в столице выглядит «прогрессивнее», чем в области – первые более включены во все сообщества. Интегрированные приезжие чаще интегрированных местных ассоциируют себя с гражданами России и жителями региона.

Совершенно иная картина в других регионах обследований, где структуры идентичностей интегрированных мигрантов практически совпадают с характерными для интегрированных местных жителей, за исключением более выраженной идентификации себя с единоверцами и представителями своей национальности. При этом как в Москве и Московской области, структуры идентичностей неинтегрированных мигрантов отражают аналогичные характеристики неинтегрированных местных жителей (рис. 4).

За пределами мегаполиса в вышеназванных регионах неинтегрированные – более образованные, несколько моложе, менее доверчивы и менее социально активны, чем интегрированные респонденты.

Рис. 4. Структуры идентичностей местных жителей и мигрантов, различающихся уровнем интеграции, в Астраханской, Калининградской областях, Республике Карелия и Ставропольском крае (процент опрошенных, идентифицирующих себя с...)

Однако неинтегрированные местные жители кардинально отличаются от интегрированных: это скорее маргиналы, почти половина из них относят себя к низшему классу, 37,6% жалуются, что денег хватает только на еду. Среди них относительно много неработающих (11,5%, тогда как среди интегрированных – 6,6), а среди имеющих работу 35,1% ей не удовлетворены (среди интегрированных – 16,8%). Среди них меньше местных уроженцев.

Неинтегрированные приезжие – несколько моложе интегрированных мигрантов, среди них больше мужчин. Они не беднее интегрированных приезжих, но чаще не удовлетворены работой, а учитывая, что они менее склонны доверять людям и менее социально активны, они замыкаются в своей среде.

Приезжие перенимают стандарты социального поведения представителей локальных сообществ, подстраиваясь под эти стандарты. Структуры идентичностей мигрантов посте-

ленно трансформируются, сближаясь со структурами идентичностей местных жителей. Однако последние неоднородны: идентичности интегрированных и неинтегрированных представителей кардинально различаются. Приезжие перенимают и те и другие. Как следствие, с одной стороны, формируется когорта мигрантов, структура идентичностей которых отражает их ориентацию на включение в социальные сообщества. С другой, происходит формирование когорты приезжих, перенимающих далеко не лучшие стандарты жизнеполагания и поведения местных жителей (чаще всего, маргинальных слоев), дистанцирующихся от социума. И чем больше доля неинтегрированных местных жителей, тем больше доля и неинтегрированных приезжих.

Настроения и установки этнических элит, вероятность конфликтов и группы риска

Настроения и установки этнических элит слабо прочитываются, однако очевидно, что основными задачами этнических элит являются: поддержание стабильности в этноконфессиональных отношениях; обеспечение доступа к властным структурам региона для решения комплекса задач, включая персональные (в том числе и коммерческие); контроль над настроениями представителей данной этнической группы; позиционирование себя как выражающих интересы и устремления данной этнической группы и обеспечивающих защиту прав ее представителей; позиционирование себя в качестве «моста» между органами государственной власти страны происхождения и властями региона проживания. В разных этнических группах иерархия вышеперечисленных задач может существенно различаться.

В большинстве диаспор представители элит, в большинстве случаев с российским гражданством и, как правило, люди с гуманитарным образованием, бизнесмены выражают готовность к сотрудничеству с властями и демонстрируют готовность к такому сотрудничеству.

Далеко не всегда формальные лидеры национально-культурных автономий и национально-культурных организаций являются теми авторитетами, к которым обращаются

представители меньшинств. (Лидеры одной из наиболее многочисленных общин мегаполиса неоднократно жаловались, что среди них нет ни одного вора в законе, который бы помогал решать бизнес-вопросы.) Как показывают исследования, в случае необходимости в реальной помощи мусульмане обращаются в первую очередь в мечети или к неформальным практикующим мусульманским авторитетам, которых мечети Москвы не признают.

Исследования показывают, что вероятность конфликтов на этнической и/или конфессиональной почве зависит как от внешних факторов, определяемых социальной средой (общественной атмосферы, включая атмосферу неприятия любых «иных», дискурсов) информационной среды (особенно влияния масс-медиа), социально-экономической обстановки¹¹⁷, так и от факторов, определяющих групповое и персональное поведение представителей местного сообщества и «видимых меньшинств» (социальные страхи, неудовлетворенность социальным статусом и социальным положением, неудовлетворенность жизнью, особенности психики и др.).

В свое время в ходе экспериментальной проверки была подтверждена гипотеза, что имеется связь уровня ксенофобии и уровня так называемой «косвенной»¹¹⁸ агрессии, при определенных граничных значениях переходящей в физическую агрессию¹¹⁹. Судя по исследованиям, в настоящее время эти граничные значения выше, чем в недавние годы, когда внешние факторы были актуализированы и распространенность ксенофобских и мигрантофобских настроений была существенно больше, чем сейчас. В то же время дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации (правда, более заметное

¹¹⁷ На кризисные явления в российской и мировой экономике, внешние экономические санкции в отношении Российской Федерации, которые могут служить фактором снижения уровня жизни москвичей разных национальностей и провоцирования ухудшения межнациональных отношений указывается в Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года. (Приложение к постановлению Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. № 312-ПП, п. 2.8.1)

¹¹⁸ Косвенная агрессия – агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная. Физическая агрессия – использование физической силы против другого лица.

¹¹⁹ Российская идентичность в Москве и регионах. М.: Ин-т социологии РАН; МАКС ПРЕСС, 2009. С. 219.

в регионах, чем в мегаполисе) может способствовать эскалации персональных и групповых страхов, трансформирующихся в ксенофобские и мигрантофобские настроения, особенно в маргинализированных слоях москвичей и жителей области.

Триггером конфликтов на этноконфессиональной почве могут выступать и чаще всего выступают конфликты на бытовой почве, приобретающие этноконфессиональную окраску в результате действия внешних сил в условиях недостатка объективной информации и неэффективных действий властей, местных сообществ, общественных организаций. Сегодня, вероятно, наиболее проблемными группами риска являются представители среднеазиатских меньшинств, выходцы с Северного Кавказа, цыгане, проживающие в Московской области и на окраинах Москвы в так называемых «неблагополучных» районах, где доля местных жителей, принадлежащих к малообеспеченным слоям, высока.

Региональные институты этнополитики

Основным подразделением московского правительства, в компетенцию которого входит проведение национальной (этнической) политики, является Департамент национальной политики, межрегиональных связей и туризма города Москвы, который разрабатывает и реализует государственную политику в сфере межнациональных отношений, межрегиональных связей, взаимодействия с религиозными объединениями. В составе Департамента – отдел национальной политики, задачей которого является гармонизация межэтнических отношений, формирование гражданской солидарности, содействие сохранению национальных культур и традиций, поддержание межнациональной стабильности в московском сообществе, а также взаимодействие с национальными общественными объединениями Москвы¹²⁰. Отдел работает в тесном взаимодействии с подведомственным Департаменту государственным бюджетным учреждением Москвы «Московский

¹²⁰ URL: <https://www.mos.ru/depnpol/function/deiatelnost/upravlenie-natsionalnoi-politiki-i-mezhregionalnykh-sviazei/>

дом национальностей», который является центром общественной дипломатии и межнационального общения жителей Москвы, площадкой для проведения мероприятий национальных общественных объединений.

Наряду с массовыми национально-культурными мероприятиями на постоянной основе осуществляется мониторинг этносоциальной обстановки информационных ресурсов интернета на наличие материалов экстремистского содержания. На официальном сервере Правительства Москвы размещена информация о действующих в административных округах города Москвы «горячих линиях», на которые принимаются обращения граждан и организаций по вопросам межэтнических отношений и национальной политики.

Ежегодно проводится международная конференция «Единство в различиях. Мировой опыт в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений», целью которой является поиск путей гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Москве, изменение миграционной политики, борьба с ксенофобией и расовой нетерпимостью в обществе.

Департамент выступил инициатором разработки Стратегии национальной политики Москвы до 2025 г., утвержденной на заседании Правительства города в июне 2016 г.

В префектурах создаются межведомственные рабочие группы административных округов по вопросам межэтнических отношений, формирования гражданской солидарности, противодействия экстремизму в молодежной среде¹²¹.

При Правительстве Москвы также работает Совет по делам национальностей, который является постоянно действующим консультативным и совещательным органом Правительства Москвы и возглавляется заместителем Мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам региональной безопасности и информационной политики¹²².

¹²¹ Приложение 2 к распоряжению префектуры ВАО г. Москвы от 30 ноября 2015 г. № 673-В-РП; Распоряжение префектуры Зеленоградского АО г. Москвы от 29.10.2009 № 707-рп (ред. от 20.01.2016).

¹²² Постановление Правительства Москвы от 05.04.2016 № 150-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 16 июня 2009 г. № 570-ПП» (вместе с «Положением о Совете по делам национальностей при Правительстве Москвы»).

В области аналогичные функции возложены на Консультативный совет по делам национальностей Московской области (подобного рода советы создавались органами местного самоуправления области¹²³); принята Концепция реализации государственной национальной политики на территории Московской области¹²⁴. Ключевым инструментом имплементации национальной политики в области является План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Московской области¹²⁵.

Важным документом, регламентирующим имплементацию национальной политики в Московской области, является Закон «О поддержке национально-культурных автономий в Московской области» от 23 сентября 2011 года № 150/2011-ОЗ (в ред. от 27 июня 2016 года)¹²⁶, на базе которого утвержден Порядок отбора общественно полезных программ национально-культурных автономий в области, определения объема и предоставления за счет средств бюджета области субсидий (грантов) на финансирование отдельных общественно полезных программ национально-культурных автономий в Московской области¹²⁷.

¹²³ Например, постановление главы Люберецкого муниципального района МО от 17.08.2009 № 1558-ПГ «Об образовании Консультативного совета по делам национально-культурных автономий и иным вопросам в сфере межнациональных отношений Люберецкого муниципального района Московской области», постановление главы городского округа Королев МО от 16.02.2009 № 241 «Об образовании при администрации города Королева Московской области Консультативного Совета по делам национально-культурных автономий и иным вопросам в сфере межнациональных отношений».

¹²⁴ Постановление Правительства МО от 23.03.2012 № 352/10 (ред. от 03.11.2015) «Об утверждении Концепции реализации государственной национальной политики на территории Московской области».

¹²⁵ Распоряжение Правительства МО от 29.06.2016 № 115-РП «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Московской области».

¹²⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/453110245>

¹²⁷ Постановление Правительства Московской области от 25.04.2017 № 316/14.

В области существует сообщество жителей, занимающихся общественной и профессиональной деятельностью в сфере национальных объединений¹²⁸.

Учитывая тесную взаимосвязь межнациональных отношений и миграционных процессов, протекающих в Москве и Московской области, координация реализации национальной политики Москвы осуществляется с использованием возможностей Объединенной коллегии исполнительных органов государственной власти Москвы и Московской области и иных совместных органов¹²⁹.

На мероприятия в области национальной политики Москва тратит большие деньги. В 2014 году – последнем году, по которому есть данные об исполнении бюджета, на «мероприятия в сфере общественных, национальных и религиозных отношений, содействие развитию национальных культур, поддержка мероприятий по толерантности» было потрачено 371,9 млн рублей¹³⁰.

В Московской области основным механизмом является выдача грантов НКА. В 2014 году субсидии (гранты) на финансирование отдельных общественно полезных программ национально-культурных автономий в Московской области составили 1,5 млн рублей¹³¹. Такая же сумма заложена в бюджетах области на 2016–2018 гг.¹³²

¹²⁸ URL: <https://xn---7sbhdd7apencbh6a5g9c.xn--p1ai/community/52/>

¹²⁹ Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 года. Приложение к постановлению Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. № 312-ПП, п. 5.3.

¹³⁰ Приложение 3 к Закону города Москвы от 24 июня 2015 г. № 31.

¹³¹ Закон Московской области от 18.07.2015 № 122/2015-ОЗ «Об исполнении бюджета Московской области за 2014 год» (принят постановлением Мособлдумы от 02.07.2015 № 20/134-П).

¹³² Закон Московской области от 03.12.2015 № 213/2015-ОЗ (ред. от 13.07.2016) «О бюджете Московской области на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов».

Роль СМИ и институтов образования в формировании межэтнической толерантности в Москве и Московской области

Переоценивать тренд снижения мигрантофобий не следует. Во-первых, он отчасти ситуативен и определяется во многом переключением внимания общества на других врагов. Во-вторых, представления россиян о численности мигрантов преувеличены: по их мнению, приезжие из других стран составляют 27% населения РФ (в реальности 8%)¹³³. Это не может не оказывать воздействие на восприятие мигрантов, особенно в регионах их концентрации: москвичи отнесли «большое количество мигрантов» к наиболее острой проблеме города¹³⁴. В-третьих, ограничение миграции чаще поддерживается «патерналистами», полагающими, что превыше всего забота государства (51% сторонников ограничений), чем «гуманистами», полагающими, что превыше права человека – 29% сторонников ограничений¹³⁵. А последние тенденции таковы, что массированная идеологическая пропаганда стимулирует рост общественных настроений скорее в пользу первых, нежели вторых. Наконец – последнее по порядку, но не по значению, – серьезным препятствием роста интеграционных настроений среди принимающего населения остается низкий уровень доверия во всех ипостасях: межличностного, межгруппового, институционального.

Отношение принимающего населения к иноэтничным мигрантам – во многом продукт информационной среды и социального окружения. Данные «Медialogии» подтверждают прямую связь между интенсивностью публикаций о мигрантах и уровнем мигрантофобий: если в 2013 г. по запросу «мигранты

¹³³ Подробнее см.: Ловушки восприятия: что россияне знают о России? 2015. URL: <http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=3121>; Воронов Александр. 2015. Граждане живут не так, как думают // «Коммерсантъ» № 229, 11.12.2015, с. 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2874041>

¹³⁴ Опрос ВЦИОМ проведен 1–15 ноября 2015 г. Опрошены 2700 жителей Москвы. ВЦИОМ. 2015. Пресс-выпуск № 2994, 08.12.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115504>

¹³⁵ Ксенофобные и националистические настроения россиян в 2015 году. 2015. Презентация результатов обследований Левада-Центра, Сахаровский центр, 22.10.2015 (не опубликовано).

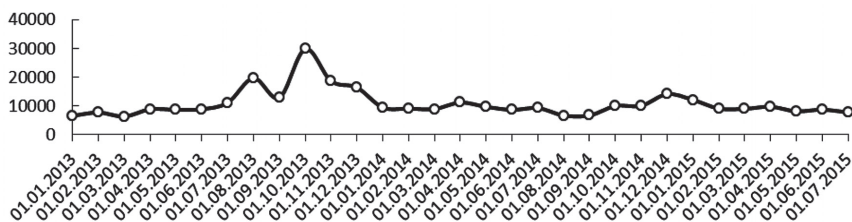

Рис. 5. Частота упоминаний в блогах термина «миграция» с января 2013 г. по 1 июля 2015 г. (тыс., по данным «Медиалогии»)

в Российской Федерации» программа выдавала 155,8 тыс. сообщений, то в 2014 г. это число сократилось практически на треть до 114,1 тыс. В 2015 году частота публикаций на данную тему оставалась на уровне предыдущего года¹³⁶ (рис. 5).

Всплески обсуждений сопровождали наиболее значимые события 2013 г.: события на Матвеевском рынке, в Западном Бирюлеве – и все это на фоне выборной кампании мэра Москвы, где ксенофобные высказывания позволяли себе все кандидаты.

Для молодых россиян основным источником получения информации являются социальные сети, интернет, «сарафанное радио», в меньшей степени – телевидение, радио и газеты. Однако в тех же блогах всплески обсуждений тех или иных событий, связанных с мигрантами (или трактуемых таковыми), полностью повторяют активность «взрослых» СМИ.

Отношение к приезжим во многом определяется информационным полем. Масс-медиа, с одной стороны, фиксируют межнациональную напряженность, с другой – влияют на общественное мнение. Анализ публикаций в СМИ с января 2014 г. по июль 2015 г. продемонстрировал, что, во-первых, в мегаполисе чаще преобладали негативные публикации о выходцах из Северного Кавказа, чем позитивные¹³⁷. Во-вторых,

¹³⁶ Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах РФ [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор М.Ф. Черныш. Электрон. текст. дан. М.: Институт социологии РАН, 2015. С. 41.

¹³⁷ Использовалась информационно-аналитическая система «Медиалогия», запрашивались публикации с упоминанием чеченцев, дагестанцев и «кавказцев».

в Москве и Московской области, где местное население более настроено относиться к выходцам из Северного Кавказа, число публикаций существенно больше, чем в других регионах (табл. 8).

Таблица 8

Количество и тональность публикаций
о выходцах с Северного Кавказа в регионах

Тональность публикаций, %	Москва	Московская область	Якутия	Астрахань	Калининград
Негативные	20,3	28,9	1,0	17,1	24,2
Нейтральные	75,4	58,8	81,3	66,1	66,1
Позитивные	4,3	12,3	17,8	16,8	9,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Количество публикаций	7378	871	230	428	62

Складывается впечатление, что число публикаций и их негативная тональность прямо коррелируют с негативным состоянием межнациональных отношений.

Одной из актуальных тем, связанных с состоянием межнациональных отношений, является проблема детей мигрантов, обучающихся в школах Москвы и Московской области, широко освещаемая масс-медиа, зачастую оперирующими непроверенными данными. Однако серьезных исследований, направленных на понимание реальной ситуации, имеется непростительно мало (что во многом объяснимо не только сложностями со статистикой, но и проблемой доступа в школы и опроса малолетних детей). Справедливо указывалось, что, во-первых, увеличилось количество семей мигрантов, привозящих в Россию детей, во-вторых, вокруг темы присутствия детей мигрантов в школах растет число мифов, создаваемых как СМИ, так и родителями и «местных» детей, и мигрантов. (В печати проскальзывали оценки численности детей мигрантов в столичных школах в 60%¹³⁸.) Родители «местных» опасаются

¹³⁸ Балабас Е. Число детей мигрантов в столичных школах доходит до 60%. Но адаптируются они с трудом // Московский комсомолец. 2015. 14 дек.

ются большого числа не говорящих по-русски детей в классах и соответственно более низкого уровня образования. Родители же детей мигрантов с опасением относятся к коммуникации с государственными школами¹³⁹. В то же время специалистами подсчитано, что в школах исследуемых ими городов и регионов (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Томск, Псков, несколько небольших городов в других областях России, N = 6992, 162 школы) «русские дети составляют от 85 до 93% учащихся, и только от 7 до 16% приходится на представителей других этнических групп... Наибольшее число представителей других этносов живет в Московской области (16,2%)»¹⁴⁰. Дети, чьи родители родились за пределами России и относятся к представителям иноэтничных групп, не составляют большинства и даже половины от всех учащихся в подмосковных школах и в других городах и регионах России.

Для исследователей ситуации в российских школах нет неясности в том, что, во-первых, дети мигрантов учатся не хуже, чем их местные сверстники (за исключением, может, первого времени, после прихода в школу), а их образовательные планы на жизнь и образовательные стратегии не отличаются от планов других учеников. Во-вторых, исследования показывают, что дети мигрантов не сталкиваются с проблемами ксенофобии и расизма в школах. В младших классах этническое происхождение не имеет никакого или минимальное значение; только с наступлением пубертатного возраста наблюдается вспышка ксенофобных настроений, которая проходит в старших классах. Дети мигрантов при выборе друзей не ориентируются на их этническое происхождение, а подростковая компания способствует приобретению мигрантом необходимых молодежных компетенций/социальных навыков для его включения в локальное территориальное сообщество¹⁴¹.

¹³⁹ Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 81.

¹⁴⁰ Александров Д.А., Ивановшина В.А., Казарцева Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. 2. С. 179.

¹⁴¹ Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д. Указ. соч. С. 83; Сабирова Г.А., Андреева Ю.В. Школьная дружеская компания

Исследования специалистов НИУ-ВШЭ под руководством Е. Деминцевой подтвердили, что «мигрантские школы» – это те учебные заведения, в которые не хотят отдавать своих детей «местные» не только из-за уровня образования (низкий уровень ЕГЭ), но и из-за социального контекста. В этих школах, как правило, еще до появления в них детей мигрантов обучались дети, которых не брали в другие школы (например, инвалиды или дети из неблагополучных российских семей), или же в них переводили детей из «хороших» школ из-за неуспеваемости в учебе или плохого поведения. Сегодня эта ситуация «усложнилась» фактом наличия мигрантов. Если даже для самой школы присутствие детей мигрантов не является основной проблемой (основными проблемами учителя называют присутствие детей из неблагополучных семей, детей-инвалидов, в особенности в последний год, когда отменили специальные классы для них), именно мигранты сегодня являются для местных жителей показателем «неблагополучности» школы. Чем больше становится детей мигрантов в таких школах, тем больше уходят оттуда дети «местных», чьи родители не хотят, чтобы дети были с ними в одном классе¹⁴².

Во-первых, по большому счету, дети мигрантов в школе – это не проблема, лежащая в этнической или миграционной плоскости. Это проблема социальная, с которой сталкиваются все развитые страны: социальное неравенство, выражающееся в формировании неблагополучных районов, стимулирует отток из них населения, способного поселиться в более благополучных районах, и наличие плохой школы лишь стимулирует этот отток. Джентризация сопровождается геттоизацией, к счастью, в мегаполисе этот процесс идет не столь катастрофическими темпами – не в последнюю очередь из-за отсутствия ярко выраженных «плохих» районов и высотной застройки.

Во-вторых, следует учитывать, что дети мигрантов не однородны: наряду с детьми, привезенными в Россию в от-

подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 1. С. 170–189.

¹⁴² Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 89.

носителем сознательном школьном возрасте («полуторное поколение»), испытывающими трудности языковой и культурной адаптации к среде мегаполиса, все больше становится детей родившихся или приехавших с родителями в младенческом возрасте. В отличие от первых, испытывающих проблемы идентификации и интеграции в российский социум и во взрослой жизни¹⁴³, последние, чаще всего не знающие иного общества, кроме российского, не испытывают никаких проблем, их сложности в школе аналогичны тем, с которыми сталкиваются их российские сверстники.

Достаточно контролируема ситуация и в средних специальных и высших учебных заведениях Москвы и области. (В системе среднего профессионального образования Москвы в 2012 г. обучались 103,4 тыс. человек, в вузах обучаются более 300 тыс. человек из других субъектов Российской Федерации, в том числе более 40% из них – из Московской области¹⁴⁴). Во многом это определяется не только усилиями системы образования, но и тем, что для молодых людей более значимыми характеристиками идентичности становится принадлежность к близкому кругу, формируемому студенческой средой. Кроме того, как показали исследования, самая молодая когорта 15–19-летних достаточно однородна; установки толерантности/интолерантности не различаются в зависимости от возраста, различия статистически не значимы и примерно одинаковы как у 15-летних, так 16–19-летних. Однако более детальный анализ демонстрирует повышенную интолерантность девушек в возрасте 16 лет, почти каждая четвертая (23,6%) из которых придерживается интолерантных взглядов; с возрастом доля придерживающихся таких взглядов резко снижается – практически вдвое среди 17–18-летних и в 2,6 раза – среди 19-летних. Аналогичный тренд характерен

¹⁴³ *Мукомель В.И.* Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–209.

¹⁴⁴ Постановление Правительства Москвы от 27.09.2011 № 450-ПП (ред. от 08.04.2015) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие образования города Москвы («Столичное образование») на 2012–2018 годы».

и для юношей с лагом в один год¹⁴⁵. К 17 годам – вспышка ксенофобных настроений фиксируется у каждого пятого респондента (19,8%), но уже среди чуть повзрослевших наблюдается резкий спад: среди 18-летних молодых людей такого рода настроения отмечаются вдвое реже¹⁴⁶.

Прогноз и рекомендации для исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления по имплементации позитивного опыта реализации региональной этнополитики

Проблемы взаимоотношений с мигрантами и межнациональных отношений в нынешней сложной социально-экономической ситуации не входят в первую десятку проблем, волнующих население. Однако в целом политику интеграции мигрантов поддерживают не более четверти россиян.

Часть мигрантов не готовы и/или не желают адаптироваться к принимающему обществу – преимущественно те, кто рассматривает свой приезд в Россию как сопряженный с решением единовременных материальных задач (заработать на строительство дома, на свадьбу и т. д.), не имеющие достаточного образования, квалификации и постоянного заработка, плохо владеющие русским языком, не имеющие социальных связей в России. В основном это молодые люди, прибывающие из сельской местности и слабо знакомые с урбанизированной средой. Однако вероятно, доля таких «диссидентов» преувеличивается и постоянно снижается, что обусловлено изменением сфер занятости мигрантов (мигранты все более заняты на рабочих местах, предъявляющих повышенные требования

¹⁴⁵ Вероятно, данный феномен напрямую связан с половым созреванием и распространенностью не только стереотипов среди принимающего населения относительно приставания чужаков, но и неприятием (отчасти и боязнью) новых контактов лиц противоположного пола за пределами привычного окружения.

¹⁴⁶ *Мукомель В.* Ксенофобия в молодежной среде // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. С. 228–258. Использованы данные 24-й волны RLMS-HSE, выборка – 3505 молодых респондентов в возрасте 15–30 лет.

к постоянному присутствию работника в течение года), популярностью настраивая на постоянное пребывание на территории России, ростом доли долгосрочных и циркулярных мигрантов, ориентированных на адаптацию и интеграцию, ростом семейной миграции.

Большинство мигрантов ориентированы на адаптацию, а часть мигрантов интегрированы де-факто – особенно долгосрочные мигранты, проживающие семьями в России и не покидающие ее годами.

Приезжие более оптимистичны, чем местные жители, как в оценках межнациональных отношений, так и в отношении к ним принимающего населения. Уровень интеграции мигрантов, включая наиболее проблемные этнические группы внутренних мигрантов, как показывают исследования, различается в зависимости от региона и обуславливается, в первую очередь, долгосрочными планами мигрантов, их социально-демографическими характеристиками, опытом миграции и материальным положением, а также отношением к ним местных жителей. В тех регионах, где принимающее население более благожелательно к мигрантам, там и интеграция приезжих идет успешнее и менее болезненно¹⁴⁷.

При разработке мер по консолидации локальных сообществ с целью интеграции в них мигрантов необходимо учитывать социально-политическую, экономическую и культурную специфику самих сообществ. Без этого любые усилия по достижению межэтнического согласия в полиэтнических регионах будут обречены на провал.

Необходимость политики адаптации и интеграции мигрантов артикулирована Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года и Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, планами мероприятий по реализации вышеназванных документов. Однако доминирующая в общественном мнении точка зрения, что проблемы адаптации и интеграции мигрантов сводятся ис-

¹⁴⁷ ИНАБ № 2 – 2015. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] сб. науч. ст. / рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. – Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб) М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с.

ключительно к работе с мигрантами и не затрагивают работу с принимающим населением, находит отражение в реалиях политики интеграции.

В 2015 году процедуры легализации занятости мигрантов, прибывающих из стран, с которыми установлен безвизовый режим, были кардинально пересмотрены. Квоты разрешений на работу были отменены, а иностранцы стали получать патенты, позволяющие им работать не только у физических лиц (такая практика была введена несколько раньше), но и у юридических лиц. Упрощение доступа мигрантов на российский рынок труда сопровождалось требованиями артикуляции работы как цели приезда, наличием сертификата, подтверждающего владение русским языком, знание основ истории и законодательства России, полиса добровольного медицинского страхования, ужесточением сроков запрета на въезд в Россию нарушителям законодательства.

По прошествии времени очевидны как плюсы, так и минусы миграционной реформы. Московские власти достаточно рационально подошли к проблеме легализации трудовых мигрантов и обеспечения эффективности процедур, предусмотренных федеральным законодательством в пределах своей компетенции. Несмотря на сложности начального периода, сегодня очевидна рациональность создания Московского миграционного центра (ММЦ), достаточно продуманный подход к определению стоимости так называемых патентов для трудовых мигрантов.

Москва – столица поликультурной страны и крупнейший мегаполис с наиболее высоким притоком мигрантов разных культур, языка, конфессиональной принадлежности. Здесь формируется политика, задаются нормы общения, здесь же как в фокусе представлены и проблемы, с которыми сталкивается наше общество. Ситуация не критична: даже к такому близкому виду контактов, как соседство с семьями приехавших из республик Северного Кавказа, отрицательно относятся не более трети местных жителей. А более чем 60% заявляли, что в домах, где они живут вместе с приехавшими, реально сложились хорошие отношения. Но в то же время 81% москвичей считают, что в поведении, образе жизни приезжих из российских республик «есть особенности, с которыми жителям города трудно мириться». Не лучше отноше-

ние к иностранным гражданам, в первую очередь, из стран Средней Азии.

Поддержание межэтнического согласия в мегаполисе, где постоянно большинство населения так или иначе имеет межкультурные контакты, различные виды общения, – задача сложная, ведь оно регулируется не только институтами власти, правовыми и силовыми структурами, но и обществом, в том числе путем самоорганизации.

Такая самоорганизация, в том числе на уровне личности, межнациональное сплочение облегчаются, если в обществе есть единые цели и ценности. Принципиально важно, если у людей разных национальностей общие представления о целях общества. Видение людьми разных национальностей общих целей развития солидаризирует общество.

Наиболее значимые цели москвичи видели в «обеспечении закона и порядка», «обеспечении благосостояния народа» и «возрождении России как великой державы». Причем последнее желание и обеспечение закона и порядка у русских выражено сильнее, тогда как справедливость в обществе актуальнее для представителей других национальностей. Особенно значима она в группе 41–50 лет – людей, переживших в сознательном молодом возрасте изменения в статусе нашего государства в мировом пространстве, критику прошлого. В этом возрасте 59% (в целом по массиву 43%) называют эту цель.

Особенно интересно, что «возрождение России как великой державы» – желаемая цель и для более чем трети русских (43%) и для почти трети людей других национальностей (33%). Эта цель для русских не менее значима, чем «обеспечение материального благосостояния» и более чем в 1,5 раза более значима, чем «укрепление обороноспособности страны».

О достаточно высокой согласованности в представлениях москвичей независимо от их национальности свидетельствуют и ответы на вопрос, «что Вы считаете самым важным, чтобы чувствовать себя счастливым, “хорошо жить”»?

В представлениях о счастье, о «хорошей жизни» сходства у москвичей разных национальностей еще больше и в большинстве случаев совпадают: на первом месте ценность семьи – более 80%, далее – интересная работа и достаток. Они, конечно, взаимосвязаны, но очевидно, что стелания о всеобщей меркантилизации москвичей несколько преувеличены.

Для представителей меньшинств в Москве очень важно уважение их другими людьми. Между прочим, приведённые ответы русских москвичей о не столь высокой значимости для них уважения людей заставляют сомневаться в утверждениях тех, кто говорит об ощущении русскими наступления на них со стороны других культур.

На межнациональные отношения влияют многие обстоятельства – от личностных особенностей людей – одни интроверты, больше ориентированы на себя, другие экстраверты, легче идут на межличностное общение, – до политического климата в стране, формируемого лидерами власти, СМИ. На мезоуровне, в повседневном поведении немалую роль играет уровень доверия людям вообще.

В современном общественном устройстве страны наиболее значимым около 80% русских считают «равенство всех перед законом» и также считают 90% москвичей иных национальностей, «обеспечение порядка и стабильности» актуально для 50–57% соответственно, а «независимость суда» – для 33% русских и 47% лиц иной национальности. Свобода слова и сохранение независимой прессы одинаково значимы для более 40% всех москвичей независимо от национальности, причем эта потребность более выражена у молодежи (до 50%).

По важнейшим позициям общественного устройства у русских и людей других национальностей в Москве согласованные мнения. (Чуть большая значимость для последних «равенства перед законом» и «независимого суда» вполне понятна, поскольку они находятся в меньшинстве.)

В целом же очевидно довольно высокое сходство в базовых общественных потребностях, в оценке объединяющих целей и реализации их властью людьми разных национальностей, что создает основание для консолидации социума на внеэтнической основе. Похоже, сами национальные отличия при более-менее длительном совместном существовании в условиях большого глобализирующегося города в наиболее значимых общественных сферах жизни теряют значение.

Что же препятствует межнациональному согласию внутри самих москвичей? Есть основания полагать, что у местных жителей Москвы, и русских прежде всего, это отраженное восприятие людей другой культуры, связанное с притоком новых мигрантов. Отличаются они не только нормами этни-

ческой культуры, часто в массовом сознании на них переносятся обиды за раскол Союза.

О перенесении на внутримосковские и межэтнические отношения установок по отношению к иммигрантам нам уже приходилось писать. Этот факт существует. Но так же неадекватно по установкам к новым мигрантам из Средней Азии и Закавказья судить вообще о межнациональных отношениях в России и в Москве конкретно и оценивать их как доминантно ксенофобские.

Наиболее близкие контакты людей складываются на работе, по соседству и в личной дружбе. В целом межэтнические установки на контакты в этих сферах достаточно благоприятные. 72% москвичей готовы принять человека иной национальности как партнера по работе, а 51% даже и начальника, 71% как соседа по дому, 53% и как близкого друга. Есть различия в установках на контакты между русскими и людьми иных национальностей. Среди русских 68% готовы работать с людьми других национальностей, а среди самих последних – 94%. И начальника иной национальности они готовы принять чаще – 81% против 53% среди русских. Правда, соседствовать с татарами, башкирами, якутами, бурятами не хотят 14–16%, а с дагестанцами, чеченцами, ингушами – 36%. Тем не менее 87% москвичей ответили, что не чувствуют враждебности к людям иной культуры и столько же считают недопустимым использовать насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах. И в этих настроениях нет этнических различий.

Москвичи даже несколько более открыты, чем граждане России в целом. Среди них меньше сторонников каких-то национальных преимуществ (исключительности). Общие тренды в Москве такие же, что и в России в целом. Среди русских в целом больше тех, кто видит Россию как государство русских. Несколько больше русских (и в целом в России и в Москве), кто считает, что русские должны иметь какие-то преимущества. Особенно увеличивается доля русских с таким мнением, если в вопрос добавляют «русские составляют большинство и на них лежит большая ответственность за судьбу народа в целом». Но в целом большая часть русских и тем более людей других национальностей склонны полагать, что «Россия – общий дом многих народов».

Связано это, прежде всего, с актуализированным самосознанием русских: 85% русских москвичей согласились с высказыванием «я никогда не забываю о своей национальности», тогда как среди москвичей других национальностей с этим высказыванием согласились 75%. 37% русских полагают, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и 42% так считают среди других национальностей.

В современных условиях мы живем, когда у русских актуализация этнического самосознания не меньше, чем у людей других национальностей. А так как русские составляют большинство, от их состояния, настроений во многом зависят и состояние общества в целом и установки, и поведение представителей меньшинств.

Насилие считают допустимым, «если нарушается справедливость в отношении моего народа» чуть больше 30% москвичей (38% русских и 31% других национальностей), но это в условиях, когда, как мы видели, ресурс согласия еще значительный. Чтобы его сохранить, нужны усилия государства и общества, региональных властей и московского социума.

На настроения москвичей могут влиять и внешнеполитические обстоятельства, установки по отношению к «другим и иным» бывают взаимосвязанными. Глубинные интервью с экспертами-специалистами, так или иначе связанными с регулированием национальных отношений, показывают, что в обществе отношение к собирательному образу «Запада» балансирует в сторону отчуждения. С одной стороны, «они – богатые», «у них есть социальные гарантии», «пенсионеры обеспечены», «дети рано учатся самостоятельности», «развитые страны технически вооружены», «бюрократия под контролем», «полиция ответственная», «оплата труда выше». Но, с другой стороны, они «качают наши ресурсы», «боятся усиления России», «не понимают наших ценностей», «живут за счет других стран», «они высокомерны», «учат других, как жить», «кичатся своими достижениями», «о нас мало знают». Неприятие «иных» на уровне обществ и государств легко трансформируется в неприятие граждан этих государств. Следующий шаг – неприятие любых «иных», в которых видятся козлы отпущения, в том числе своих «иных» сограждан.

Опыт показывает, что привычным методом работы по поддержанию межнационального согласия для властных

структур является организация культурно-ознакомительных мероприятий. Однако это лишь один из механизмов просветительской работы. А прививка от ксенофобии эффективна, если ее делают в семье, в школе, вузе, на соседской площадке, во дворе, если совершается справедливый суд над нарушающими закон и права личности, если СМИ не «подогревают» враждебные установки «языком вражды». Эффективность каждого механизма поддержания межэтнического согласия требует специального изучения и осторожного внедрения. Возможно, большой ресурс согласия – в общественных настроениях, в ценностных ориентациях, сохраняющемся уровне доверия среди москвичей и готовности к интеграции мигрантов разной национальности. Создание такой атмосферы – первоочередная задача региональных и муниципальных властей и местных сообществ.

Политика консолидации локальных сообществ должна учитывать особенности развития самих сообществ, специфику интеграции принимающего населения. Новые вызовы, с которыми столкнутся Москва и москвичи, весьма серьезны: на московский рынок труда выйдут новые когорты иностранных граждан, прибывших, чаще всего, из традиционных, патриархальных обществ, с иной культурой, иными нормами и ценностями, иными правилами поведения. Иными правилами принятия решений: все чаще мы сталкиваемся с тем, что среди мигрантов из бывших среднеазиатских республик многие приезжают в Россию не по собственному выбору, их приезд – коллективное решение семьи, рода. Неизбежный рост этнокультурного разнообразия мегаполиса, «размывание» сложившегося этносоциального состава населения Москвы создают предпосылку противостояния в отношениях москвичей и «мигрантов».

И сегодня отношения между принимающим сообществом и приезжими далеки от идеальных. Как и повсеместно в России, наибольшее отторжение москвичей вызывает поведение части иноэтничных мигрантов, игнорирующих сложившиеся нормы и традиции поведения в принимающем сообществе. Неготовность части мигрантов к адаптации, распространенность ксенофобных настроений, транслируемых СМИ, публичными политиками, способствуют обострению социальной напряженности.

Противостояние москвичей и приезжих становится важнейшим фактором социальной исключенности представителей мигрантских меньшинств. Наряду с дискриминационными практиками в сфере занятости, найма жилья социальная исключенность мигрантов служит мощным толчком для формирования этнических ареалов расселения. В настоящее время такие процессы идут в Москве преимущественно вблизи крупных торговых точек, других мест массовой занятости иноэтничных мигрантов.

Появление культурно различающихся новообразований в городской среде, неизбежных при массовом притоке мигрантов, причем в специфических районах города, воспринимается населением как посягательство на исконную жизненную среду. Если не предпринимать усилий по аккумуляции приезжих, их «культурному растворению» в новой городской среде обитания, то этническая интолерантность будет только усиливаться, способствуя фундаментализации этнокультурных ценностей как принимающей стороны, так и мигрантов.

Складывается замкнутый круг: отторжение мигрантов принимающим населением и заинтересованными политиками (наряду с объективными обстоятельствами, ограничивающими доступ мигрантов к достойному труду) провоцирует сегрегацию мигрантских меньшинств, в том числе формирование территориальных анклавов. В свою очередь, слабая адаптация отдельных мигрантских меньшинств к принимающему обществу, расцениваемая населением как нежелание уважать принятые нормы и традиции, вновь и вновь запускает маховик дискриминации и сегрегации.

В новых условиях развития столицы на передний план выходит не столько этническая принадлежность иммигрантов, сколько их лояльность к стране и принимающему московскому сообществу, их способность к социализации.

Нужна целенаправленная политика адаптации трудовых мигрантов и интеграции иммигрантов, реализация которой позволит найти приемлемый баланс интересов горожан и мигрантов, снять напряженность между ними.

Политика интеграции должна учитывать не только конъюнктурные, но и долгосрочные вызовы. С учетом проблемы второго поколения мигрантов становится очевидным, что

если не обращать внимания на социализацию детей мигрантов, России грозит опасность столкнуться с проблемой «трудных кварталов», с которой уже столкнулись страны Западной Европы. И особенное внимание должно уделяться политике интеграции детей гастарбайтеров, родители которых зачастую слабо адаптированы к социальным реалиям принимающего общества. При этом следует отдавать отчет, что политика интеграции испытывает и еще долгие годы будет испытывать серьезное влияние исторического опыта и традиций, особенностей общественного сознания.

От государственной миграционной и национальной политики зависит многое. Это необходимое, но недостаточное условие успешности политики гармонизации межнациональных отношений на региональном уровне: политика государства, не опирающаяся на понимание и поддержку принимающего общества, обречена на неуспешность. Наряду с коррекцией конкретных мер по адаптации и интеграции мигрантов необходимы просветительские меры принимающего населения, негативно или крайне настороженно относящегося к притоку мигрантов. С другой стороны, в результате непродуманных и необоснованных законодательных новаций теряется доверие к принимающему обществу, его институтам и со стороны иностранных граждан, снижается их мотивация к легальному продуктивному труду.

К сожалению, возможности региональных властей имеют пределы: без трансформации социальной среды и серьезных институциональных преобразований – что лежит вне компетенции субъектов Федерации – крайне сложно справиться с глобальными вызовами, генерируемыми миграцией и трансформацией этнического пространства мегаполиса.

Но создание атмосферы доверия на региональном и муниципальном уровнях – вполне по силам при условии активного привлечения всех акторов консолидации локальных социумов: органов государственной власти регионов и местного самоуправления, принимающего населения, мигрантов, институтов гражданского общества (в том числе общественных организаций, этнических диаспор), бизнеса. Это во-первых.

Во-вторых, перевод Стратегии национальной политики г. Москвы в практическую плоскость: принятие соответствующего плана мероприятий либо программы по ее реализации.

В-третьих, изменение содержания и перенесение акцента национальной (этнической) политики («изменение оптики», по меткому замечанию О. Вендиной и Э. Паина¹⁴⁸) на низовой уровень: в области – в первую очередь на большие города, в Москве – по крайней мере на административные округа, в $\frac{2}{3}$ из которых численность жителей превышает 1 млн человек.

В-четвертых, препятствовать компактному расселению представителей меньшинств и формирование этнических анклавов (ареалов) их расселения.

В-пятых – активное противодействие политизации межэтнических отношений и этноконфессиональных взаимодействий, включая отказ от антимигрантской риторики, иногда проскальзывающей в публичных выступлениях представителей органов государственной власти Москвы, Московской области, органов местного самоуправления.

В-шестых, организация мониторинга межнациональных отношений на региональном и муниципальном уровнях согласованного, но не ограничивающегося рамками мониторинга, проводимого ФАДН.

Наконец, важно формировать позитивный образ Москвы и области как территории конструктивного сотрудничества различных этноконфессиональных групп – без чего сложно снять традиционное и, похоже, обостряющееся напряжение между жителями Москвы и других регионов России.

Литература

Александров Д.А., Ивановщина В.А., Казарцева Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 173–195.

Балабас Е. Число детей мигрантов в столичных школах доходит до 60%. Но адаптируются они с трудом // Московский комсомолец. 2015. 14 дек.

Богатые и бедные семьи – рейтинг регионов 2018. М.: РИА-Рейтинг, 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180607/630095992.html>

¹⁴⁸ Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах / О. Вендина, Э. Паин. М.: Сектор, 2018. С. 52.

- В России выросли ксенофобные настроения // Левада-Центр, 27.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya/print/>
- Вендина О.* Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России / общ. ред. Ж.А. Зайончковской. Вып. 3. М., 2005.
- Воронов А.* Граждане живут не так, как думают // Коммерсантъ. 2015. 11 дек. № 229. С. 6. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2874041>
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 8. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- ВЦИОМ. 2015. Пресс-выпуск № 2994, 08.12.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115504>
- Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д.* Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80–109.
- Демографический прогноз Московской области до 2035 года. URL: http://www.msko.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/msko/ru/statistics/population/
- Дробижева Л.М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 12.
- Закон Московской области от 18.07.2015 № 122/2015-ОЗ «Об исполнении бюджета Московской области за 2014 год» (принят постановлением Мособлдумы от 02.07.2015 № 20/134-П).
- Закон Московской области от 03.12.2015 № 213/2015-ОЗ (ред. от 13.07.2016) «О бюджете Московской области на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов».
- Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2017. 14.02.2018. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html>
- Ксенофобия и национализм [Пипия Карина] // Левада-Центр, пресс-выпуск, 25.08.2015. URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>
- Ксенофобские и националистические настроения россиян. Презентация. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2015/10/STS.pdf>

- Ксенофобные и националистические настроения россиян в 2015 году. 2015. Презентация результатов обследований Левада-Центра, Сахаровский центр, 22.10.2015 (не опубликовано).
- Ловушки восприятия: что россияне знают о России? 2015. URL: <http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=3121>
- Магун В., Руднев М.* Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4 (113), июль–декабрь.
- Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] / рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2015. С. 90.
- Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: монография / отв. ред. Л.М. Дробизева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
- Межрегиональная трудовая миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации в 2017 г. URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab3_2017.xls (таб. 3).
- Межрегиональная трудовая миграция. Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm
- Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н.* Московский регион: миграция и миграционная политика / Моск. центр Карнеги. М., 1999. С. 7.
- Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах / О. Вендина, Э. Паин. М.: Сектор, 2018. 184 с.
- Мукомель В.И.* Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полукоренного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–209.
- Мукомель Владимир.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтнические мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 79–92.
- Мукомель В.* Ксенофобия в молодежной среде // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 228–258.
- Мукомель В.* Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Федерализм. 2018. № 2. С. 141–160.
- Мукомель В.И., Кузнецов И.М., Лившин А.Я., Полунов А.Ю., Батоври-на Е.В.* Социологический анализ проблем трудоустройства ми-

- грантов: точка зрения рекрутинговых агентств. М.: Центр стратегических инноваций Факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт социологии РАН, 2008.
- Население России 2010–2011 [Текст]: восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013.
- Общественное мнение – 2017. М.: Левада-Центр, 2018. 244 с.
- О межрегиональной трудовой миграции в 2017 году. М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2017.htm
- Постановление главы Люберецкого муниципального района МО от 17.08.2009 № 1558-ПГ «Об образовании Консультативного совета по делам национально-культурных автономий и иным вопросам в сфере межнациональных отношений Люберецкого муниципального района Московской области».
- Постановление главы городского округа Королев МО от 16.02.2009 № 241 «Об образовании при администрации города Королева Московской области Консультативного Совета по делам национально-культурных автономий и иным вопросам в сфере межнациональных отношений».
- Постановление Правительства Москвы от 05.04.2016 № 150-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 16 июня 2009 г. № 570-ПП» (вместе с «Положением о Совете по делам национальностей при Правительстве Москвы»).
- Постановление Правительства Москвы от 27.09.2011 № 450-ПП (ред. от 08.04.2015) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)» на 2012–2018 годы».
- Постановление Правительства МО от 23.03.2012 № 352/10 (ред. от 03.11.2015) «Об утверждении Концепции реализации государственной национальной политики на территории Московской области».
- Постановление Правительства Московской области от 25.04.2017. № 316/14.
- Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812
- Рабочая сила, занятость и безработица в России, 2018. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федера-

- ции), 2018 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918584312
- Распоряжение Правительства МО от 29.06.2016 № 115-ПП «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Московской области».
- Распоряжение префектуры Зеленоградского АО г. Москвы от 29.10.2009 № 707-рп (ред. от 20.01.2016).
- Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. М.: РИА-Рейтинг. С. 21–22. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf
- Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2018. М.: РИА-Рейтинг, 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>
- Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2014. 124 с. 1 CD ROM, Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/inab_2014_02.html
- РИА-Рейтинг представил очередной индекс рынка труда в регионах РФ. 31.08.2017. URL: <http://www.riarating.ru/regions/20170831/630071542.html>
- Российская идентичность в Москве и регионах / отв. редактор Л.М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009.
- Сабирова Г.А., Андреева Ю.В.* Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 1. С. 170–189.
- Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах РФ [Электронный ресурс] / рук. проекта и отв. редактор М.Ф. Черныш. Электрон. текст. дан. М.: Институт социологии РАН, 2015.
- Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации в 2013–2018 гг., рублей. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
- Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 года, Приложение к постановлению Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. № 312-ПП.
- Уровень и распределение зарплат в регионах России – 2017. 07.12.2017. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20171207/630078217.html>

Н.М. Мухарямов

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета*

О.Б. Януш

*кандидат политических наук, доцент кафедры социологии,
политологии и права Казанского государственного
энергетического университета*

Политические и информационные измерения социально-коммуникативной ситуации тюркоязычных регионов Российской Федерации

Концептуальный дизайн данного исследовательского проекта определяется ориентирами анализа – рассмотрением политических и информационных измерений языкового функционирования в условиях тюркоязычных регионов России и характеристик социально-коммуникативных соответствующих ситуаций (табл. 1).

Таблица 1

Классификация государственных языков Российской Федерации
(Алтайская семья)

Группа	Подгруппа	Язык	Статус
Тюркские	Булгарские Кыпчакские	Чувашский Башкирский Карачаево-Балкарский Крымско-татарский	Гос. Гос. Гос. Гос.
	Уйгуро-огузские	Кумыкский Ногайский Татарский	Гос. Гос. Гос.
	Киргизско-кыпчакские	Тувинский Хакаский	Гос. Гос.
	Северные	Якутский Алтайский Бурятский Калмыцкий	Гос. Гос. Гос. Гос.

В практике социолингвистических и политико-лингвистических изысканий используется многоплановый диверсифицированный категориальный аппарат.

Языковая ситуация – «Совокупность языковых образований, обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или в административно-территориальном объединении»¹⁴⁹. В качестве «обязательных» элементов языковой ситуации выделяют:

- социальные условия функционирования языка;
- сферы и среды употребления языка;
- формы существования языка¹⁵⁰.

Коммуникативная среда – «исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью. ...границами коммуникативной среды не являются ни границы той или иной этнической общности, ни границы распространения языка; коммуникативная среда выделяется лишь по степени интенсивности внутренних коммуникативных связей»¹⁵¹.

Социально-коммуникативная система – (а) по определению А.Д. Швейцера (б) «совокупность языковых систем и подсистем (различных языков в условиях диглосии и т. п.), используемых тем или иным языковым или речевым коллективом»¹⁵²; (б) «совокупность кодов и субкодов, используемых в данном языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнителности»¹⁵³; (в) «социально детерминированное распределение существующих в пределах данного языкового коллектива систем и подсистем

¹⁴⁹ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. С. 101.

¹⁵⁰ Пиневиц Е.В., Стародубцев В.Ф. Социолингвистика. М.: Экономика, 2011. С. 82–83.

¹⁵¹ Виноградов В.А., Коваль А.И., Пархомовский В.Я. Социолингвистическая типология. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. С. 9, 11.

¹⁵² Крючкова Т.Б. Социально-коммуникативная система // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 434.

¹⁵³ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 20. Серия: Авторский учебник.

по сферам использования и общественным функциям, с одной стороны, и по социальным ситуациям – с другой стороны. «Системные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы задаются не внутрискруктурными связями, а связями социальными, определяющими как распределение этих компонентов по сферам использования, социальным функциям и социальным ситуациям, так и социальную ситуацию этих компонентов». В силу инерционности социально-коммуникативных ситуаций, как подчеркивается в данной интерпретации, их модификация средствами законодательного регулирования и политического воздействия через усилия властей либо происходит «очень медленно», либо «вообще отсутствует»¹⁵⁴.

В интересах настоящего исследовательского проекта авторы намерены придерживаться концептуальных и аналитических подходов, которые обладают конкретизированным видением лингвистических и экстралингвистических переменных, во-первых, и, что наиболее важно в рассматриваемом тематическом ракурсе, **апробированы** на материалах тюркских народов Российской Федерации.

Согласно исследовательской схеме, предложенной А.Н. Баскаковым и О.Д. Насыровой, « всю совокупность релевантных факторов, детерминирующих языковую жизнь той или иной национально-языковой общности, республики или государства, можно представить в виде комплекса факторов социальной, коммуникативной и языковой ситуаций, образующих единое целое со своей внутренней структурой ».

Социальная ситуация в той или иной национально-территориальной общности складывается из таких признаков, как:

- политико-административный статус;
- степень развитости ее политической, экономической и социокультурной инфраструктур;
- особенности этно-демографического, социально-профессионального и образовательного параметров населения;
- принципы национальной политики;
- принадлежность к определенному культурно-историческому ареалу.

¹⁵⁴ Крючкова Т.Б. Указ. соч. С. 434, 435.

Коммуникативная ситуация как синхронное состояние коммуникации в той или иной национально-территориальной общности обладает такими признаками:

- общий объем коммуникативного пространства;
- количество и типы составляющих это пространство коммуникативных сфер;
- особенности коммуникативных процессов в них.

Языковая ситуация складывается из этнолингвистических, социолингвистических и собственно лингвистических компонентов¹⁵⁵.

Народы Российской Федерации, языки которых относятся к тюркской группе алтайской семьи, занимают второе место по числу говорящих и, как подчеркивают эксперты в области социолингвистики, отличаются большим разнообразием языков: татары, татары сибирские (на севере Горного Алтая), башкиры, чувашы – живут в Поволжье; карачаевцы, балкарцы, ногайцы, кумыки, азербайджанцы – на Северном Кавказе; якуты, долгане, алтайцы, хакасы, шорцы – в Сибири; узбеки, туркмены, киргизы, казахи – на востоке и юго-западе европейской части России¹⁵⁶.

Социально-коммуникативные показатели лингвистического состояния тюркских народов Российской Федерации измеряются показателями демографического и функционального планов.

Параметры демографической мощности «тюркского мира», согласно сведениям из периодической печати, составляют около 200 миллионов человек (80 млн турок, 35 млн азербайджанцев, 30 млн узбеков, 12 млн казахов, 9 млн уйгуров, 8 млн туркмен, 7 млн татар, 4,5 млн киргизов, 2,2 млн башкир, 1,7 млн чувашей, 1,5 млн кашкаев, 0,5 млн крымских татар, 0,6 млн каракалпаков, 0,5 млн якутов, 0,4 млн кумыков, 0,4 млн балкар, 0,2 млн гагаузов. К малочисленным тюркским народам относятся шулымы (2,5 тыс.), долганы-жугыры (5 тыс.), айным, карайм и тофа (7 тыс.)¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 36–37.

¹⁵⁶ Пиневич Е.В., Стародубцев В.Ф. Социолингвистика. М.: Экономика, 2011. С. 101.

¹⁵⁷ Иванов В. Почему невозможно формирование тюркского НАТО. Языковой вопрос в обеспечении безопасности России // Независимое военное обозрение. 2017. 15 дек.

По параметрам функциональной мощности – показателям соотношения сфер общения, в которых используется тот или иной язык, со всеми сферами общения, с совокупностью всех сфер общения, характерных для данной языковой общности», – тюркские языки в Российской Федерации занимают верхние «этажи» соответствующей типологической иерархии.

I тип – язык с глобальными социальными функциями – русский язык.

II тип – функционально развитые языки (татарский, чувашский, башкирский).

III тип – среднеразвитые языки (алтайский, бурятский, коми-зырянский, удмуртский, аварский, кумыкский).

IV тип – языки с восстанавливаемыми социальными функциями (цахурский, карельский, калмыцкий).

V тип – языки с минимальными функциями (языки малочисленных народов).

VI тип – языки с изолированными социальными функциями (внешние и внутренние диаспоры)¹⁵⁸.

Политико-языковые факторы

Политические измерения социально-коммуникативных состояний в регионах Российской Федерации с тюркским «титутельным» населением представляют собой многомерную картину различных факторов и способов взаимодействия процессов языкового функционирования, с одной стороны, и моментов властно-управленческого порядка, а также политически релевантных отношений и форм деятельности правящих и неправящих акторов, артикулирующих социально-лингвистическую проблематику, с другой стороны. В интересах аналитического освоения этого тематического поля целесообразно разграничивать феномены различной природы на два класса:

– политические формы деятельности в области целенаправленного и сознательного воздействия на языковые отно-

¹⁵⁸ *Михальченко В.Ю.* Социоллингвистика как научная дисциплина // *Язык и общество: Энциклопедия.* М.: Азбуковник, 2016. С. 452.

- шения и языковое функционирование, т. е. языковая политика, языковое регулирование, языковое планирование, языковое строительство, языковой менеджмент и проч.;
- экстралингвистические по характеру политические контексты, а также эффекты и последствия (преднамеренные и непреднамеренные), возникающие в связи и по поводу решений, принимаемых в области языковой жизни общества на различных уровнях – глобальном, наднациональном, трансграничном, макрорегиональном, общенациональном, субнациональном, локальном.

Иначе говоря, политически релевантные сущности применительно к социально-коммуникативным явлениям различаются по критериям и основаниям эксплицитного и имплицитного характера, непосредственно и опосредованно связанные с объектом. Есть аналитический ракурс, рассматривающий роль политико-управленческих начал в языковой жизни общества. И есть ракурс, сконцентрированный на оценке (часто – субъективной и идеологизированной) языковых факторов в политической сфере. Одна из концептуальных проекций здесь, в частности, состоит в выявлении специфических смысловых различий между категориями «языковая политика» и «политика языка»¹⁵⁹.

Языковая политика

Языковая политика в рамках академического дискурса отражается в широком спектре дефиниций и содержательных трактовок¹⁶⁰.

Согласно словарю социолингвистических терминов (2006), языковая политика – это «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подси-

¹⁵⁹ Мухарямов Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017.

¹⁶⁰ Биткеева А.Н. Языковая политика // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016.

стем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям»¹⁶¹.

Из всего массива имеющихся определений для целей настоящего исследования целесообразно остановиться на варианте Н.В. Борисовой, которая в свою очередь ссылается на подход К. Уильямса. Языковая политика – система мер и действий, «направленная на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками». При этом три важнейших фактора структурируются следующим образом: «1) политический контекст определения, реализации и коррекции языковых стратегий (политических курсов); 2) отношения между политиками, чиновниками и группами интересов; 3) роль законодательных реформ, судебной практики и в контексте защиты или модификации языковых стратегий»¹⁶².

Приведенное определение обладает, по нашему мнению, некоторыми преимуществами по сравнению с традиционными социолингвистическими решениями в этой области – более расширенным инструментальным аналитическим потенциалом. Социолингвистические подходы отличаются фокусировкой внимания на объекте языковой политики – на функциональных аспектах распределения коммуникативных средств и ресурсов в обществе. Междисциплинарные же подходы учитывают также и аспекты, связанные с деятельностью субъектов языковой политики, на агентивные измерения, т. е. на политологическую релевантность предмета исследования.

Существенные эвристические возможности дефиниции языковой политики, предложенной Н.В. Борисовой, связаны с выявлением способов взаимодействия структурных факторов, находящихся в той или иной комбинации, – баланса или в состоянии дисбаланса. Роль тех или иных акторов – бюрократии, законодателей, экспертов, активистов, часто проявляется по-разному с точки зрения масштабов и силы влияния,

¹⁶¹ Биткеева А.Н. Там же. С. 629.

¹⁶² Борисова Н.В. «Сила» территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире // Сравнительная политика – 2018. Т. 9. № 2. С. 63–64.

политико-дискурсивного веса, прерогатив в инициировании политической повестки и принимаемых решений. При этом позиции даже официальных инстанций часто выглядят в смысловом и оценочном планах рассогласованными, не говоря уже о разноголосице, присущей качественно различным дискурсивным сегментам общего политико-информационного пространства (чиновничества, парламентариев, аналитиков, СМИ и этнополитических и этнокультурных движений).

Качество законодательства

Языковая политика в нашей стране подчас получает критические оценки со стороны авторитетных специалистов-исследователей. Как отмечал В. Алпатов, «...языковая политика может осуществляться сознательно или стихийно. Ведущая роль господствующего в государстве языка независимо от его юридического статуса поддерживается экономической и политической ситуацией в стране. ...В современной России внедрение законов рынка объективно способствует распространению русского языка и вытеснению малых языков, чему можно противодействовать лишь сознательной и целенаправленной государственной политикой, которой пока что почти нет»¹⁶³.

Среди факторов, препятствующих разработке эффективных моделей языковой политики, особняком стоит качество законодательного регулирования социально-коммуникативных аспектов языковых отношений как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Чтобы достигать действенности в своих регулятивных функциях, законодательство, кроме всего прочего, должно отвечать критериям адекватности реалиям общественных отношений и вытекающему из этого целеполаганию (в том числе, социальным потребностям и интересам, запросам граждан), критериям пригодности для правоприменительной практики, принципам разумной достаточности и недопущения избыточности, стабильности, полноты охвата всех аспектов правоот-

¹⁶³ Алпатов В. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 175.

ношений, демократичности. Аксиомой выглядит требование, которое устанавливает правильный баланс между определенностью законодательства и ясно, конкретным и императивным образом (субстантивно) выраженными требованиями к действиям участников правоотношений, с одной стороны, и символическим нормами, декларативными аспектами, какими бы то ни было «благими пожеланиями», с другой стороны.

В качестве примера можно привести Закон «О языках народов Республики Калмыкия» (от 21 октября 1999 года), в котором одновременно содержатся нормы о свободе пользования языками (ст. 2), с одной стороны, и требование – «Знание калмыцкого языка является гражданским долгом каждого, постоянно проживающего на территории Республики Калмыкия», с другой стороны.

Перекося в сторону норм, манифестирующих те или иные ценностные установки властей, норм-прокламаций, лозунгов и идеологических призывов (если не сказать, пропагандистских клише), снижает эффективность законодательства и потенциал его имплементации.

Российское законодательное пространство, включающее нормативные принципы языкового функционирования, практически оставляет за рамками своего применения важные характеристики социолингвистического состояния как самих языков, так и языковых (шире – социально-коммуникативных) ситуаций в политико-административных масштабах разного уровня.

В Российской Федерации создан солидный гуманитарный нормативно-правовой фундамент в области языков, который позволил повысить статус языков народов страны. Однако это не привело к формированию надежного механизма защиты русского языка, государственных языков республик Российской Федерации и языков народов страны в целом от воздействия многих неблагоприятных факторов, прежде всего, от процессов потери их функциональности (если говорить о языках *defacto* миноритарных). Юридические меры поддержки языков и укрепления их социально-коммуникативных позиций обнаруживают свою очевидную недостаточность.

По мнению экспертов, «этому есть много причин, в том числе еще не достигшее совершенства само российское

законодательство о языках, его некая декларативность, выхолощенность, излишняя стандартность, обобщенность, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечеткость формулировок, которые можно толковать и применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона»¹⁶⁴. При этом в Законе «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 11.12.2002 № 165-ФЗ) содержится норма – ст. 4.2 «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации».

Далее эксперты обращают внимание, что законы сформулированы без учета коммуникативных рангов языков, их функциональной мощности. Как пишет А.В. Кирилина, «в России официальные меры по поддержке и защите государственного языка недостаточны (это тема для специального обсуждения, и мы ограничимся пока лишь указанием на то, что в настоящей редакции Закон о языках народов Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807–1 (с дальнейшими изменениями в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ) не в полной мере учитывает столь значимое явление, как коммуникативный ранг и статус языка.

Русский язык – один из мировых языков и единственный мировой язык из всех языков народов России, язык межнационального общения, хотя и признан в ст. 2 Закона государственным, рассматривается далее наравне с региональными. Между тем, говоря о национальных языках эпохи глобализации, необходимо разграничивать их коммуникативный статус – «малые», нередко бесписьменные языки с небольшим числом носителей не слишком мешают глобализации и в официальном дискурсе ООН, ЮНЕСКО и подобных организаций рассматриваются как культурное достояние, требующее заботы и сохранения»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ *Орешкина М.В.* Языковое законодательство в Российской Федерации // *Язык и общество*. М.: Азбуковник, 2016. С. 845.

¹⁶⁵ *Кирилина А.В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // *Языковая ситуация в Европе начала XX века: сб. обзоров* / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. И.Н. Трошина. М., 2015. С. 128.

В данной трактовке существенное значение имеет та сторона, которая показывает, что многие языки в процессе закрепления их официального статуса были провозглашены в качестве государственных, что дискурсивно фактически вывело их за пределы категории миноритарных языков, нуждающихся в специальных мерах по их защите и по преференциальной поддержке, в том числе, и в учете зарубежного опыта и международных стандартов.

Следует, наконец, отметить, что проблематика несовершенства законодательного регулирования социально-коммуникативных ситуаций и процессов тюркских народов России получила отражение в научной литературе еще в начале 2000-х годов. Как позитивный момент в оценочных подходах специалистов-языковедов рассматривались результаты, полученные за несколько лет, прошедших после принятия республиканских законов о языках и о тюркских языках в том числе: расширение присутствия этих языков в образовательном пространстве и педагогической деятельности, в книгоиздании и СМИ, в области гуманитарных дисциплин. В то же время, как пишут А.Н. Баскаков и О.Д. Насырова, «после того как был провозглашен суверенитет в большинстве автономий РФ и приняты языковые законодательства, по которым национальные, в том числе тюркские, языки титульных народов этих автономий получили государственный статус, была предпринята попытка сбалансировать функции этих языков с функциями русского языка в основных сферах общественной деятельности... Однако при этом не были учтены многие объективные социолингвистические, этнодемографические, социокультурные, экономические и прочие факторы, ограничивающие или делающие практически невозможным и нецелесообразным равное применение русского и национальных языков. ...Социальная база литературных форм государственных тюркских языков, в которых они могут реализовать свои официальные функции, мала, так как подавляющее большинство их носителей владеет только просторечием, диалектами и говорами этих языков»¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 122.

Государственные функции большинства тюркских языков, согласно констатации этих ученых, сталкиваются при своей реализации с разноплановыми препятствиями:

- этнодемографические и социальные параметры, выражающиеся в малочисленности носителей языков (алтайцы, балкарцы, хакасы);
- малый удельный вес «титulyных» тюркских народов в населении республик (башкиры, якуты);
- дисперсность расселения наиболее многочисленных тюркских народов (татары, башкиры, чувашаи);
- «принадлежность большинства тюркских народностей к сельским жителям с низким образовательным и культурным уровнем»¹⁶⁷.

Республика Алтай. Закон Республики Алтай «О языках» был принят 3 марта 1993 г. Государственными языками были провозглашены алтайский и русский. Было также закреплено правовое положение казахского языка, который «используется в официальных сферах общения, в местах компактного проживания его носителей» (ст. 4). Текст закона содержит ряд символических норм: «Языки в Республике Алтай являются величайшим духовным наследием его многонационального народа и находятся под защитой государства»; «языковое равенство каждого человека» (ст. 2); Республика Алтай гарантирует «языковой суверенитет каждого народа независимо от численности и языковой суверенитет каждой личности» (ст. 3); «Государственная программа обеспечивает непрерывность в обучении и воспитании подрастающего поколения на родном языке...» (ст. 5).

Реальное состояние социально-коммуникативной системы в республике таково, что «*витальность* алтайского языка и перспективы его сохранения и дальнейшего развития вызывают опасение по ряду этнодемографических и социолингвистических причин». Этот язык, если судить по данным социолингвистики, используется в образовательной сфере и СМИ, в работе региональной и местной администрации; ограниченно используется в региональном правительстве, но не используется в судах, на официальных встречах и в коммуникации с широкой публикой. Согласно некоторым из имею-

¹⁶⁷ Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Указ. соч. С. 123.

щихся оценок, социальная база литературного алтайского языка «крайне узка», а этноязыковая консолидация алтайского народа сталкивается с вызовами – претензиями субэтнических групп кумандинцев, телеутов, тубаларов на придание своим диалектам статуса самостоятельных языков¹⁶⁸. Объем использования алтайского языка в основных официальных сферах минимален, как отмечает М.А. Горячева, «из-за недостаточной развитости его литературной формы». В неофициальном общении используются диалектные формы и «недавно получившие самостоятельный статус языки субэтносов алтайцев»¹⁶⁹.

Таким образом, в республиканском языковом законодательстве реальное состояние социально-коммуникативной ситуации субстантивного отражения не получает.

В утвержденной приказом Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Алтай ведомственной целевой программе «Развитие алтайского языка» на 2016–2018 годы записано:

Цель программы: развитие алтайского языка в системе образования Республики Алтай.

Задачи программы: обеспечение условий для проведения республиканских конкурсов, вебинаров по алтайскому языку; организация разработки и подготовки к изданию (выпуска на электронных носителях) образовательных программ, учебников, учебных, методических пособий по алтайскому языку, литературе, истории, музыке и с этнокультурным содержанием образования.

В качестве одного из ожидаемых результатов намечено доведение доли изучающих алтайский язык в общеобразовательных учреждениях республики до 32%.

Объем ресурсного обеспечения мероприятий программы на 2016–2018 годы составляет 15 000,0 тыс. руб., или 5000,0 в расчете на год. Если распределить эти средства на общее количество говорящих на алтайском языке (48 583 чел., или 70,6% всех алтайцев, проживающих в республике, по данным переписи 2010 г.), то получается сумма около 100 рублей в год на человека.

¹⁶⁸ Баскаков А.Н. Алтайский язык // Письменные языки народов мира: Языки Российской Федерации: Социоллингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000.

¹⁶⁹ Горячева М.А. Языковая ситуация в Республике Алтай // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 682.

Республика Башкортостан. Закон «О языках народов Республики Башкортостан» был принят 15 февраля 1999 г. – относительно недавно, если сравнивать со временем появления законов других республик с государственными тюркскими языками. Статья 3 закона гласит: «Государственными языками Республики Башкортостан на всей ее территории являются башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавший свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык Российской Федерации». Пункт 2 ст. 3 закрепляет норму: «В местностях компактного проживания населения, живущего за пределами своих национально-государственных образований, наряду с государственными языками Республики Башкортостан в официальных сферах общения используется язык населения данной местности».

Социально-коммуникативная ситуация в Республике Башкортостан, судя по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в этнодемографическом плане выглядит так: русские – 36,1%; башкиры – 29,5%; татары – 25,4%; чуваш, марийцы, украинцы, мордва и удмурты – в совокупности 7,6%.

Этнолингвистические параметры социально-коммуникативной системы республики при этом имеют свои особенности¹⁷⁰ (табл. 2).

Таблица 2

Владение башкирским, татарским и русским языками
в РБ по переписи 2010 г.

Язык	Башкирский	Татарский	Русский
Всего	931 936	1 059 271	3 910 550
Башкиры	790 383	316 606	1 130 432
Татары	113 268	673 567	992 594
Русские	14 640	19 147	1 432 820
Чуваш	5702	17 663	106 415
Марийцы	2608	20 586	101 126
Украинцы	396	852	39 857
Мордва	202	518	20 279
Удмурты	963	963	20 592

¹⁷⁰ Кожееякина В.А. Языковая ситуация в Республике Башкортостан // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 689.

Приведенные данные (при всей ограниченной релевантности данных переписей населения с социолингвистической точки зрения) позволяют сделать определенные выводы. Татарский язык занимает в социально-коммуникативной системе Республики Башкортостан, как минимум, паритетное положение с башкирским языком, не уступая ему по демографическим параметрам – численности владеющих языком. Если показатели численности национально-башкирских билингвов составляют 141 553 человек, то соответствующие данные относительно национально-татарского двуязычия – 385 704 человека (или более чем трехкратное превышение). В этих условиях отсутствие нормативно закреплённого правового положения татарского языка в законодательстве Республики Башкортостан может вызывать вопросы. В научно-справочной литературе по социолингвистике можно встретить такие оценки (относящиеся к периоду конца 1990-х годов): «Этническое и языковое родство башкир с татарами, а также численное превосходство последних и большая развитость татарского языка обусловили значительную языковую ассимиляцию башкир, около 20% которых признают *родным* татарский язык. Кроме того, около 5% башкир в РБ и 10% в диаспоре считают *родным* русский язык. Таким образом, около 25% всех башкир в РФ либо не признают родным язык своей национальности, либо не владеют им»¹⁷¹.

В научно-справочной литературе по социолингвистике содержится оценка, согласно которой «Башкирский язык провозглашен одним из государственных языков РБ, однако его функциональный статус гораздо скромнее. Башкирский язык исключен из сферы государственной и деловой переписки, его применение в сфере образования носит ограниченный характер. Башкирский язык почти не употребляется в сфере науки (используется почти исключительно в области филологических наук)»¹⁷².

В конце 2017 – начале 2018 гг. главой Башкортостана была инициирована разработка госпрограммы по сохране-

¹⁷¹ Баскаков А.Н. Башкирский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000. С. 82.

¹⁷² Кожемякина В.А. Указ. соч. С. 693.

нию и развитию государственных языков и языков народов республики с подпрограммами «Башкирский язык», «Русский язык» и «Родные языки», а также создание Фонда по сохранению и развитию башкирского языка. Предполагаемое финансирование должно исчисляться сотнями миллионов рублей (50 млн – гранты главы республики, наполнение Фонда – 50 млн рублей). По словам Рустэма Хамитова, «это является настоящим прорывом в части финансирования данного направления – субсидирование увеличивается в десятки раз» (Сохранение).

24 января 2018 г. в Госсобрании РБ состоялось заседание временной рабочей группы по подготовке госпрограммы, в ходе которого констатировалось, что многие мероприятия предыдущей программы остались нереализованными:

- не разработана концепция непрерывного языкового образования;
- слабо обозначена сфера применения башкирского государственного языка в информационных технологиях;
- слабо развито исследование проблем развития государственных языков;
- сужена сфера применения башкирского языка, который не используется в деятельности государственных и муниципальных органов власти;
- сохраняются проблемы, связанные с «языковым нигилизмом, изучением истории и традиций народов РБ» [в Уфе].

Кабардино-Балкарская Республика. Закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» был принят 28 декабря 1994 г. (новая ред. – от 18.05.2001 г. – № 38-РЗ). В акте отражена трехкомпонентная языковая ситуация в республике – русский язык как государственный в РФ и 2 литературных языка. Статус государственных получили русский, кабардинский и балкарский языки. Два последних языка закреплены «как символ государственного суверенитета» КБР (ст. 2, п. 1). В законе провозглашен принцип языкового суверенитета – «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (ст. 1, п. 1).

Карачаево-балкарский язык, относящийся к тюркским языкам, имеет статус государственного языка в двух субъектах РФ: в Кабардино-Балкарской Республике и в Карачаево-

Черкесской Республике. В КЧР, для которой характерна многокомпонентная языковая ситуация, карачаево-балкарский язык обладает государственным статусом наряду с абазинским, ногойским, русским и черкесским языками. По социолингвистическим критериям этот язык обладает среднеразвитыми функциональными признаками. В административной сфере, в законодательстве язык используется ограниченно. Этот язык расценивается как обладающий высокими показателями владения среди разных поколений, интенсивностью использования в неофициальных сферах общения и пользующийся государственной поддержкой и, следовательно, с точки зрения *витальности* – не вызывающий опасений относительно его использования в перспективе.

Карачаево-Черкесская Республика. Закон «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (от 29 мая 1996 г.), как уже было отмечено, наделяет статусом государственного – абазинский, карачаевский, ногойский, русский и черкесский языки.

Ногойский язык, относящийся к кыпчакской группе тюркской языковой семьи, так же как и карачаево-балкарский язык, имеет статус государственного в двух субъектах РФ. В Конституции Республики Дагестан, где кроме русского языка к категории государственных отнесены «языки народов Дагестана», по предположению ногойский язык также обладает соответствующей статусной позицией.

На долю ногойцев, по данным переписи 2010 г., приходится 1,4% населения Республики Дагестан (40,4 тыс. человек), или 38,9% от всей этнической группы; в Карачаево-Черкесской республике они занимают 5-е место по численности (3,3% населения республики) – 15 654 чел., или 15,1% от общей численности этнической группы.

В характеристиках функциональности ногойский язык расценивается специалистами как недостаточно развитый (среднеразвитый, младописьменный язык). В сфере государственного управления, согласно закону «О языках народов КЧР», «работа ведется на языке межнационального общения – на русском языке» (ст. 9), а «при подготовке и проведении выборов и референдумов используется русский язык» (ст. 12).

Следовательно, на примере регионального языкового законодательства КЧР можно лишний раз убедиться, что наделе-

ние статусом государственных тех языков, которые обладают всеми признаками миноритарности, – это сугубо символическая мера, которая не имеет каких-либо правовых последствий и, по существу, выглядит как неработающая юридическая норма.

Республика Саха (Якутия). Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)» (от 16.10.92 № 1171-ХП) также содержит довольно пафосные формулировки норм-деклараций. «Язык – уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет суверенное право сохранить свою самобытную культуру, традиции, язык»;

«Язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком Республики (Саха) Якутии» (ст. 4).

«Русский язык на территории Республики Саха (Якутия) является государственным языком и используется как средство межнационального общения» (ст. 5).

Особенностью социально-коммуникативной системы и республиканского законодательства о языках (что можно было бы поставить в поучительный пример другим субъектам РФ) содержит довольно редкую для страны в целом норму, в которой закреплено правовое положение языков малочисленных народов в виде исчерпывающего (и, следовательно, конкретного) перечня. «Эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками.

Республика Саха (Якутия) осуществляет государственную защиту и проявляет заботу о сохранении и свободном развитии этих языков» (ст. 6).

Государственные языки республики и местные официальные языки («языки народностей Севера»), как предусмотрено законодательством, могут применяться в деятельности органов управления, при составлении актов местных органов власти, в делопроизводстве, в переписке с органами власти, в учетно-статистической и финансовой документации предприятий и учреждений, в судопроизводстве, в нотариальной деятельности, при подготовке и проведении выборов, в сфере обслуживания, в оформлении публичной информации.

Таблица 3

Среда	Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
Внутренняя	Наличие нормативной правовой базы для реализации языковой политики	Недостаточно эффективная реализация принятых нормативных правовых актов в сфере языковой политики
	Наличие широкого круга заинтересованных лиц, включая органы управления Республики Саха (Якутия), институты гражданского общества	Недостаточное финансирование программных мероприятий языковой политики
	Наличие печатных и электронных средств массовой информации, использующих государственные и официальные языки	Недостаточный уровень образовательной и профессиональной квалификации работников средств массовой информации в области языковой компетенции, отсутствие средств массовой информации на языках коренных малочисленных народов Севера
	Наличие научных и научно-методических основ реализации Программы	Отсутствие последовательного, непрерывного внедрения результатов научных и научно-методических разработок в практику
	Наличие академических институтов, образовательных учреждений высшего профессионального обучения, ведущих фундаментальные и прикладные исследования в сфере языкознания	Недостаточно полное описание языков коренных народов республики, неполная фиксация языкового и фольклорного материала в устной и письменной формах, недостаточная разработка и обеспеченность словарями, разговорниками, электронными ресурсами и иной справочной литературой
	Наличие опыта реализации республиканских программ в данной сфере	Отсутствие программно-целевого управления и финансирования в сфере языковой политики

Окончание табл. 3

Среда	Возможности (О)	Угрозы (Т)
Внешняя	Реализация программно-целевого управления в сфере языковой политики на среднесрочную перспективу в запланированном объеме	Недостаточное финансирование Программы
	Повышение качества владения государственными и официальными языками в Республике Саха (Якутия)	Снижение уровня владения государственными языками, исчезновение языков коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия)
	Создание мультимедийной базы якутского как государственного и эвенского, эвенкийского, юкагирского как официальных языков в Республике Саха (Якутия)	Недостаток мультимедийной базы как средства фиксации и сохранения языков, недостаточная представленность языков коренных малочисленных народов Севера в сети Интернет
	Расширение сферы употребления государственных языков в Республике Саха (Якутия)	Сужение сферы употребления государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)

Еще одна из особенностей в подготовке мероприятий в области социально-коммуникативной ситуации – в документах стратегического планирования – использование современных аналитических инструментов (SWOT анализа).

SWOT – анализ выявил несоответствие уровня изучения и развития государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия) требованиям (см. табл. 3).

В Государственной программе «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)» на 2012–2016 гг., утвержденной Указом президента республики (от 12.10.2011 № 962), содержатся тревожные констатации относительно языков малочисленных народов, наделенных статусом местных официальных языков.

«Ситуация с родными языками народов Севера однозначно оценивается как кризисная и может служить инди-

котором общего социально-экономического неблагополучия коренных малочисленных народов Севера. Среди данного населения наблюдается постепенная утрата родных языков. Функционирование данных языков сведено до минимума (эвенский, эвенкийский), некоторые подошли к грани исчезновения (юкагирский)».

В документе были определены и параметры ресурсного обеспечения мероприятий по базовому и интенсивному сценариям (табл. 4).

Таблица 4

Предельный объем средств
на реализацию Программы с разбивкой по годам, *тыс. руб.*,
бюджет Республики Саха (Якутия)

Года	Финансирование	
	базовое	интенсивное
2012	10 976,4	17 331,1
2013	10 628,0	18 310,4
2014	11 738,5	20 363,6
2015	14 598,56	21 663,3
2016	16 892,4	22 331,6
Итого	64 833,40	100 000,00

Чувашская Республика первой из российских автономий приняла Закон «О языках в Чувашской Республике» 27 октября 1990 г. – еще в составе Союза ССР и, что принципиально, до принятия российского Закона «О языках народов РСФСР» в 1991 г. В качестве государственных языков были закреплены чувашский и русский. В преамбуле 1990-го года, по понятным причинам, не говорилось о «языковом суверенитете». Здесь отмечалось: «Граждане республики должны бережно относиться к родным языкам как хранилищу духовного культурного наследия предков, взаимно уважать языки и традиции. ...Чувашская ССР является единственным национально-государственным образованием чувашского народа. Забота о сохранении, возрождении и развитии чувашского

языка как важнейшего национального признака и основы всей его духовной культуры возлагается на чувашскую государственность».

Экспертами подчеркивается важная роль этого Закона в упрочении символических основ престижности чувашского языка. По словам одного из лидеров Чувашского национального конгресса А. Хузангая, «в какой-то степени изменилась нигилистическая установка части чувашских граждан и их взгляды на перспективы развития чувашского языка и в конечном итоге чувашской нации в целом»¹⁷³.

Практически новый Закон ЧР «О языках в Чувашской Республике» был принят Государственным советом в ноябре 2003 года, а в 2008, 2011, 2014 и 2015 годах в него вносились изменения. В процессе этих изменений в преамбуле Закона появилась, а впоследствии утратила силу (2015 г.) норма: «В соответствии с законодательством Российской Федерации Чувашская Республика способствует развитию двуязычия и многоязычия».

Если Закон 1990 года предусматривал использование обоих государственных языков практически во всех официальных сферах, то Закон 2003 года закрепил, например, порядок использования русского языка при напечатании избирательных бюллетеней и бюллетеней для голосования на референдуме и лишь в каких-то специальных случаях эти документы «могут печататься на русском и чувашском языках» (ст. 10, п. 2). Нотариальное производство по новому закону ведется на русском языке (ст. 14), что, вероятно, является вполне разумным порядком вещей.

В целом, согласно социолингвистическим оценкам, чувашский язык характеризуется высокими показателями демографической мощности – более миллиона человек «по распространенности превосходит некоторые государственные языки Европы (ирландский, исландский, люксембургский, мальтийский, ретороманский)»¹⁷⁴.

¹⁷³ *Самарина И.В.* Этноязыковая ситуация в Чувашской Республике // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е.Н. Чельшева. М., 2010. С. 540.

¹⁷⁴ *Фомин Э.В.* Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 827.

Постановлением Кабинета министров республики (от 13.09.2012 № 390) была утверждена республиканская целевая программа по реализации Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике», которая предусматривала следующее (табл. 5).

Таблица 5

Важнейшие целевые индикаторы и показатели Программы	К 2021 году предусматривается достижение следующих показателей: удовлетворенность населения качеством этнокультурного образования – 70 процентов от числа опрошенных; доля обучающихся общеобразовательных учреждений, изучающих государственные языки Чувашской Республики, – 100 процентов; удельный вес обучающихся, охваченных мероприятиями, развивающими национальную идентичность, – 80 процентов; удельный вес учителей родного языка, прошедших курсы повышения квалификации по вопросам этнокультурного образования, – 100 процентов; удельный вес обучающихся разных национальностей, компактно проживающих на территории Чувашской Республики, охваченных этнокультурным образованием, – 100 процентов; доля изданных научных трудов, рассмотренных и одобренных на научных форумах с участием ведущих специалистов в области гуманитарных наук, – 60 процентов
Срок реализации Программы	2013–2020 годы
Объемы и источники финансирования Программы	Предполагаемый общий объем финансирования Программы на 2013–2020 годы составляет 16875,9 тыс. рублей (в ценах 2012 года), в том числе: в 2013 году – 713,2 тыс. рублей; в 2014 году – 730,3 тыс. рублей; в 2015 году – 737,4 тыс. рублей; в 2016 году – 2590,0 тыс. рублей; в 2017 году – 2745,0 тыс. рублей; в 2018 году – 2625,0 тыс. рублей; в 2019 году – 3175,0 тыс. рублей; в 2020 году – 3560,0 тыс. рублей.

В данном случае также можно отметить, мягко говоря, незначительные объемы ресурсного обеспечения языковой политики – тысячные доли одного процента бюджета республики.

В поле экспертных суждений на предмет языковой политики в Чувашии есть довольно критические комментарии, принадлежащие, например, каталонскому социолингвисту Э. Алос-и-Фонта, который живет в Чебоксарах и работает научным сотрудником Чувашского государственного института гуманитарных наук. Автор ссылается на данные: только 23% школьников в Чебоксарах разговаривают с родителями по-чувашски, только 1% говорят с родителями только на чувашском языке. «Если посмотреть на программу по реализации закона «О языках в Чувашской Республике», она выглядит непрофессиональной и далекой от международных стандартов. Для сравнения этой 11-страничной программы с подобным документом другой страны, можно посмотреть, например, 324 страницы плана развития галисийского языка. Чувашская программа представляет собой список намерений, но почти нигде не определено, как можно эти намерения реализовать, и почти полностью отсутствуют целевые индикаторы и показатели их исполнения. Кроме этого становится очевидна серьезная ошибка в анализе и приоритетах программы: хотя главная проблема для сохранения чувашского языка – прекращение передачи языка на уровне семьи, прежде всего в городах, но не только. Данная проблема до настоящего времени не обозначена, также как и не предпринимается каких-либо специальных мер для ее решения»¹⁷⁵ (табл. 6).

Таблица 6

Динамика изучения тюркских языков как предмета (родного языка) в школах России в 2011–2016 гг.¹⁷⁶

Языки обучения	2011/2012 уч. год	2015/2016 уч. год	Изменения
Татарский	356 616	355 965	–651
Чувашский	104 548	105 512	+964
Башкирский	84 162	60 953	–23 219
Кумыкский	40 036	42 553	+2 517
Якутский (Саха)	31 092	23 239	–7851
Тувинский	22 154	22 109	–45

¹⁷⁵ Алос-и-Фонта Э. Оценка языковой политики в Чувашии: Статья, представленная на Международной тюркоязычной конференции (Чебоксары, 15–18 сент. 2010). URL: <http://cvlat.blogspot.com/2010/11/blog-post.html>

Окончание табл. 6

Языки обучения	2011/2012 уч. год	2015/2016 уч. год	Изменения
Карачаевский (карачаево-балкарский)	18 605	21 959	+3 359
Азербайджанский	13 956	12 353	–1593
Крымско-татарский		10 500	
Алтайский	10 110	9 802	–308
Балкарский (карачаево-балкарский)	6595	6 881	+286
Хакаский	4703	5667	+964
Ногайский	5527	4730	–797
Казахский	2993	3399	+406
Долганский	369	209	–160
Телеутский	0	101	+101
Шорский	222	100	–122
Тофаларский	0	53	+53
Турецкий	205	0	–205
Всего (без учета крымско-татарского языка)	701 881	675 575	–26 309

Экстралингвистические факторы политизации тюркской системы

Многое из того, что происходит в связи и по поводу тюркских языков в новейшей российской истории, часто получает комментарии, нагруженные политико-идеологическими коннотациями. Звучащие суждения здесь образуют определенный смысловой спектр – от таких, которые претендуют на объективную аналитику, и до прямых подозрений, ламентаций, инвектив и подобных стилистических формул. Критическую реакцию на те или другие процессы, связанные с пространством функционирования тюркских языков, можно проследить в двух контекстных перспективах – внутриполитической и геополитической. Рамки данного изложения не позволяют воссоздать картину информационного сопрово-

ждения политико-языковых поводов, возникающих в связи с обсуждением рассматриваемой темы, поэтому уместно было бы привести некоторые репрезентативные примеры.

Внутриполитический контекст формируется чаще всего в виде инерционных дискурсивных тенденций, в виде отголосков критики «парада суверенитетов» (который, по понятным причинам, ассоциируется с республиками, которые имеют тюркский этнолингвистический компонент, прежде всего – с Татарстаном). Причем часто идейно-политические аргументы, звучащие с различных сторон, включают мотивы предвзятости, использование набора стереотипов, сформировавшихся еще в начале 90-х годов в ситуации споров вокруг проблематики «центр – регионы», вокруг образов федерализма, националистических лозунгов, сепаратизма, «этнократии» VS унитаризма и проч., и проч. Оставляя в стороне бесчисленные одиозные «экспертные» упражнения полярной направленности (условно – процентрализаторские и этницистские), целесообразно обратить внимание на тезисы, содержащиеся в текстах, авторы которых обладают той или иной степенью официальных полномочий.

Так, в Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, которая одобрена приказом Министерства образования и науки РФ (от 3.08.2006 г. № 201) сформулированы интенции – опираясь на «современные представления о природе и существо этничности и объективных процессах ее развития сегодня», изложить принципиальные подходы к образовательной языковой политике. «Образовательное учреждение, реализующее общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, будучи транслятором языков и культур, объективно должно выступать консолидирующим, более того, системообразующим фактором как для собственно этноса, так и для всего полиэтнического общества в целом». И далее: «Опыт прошедшего десятилетия свидетельствует о том, что наряду с положительными результатами, нашедшими отражение, прежде всего, в увеличении количества языков, функционирующих в системе образования, появились и негативные тенденции. Принятый компонентный принцип организации содержания образования

создал условия для автономной постановки независимых, не совпадающих, а порой и конфронтирующих друг с другом образовательных стратегий, целей и задач, реализуемых на региональном и федеральном уровнях. Следствием этого стали: автономизация регионального (национально-регионального) компонента, установление его приоритетности по отношению к федеральному, понижение его связи с русским языком и культурой, превращением образовательного учреждения, реализующего общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках в *инструмент этнической мобилизации и использования его в качестве фактора перевода федеративных отношений в конфедеративные* (выделено нами. – Н. М., О. Я.)».

Не имеет смысла вдаваться в полемику с составителями этого официального документа по форме и по сути логики, на которой строятся оценки. Насколько, в частности, учебные заведения, находящиеся под жестким бюрократическим контролем, могут «переводить» федеративные отношения в конфедеративные или играть роль «инструмента» этнической мобилизации... Вместо этого уместно обратиться к результатам академических исследований в сфере этносоциологии и социологии языка, содержащих добротную и научно обеспеченную эмпирику.

Исследование в рамках государственного задания «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации» в регионах Приволжского федерального округа (где сосредоточено большинство носителей тюркских языков), установленного Министерством образования и науки РФ (2015 г.), приводит к выводам, в числе которых:

- напряжение в обществе, вызванное ограничениями национально-языкового и этнокультурного образования, «не преодолевается, а даже углубляется»;
- национально-региональный компонент, в основе которого лежала *«идея»* воспитания этнически ориентированной личности с признаками готовности воспринимать националистические догматы», тем не менее «хоть как-то обслуживал потребности населения, связанные с разнообразием местных языков и региональных культур»;

- на смену национально-региональному компоненту приходит «мудреный правовой механизм, следовать которому решаются немногие. ...В такой ситуации школе легче выполнить приказ свыше, чем проявлять инициативу и брать на себя ответственность»;
- поддержка культурного и языкового многообразия – стратегическая установка государственной национальной политики;
- за период с 2002 по 2010 гг. количество школ с изучением языков народов России в масштабах страны сократилось в 3 раза (!);
- большинство (76%) экспертов на данных ПФО полагают, что «изучение родных языков и этнических культур не может снижать общий уровень образовательной подготовки учащихся и ограничивать их перспективы на общероссийском рынке труда»;
- результаты ЕГЭ по русскому языку в республиках и областях ПФО фактически совпадают – 98,0% и 98,3%;
- в субъектах РФ, входящих в ПФО и имеющих статус республик, школьники и студенты, которые изучали национальные языки, демонстрируют *высокий уровень гражданской идентичности* – 82% [выделено нами. – Н. М., О. Я.];
- «сокращение преподавания национальных языков может привести к росту межнациональной напряженности в регионах ПФО»¹⁷⁷.

Необходимо также отметить, что в публичном информационном пространстве по поводу языковой политики присутствуют суждения не просто экспертов, но специалистов, представляющих авторитетные институты. На одном из «круглых столов», который проходил в середине июня 2018 г. в Казани, руководитель Центра этнокультурной стратегии образования Ольга Артеменко говорила: «Я думаю, что все, что происходит в системе образования именно в вопросах преподавания языков, в большей степени определяется отсутствием ясной, понятной государственной позиции по отношению к статусу языков народов Российской Федерации. ...Я не случайно сказала, что если бы

¹⁷⁷ Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 881, 884, 886, 888.

не Татарстан с учебниками по истории, национально-региональный компонент был бы. Если бы не Татарстан со своим языком 5–6 часов в неделю, то проблем с языками не было бы... (выделено нами. – Н. М., О. Я.)¹⁷⁸. «Если б не республика Татарстан, то в системе образования был бы национально-региональный компонент. Если бы не республика Татарстан, то у нас не было бы такого поручения со стороны Путина и не было бы таких коллизий, которые возникли в результате прокурорских проверок. Что есть – то есть. Объективная вещь»¹⁷⁹. Не прибегая к каким-то пространным комментариям этой позиции, можно все же заметить специфический смысловой строй этих высказываний – неприятие (чем бы оно ни было мотивировано) образовательной политики одной республики влечет за собой решения, ставящие под вопрос будущее языкового и этнокультурного многообразия всей страны в целом.

Инициированные законодательные новации, предполагающие принцип добровольности изучения школьниками родных языков, получили сильнейший информационно-политический резонанс. Публичная полемика по этому поводу – тема, требующая отдельного исследования. В данном случае достаточно была бы отсылка к положениям, высказанным исследователями из Института этнологии и антропологии РАН: «Понимая на свой лад идею упрочения единства образовательного пространства, исполнители в некоторых российских регионах излишне рьяно повели борьбу с культурными различиями в образовательной сфере, забывая, что единство не означает единственного варианта. Плоды этих усилий уже имеют последствия: общественно-политический дискурс переполнен заблуждениями и социальными фобиями, которые серьезно затрудняют принятие управленческих решений»¹⁸⁰.

Геополитический контекст любых обсуждений процессов, происходящих в социально-коммуникативной среде тюркских языков, так или иначе – эксплицитно или импли-

¹⁷⁸ Артеменко О. «Если бы не Татарстан, не было бы ни слов Путина, ни проверок в школах». URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/385399>

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Тишков В.А., Степанов В.В. Указ. соч. С. 880.

цитно – вовлекает в повестку фактор Турции и пантюркизма. Особенную актуализацию это приобретало в связи и вокруг ситуации, связанной с намерениями перевести татарский язык на латинскую графическую основу, или, к примеру, с деятельностью турецких лицеев в некоторых регионах РФ¹⁸¹. Кризисные эпизоды российско-турецких отношений последних лет также порождают своеобразную ситуацию в фокусировке внимания на связях российских регионов, в которых тюркские языки имеют статус республиканских государственных языков с государствами международного тюркского сообщества. Это порождает во множестве различные дискурсивные эффекты в публично-информационном поле, в том числе – из категории наивно-любительских, химерических или алармистских.

Трансграничные (в международно-политическом смысле) аспекты социально-коммуникативных систем – это обособленная область исследовательских интересов. В данном изложении целесообразно обратиться к определенному сюжету сравнительного плана.

В отличие от финно-угорского этноязыкового сообщества международного и внутрироссийского уровней, народы с тюркскими идео-этническими языками как многосторонняя коллективная сущность не получают системной институциональной поддержки со стороны властей Российской Федерации.

Так, Федеральное агентство по делам национальностей РФ (ФАДН) разработало Комплекс мер по этнокультурному развитию финно-угорских народов Российской Федерации, который утвержден распоряжением заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А.Г. Хлопонина от 15 декабря 2016 г. № 9633-П44. Мероприятия в области социально-экономического и этнокультурного развития финно-угорских народов России получают государственную под-

¹⁸¹ Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Татарстан в условиях централизации по-путински // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная. Москва: Саппоро, 2004. С. 354–364; Мухарямова Л.М. Татаро-турецкие лицаи как проект // Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ татарского языка). Астана: Контана-пресс, 2011. С. 289–309.

держку, так же как и сотрудничество со структурами ООН, Совета Европы, ОБСЕ, Арктического совета.

Речь идет о российском сообществе языков и культур 22 народов, численность которых составляет 1,7% от всего населения страны.

В российских и международных съездах этого сообщества принимали участие и первые лица Российского государства.

Применительно к тюркским народам Российской Федерации такой символической и ресурсной поддержки, можно сказать, не происходит. Субъекты РФ – республики с тюркским этноязыковым компонентом – на многостороннем уровне в соответствующие международные структуры не входят.

Один организационный контур составляют межгосударственные институты и ивент-структуры (например, регулярно проводимые с 1992 г. саммиты государств тюркских языков). Действуют Тюркский совет (Совет сотрудничества тюркских стран в составе Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Туркмении), созданный в 2009 году и его учреждения – Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Парламентская ассамблея (TURCPA), Тюркская академия, Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Российские республики входят в ТЮРКСОЙ на правах наблюдателей.

Другой организационный контур связан с деятельностью неправительственных организаций, претендующих на особую субъектность в тюркском пространстве, которые также регулярно проводят свои курултай, формируя повестку, отмеченную чертами оппозиционного фрондерства и амбициозными притязаниями на самобытную интегрирующую символизацию этого пространства.

Свою нишу – расширенной в геополитическом плане и обостренной этнополитической повестки – в тюркоязычном мире занимает Международная организация тюркской молодежи (МОТМ). В данном случае контуры тюркского пространства выходят далеко за пределы имплицитной формулы саммитов «один народ, живущий в шести странах». На своих курултаях молодые активисты артикулируют проблематику, которую государственные лидеры в рамках дипломатического дискурса и из международно-политических соображений

обходят молчанием. Помимо лозунгов МОТМ относительно «единения в языке и образовании», это, например, осуждение политики официального Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в терминах геноцида, а также критика государств Центральной Азии, ограничивающих деятельность организаций «Восточного Туркестана» на своей территории; действия иракских властей по отношению к туркменам; «ассимиляцию тюркских народов, составляющих почти половину населения Ирана». Декларируется солидарность фактически со всеми миноритарными движениями тюрков в Болгарии, Греции (Западная Фракия), Косово, Грузии, Македонии, с турецкими диаспорами в Европе¹⁸².

В целях создания благоприятных условий для этноязыкового развития тюркских народов России, последовательной реализации стратегических установок государственной национальной политики экспертному сообществу еще предстоит разработать взвешенное и беспристрастное видение «пантюркистского» фактора, свободного от политико-идеологических стереотипов.

¹⁸² Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Тюркоязычный и финно-угорский «миры» как символические языковые пространства // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. М., 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 135–154.

Приложение 1

Состав населения	Численность населения соответствующей национальности	Имеющие высшее образование	Имеющие общее образование		
			среднее (полное)	основное	начальное
Республика Алтай	157 110	29 105	29 821	24 994	9253
алтайцы	50 516	8989	10 989	8673	2942
теленгиты	2533	392	664	438	155
тубалары	1404	182	315	269	83
челканцы	805	154	150	126	40
казахи	8904	1701	1903	1342	535
кумандинцы	841	148	132	116	46
Городское население в возрасте 15 лет и более	45 904	12 871	6750	5084	1663
алтайцы	10 114	3203	1736	1284	204
теленгиты	189	54	41	22	1
тубалары	246	77	40	22	6
челканцы	147	59	21	16	—
казахи	1046	261	230	143	14
кумандинцы	368	87	57	40	20
Сельское население в возрасте 15 лет и более	11 1206	16 234	23 071	19 910	7590
алтайцы	40 402	5786	9253	7389	2738
теленгиты	2344	338	623	416	154
тубалары	1158	105	275	247	77
челканцы	658	95	110	40	8
казахи	7858	1440	1199	521	121
кумандинцы	473	61	76	26	10
Республика Башкортостан	3 377 013	563 377	553 701	389 442	218 602
башкиры	951 460	141 226	176 633	124 144	73 980
татары	849 132	159 672	130 209	90613	51 124

Продолжение

Состав населения	Численность населения соответствующей национальности	Имеющие высшее образование	Имеющие общее образование		
			среднее (полное)	основное	начальное
Городское население в возрасте 15 лет и более	2 074 287	433 538	289 644	186 923	85 808
башкиры	397 285	86 942	60 582	37 457	14 802
татары	528 844	120 044	72 566	46 613	20 694
Сельское население в возрасте 15 лет и более	1 302 726	129 839	264 057	202 519	132 794
башкиры	554 175	54 284	116 051	86 687	59 178
татары	320 288	39 628	57 643	44 000	30 430
Республика Дагестан	2 176 096	393 064	693 277	317 283	142 352
кумыки	321 614	60 642	90 021	42 898	16 910
ногайцы	30 374	4137	10 091	5589	1639
Городское население в возрасте 15 лет и более	1 008 557	271 189	231 789	95 862	37 479
кумыки	165 753	41920	37754	15755	5714
ногайцы	5315	786	1773	780	255
Сельское население в возрасте 15 лет и более	1 167 539	121 875	461 488	221 421	104 873
кумыки	321 614	60 642	90 021	42 898	16 910
ногайцы	30 374	4137	10 091	5589	1639
Республика Татарстан	3 195 897	699 697	653 898	334 322	189 255
татары	1 697 162	368 849	351 895	184 628	110 510
башкиры	12 729	2399	2938	936	356

Продолжение

Состав населения	Численность населения соответствующей национальности	Имеющие высшее образование	Имеющие общее образование		
			среднее (полное)	основное	начальное
Городское население в возрасте 15 лет и более	2 415 485	615 020	454 880	205 337	98 600
татары	1 169 765	305 964	220 170	98 287	48 057
башкиры	11 270	2248	2561	775	278
Сельское население в возрасте 15 лет и более	780 412	84 677	199 018	128 985	90 655
татары	527 397	62 885	131 725	86 341	62 453
башкиры	1459	151	377	161	78
Республика Тыва	219 525	33 172	48 505	33 645	9972
тувинцы	171 959	24 559	41 123	27 446	7451
Городское население в возрасте 15 лет и более	120 920	23 692	23 779	14 407	3868
тувинцы	82 607	15 907	18 260	10 075	2171
Сельское население в возрасте 15 лет и более	98 605	9480	24726	19238	6104
тувинцы	89 352	8652	22 863	17 371	5280
Карачаево-Черкесская Республика	386 518	92 787	88 289	36 304	22 575
карачаевцы	152 621	42 309	42 569	13 940	8701
ногайцы	12 623	2746	2786	1258	841
татары	1479	299	339	138	81
Городское население в возрасте 15 лет и более	170 322	52 662	29 541	13179	6361
карачаевцы	55 221	21093	11 192	3979	1990
ногайцы	1715	675	252	108	49
татары	870	223	187	71	26

Продолжение

Состав населения	Численность населения соответствующей национальности	Имеющие высшее образование	Имеющие общее образование		
			среднее (полное)	основное	начальное
Сельское население в возрасте 15 лет и более	216 196	40 125	58 748	23 125	16 214
карачаевцы	97 400	21 216	31 377	9961	6711
ногайцы	10908	2071	2534	1150	792
татары	609	76	152	67	55
Республика Хакасия	438 911	78 897	88 852	58339	24651
хакасы	49 800	8265	12 368	7952	2744
Городское население в возрасте 15 лет и более	299 785	63 914	55 272	32 128	13 258
хакасы	19 962	4542	4372	2270	568
Сельское население в возрасте 15 лет и более	139 126	14 983	33 580	26 211	11 393
хакасы	29 838	3723	7996	5682	2176
Чувашская Республика	1 055 109	196 253	214 786	121 993	61 498
чуваша	690 409	118 688	152 734	88 311	43 785
Городское население в возрасте 15 лет и более	623 752	145 381	110 773	49 357	18 786
чуваша	329 770	75 954	65 262	27 480	8844
Сельское население в возрасте 15 лет и более	431 357	50 872	104 013	72 636	42 712
чуваша	360 639	42 734	87 472	60 831	34 941
Республика Саха (Якутия)	749 771	154 844	164 214	74 711	23 205
якуты	352 664	83 170	80 916	34 292	12 202

Продолжение

Состав населения	Численность населения соответствующей национальности	Имеющие высшее образование	Имеющие общее образование		
			среднее (полное)	основное	начальное
Городское население в возрасте 15 лет и более	495 529	117 513	97 009	41 654	11 115
якуты	145 145	49 827	27 098	9531	2820
Сельское население в возрасте 15 лет и более	254 242	37 331	67 205	33 057	12 090
якуты	207 519	33 343	53 818	24 761	9382
Кабардино-Балкарская Республика	695 037	143 330	158 282	71 563	31 067
балкарцы	87 176	23 307	17 300	6864	4671
турки	9614	364	3122	3422	865
Городское население в возрасте 15 лет и более	385 896	98 550	72 392	32 495	12 722
балкарцы	39 579	12 606	6699	2565	1217
турки	4524	214	1617	1285	407
Сельское население в возрасте 15 лет и более	309 141	44 780	85 890	39 068	18 345
балкарцы	47 597	10 701	10 601	4299	3454
турки	5090	150	1505	2137	458

Приложение 2

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Диаграмма 3

Диаграмма 4

Диаграмма 5

Диаграмма 6

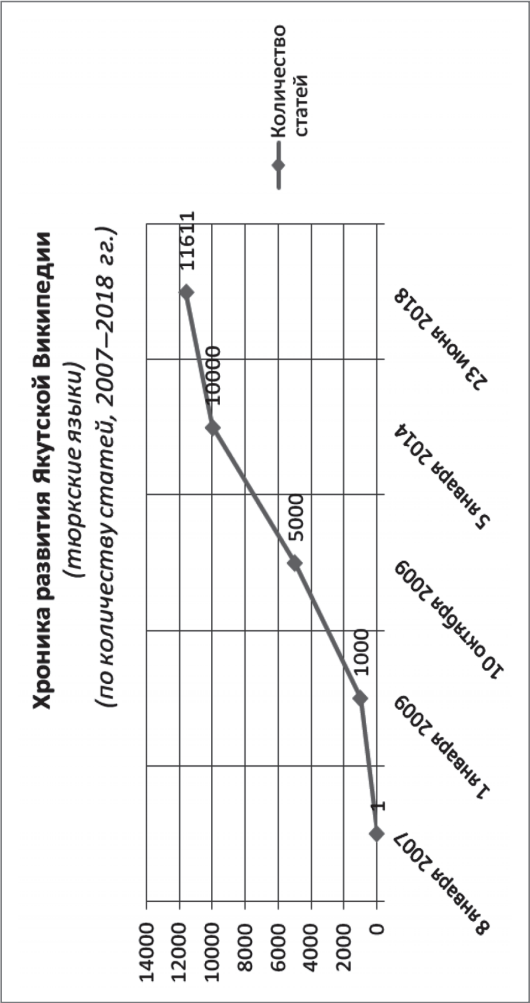

Диаграмма 7

Приложение 3

Диаграмма 8

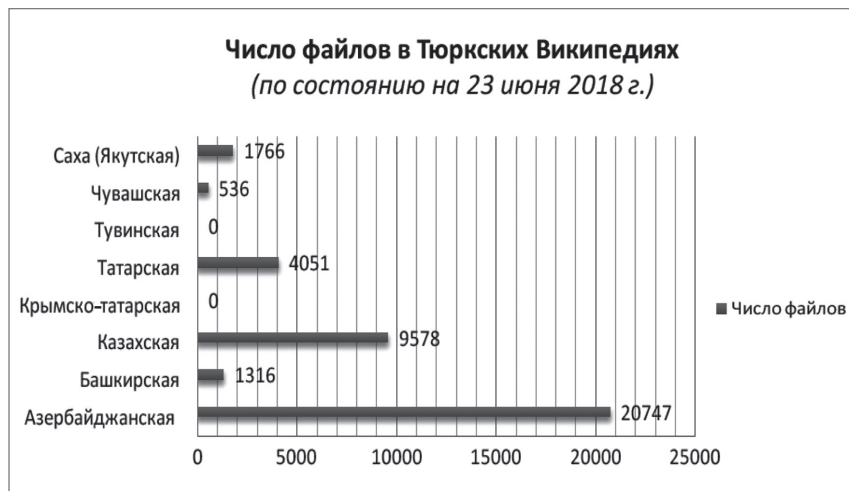

Диаграмма 9

Диаграмма 10

Диаграмма 11

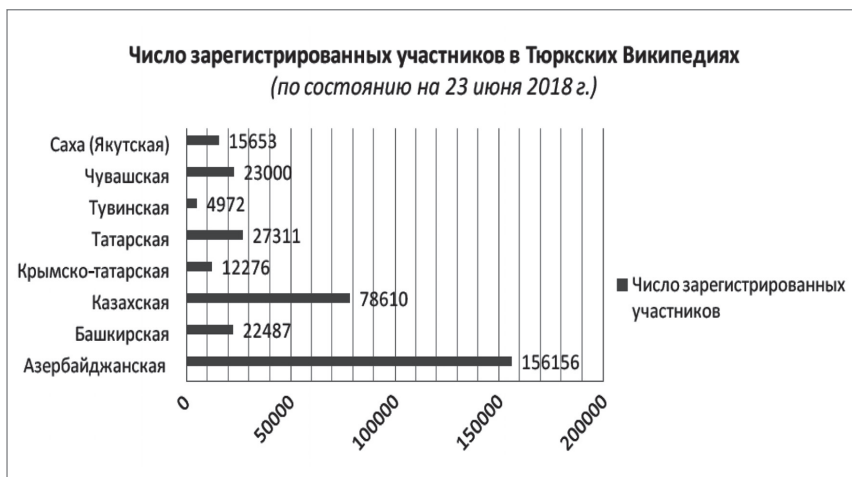

Диаграмма 12

Диаграмма 13

Диаграмма 14

ц

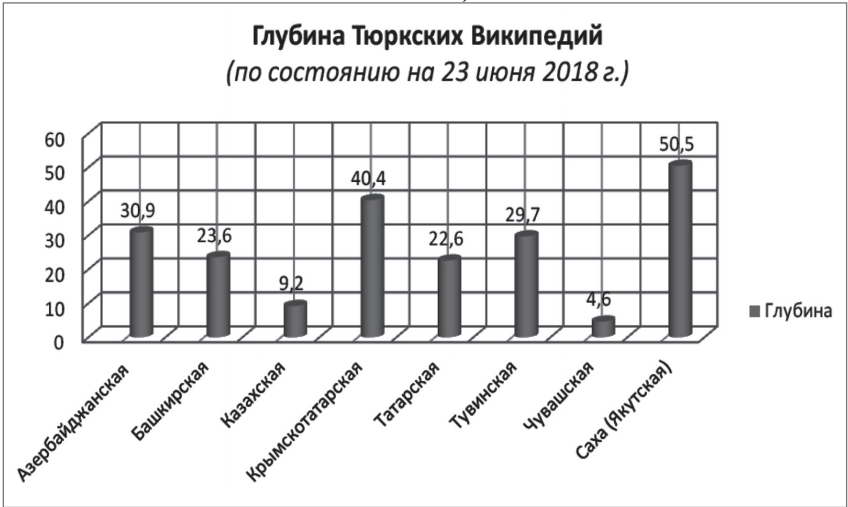

Диаграмма 15

Приложение 4

Тюркские Википедии (языки России)	Тюркские Википедии							
	(статистические данные по состоянию на 23 июня 2018 г.)							
	Количество статей	Количество файлов	Количество страниц	Количество правок	Число зарегистрированных участников	Число активных участников	Число администраторов	Глубина
Азербайджанская	135 688	20 747	350 297	4 325 007	156 156	585	16	30,9
Алтайская (инкубатор)	51	0	0	0	0	0	0	0
Башкирская	43 201	1316	125 438	815 896	22 487	58	7	23,6
Долганская (инкубатор)	4	0	0	0	0	0	0	0
Казахская	221 900	9578	522 304	2 625 785	78 610	210	16	9,2
Карачаево-балкарская (нет страницы)	2026	0	0	0	0	0	0	0
Крымско-татарская	5867	0	20241	136 203	12 276	19	1	40,4
Кумыкская (инкубатор)	23	0	0	0	0	0	0	0

Ногайская (инкубатор)	10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Североалтайская (инкубатор)	29	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сибирскотатарская (инкубатор)	62	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татарская	79 710	4051	188 751	227 6846	27 311	74	3	22,6			
Тувинская	1662	0	5904	26 957	4972	16	0	29,7			
Хакасская (инкубатор)	54	0	0	0	0	0	0	0			
Чувашская	41 298	536	71 091	632 184	23 000	38	2	4,6			
Чулымская (инкубатор)	1	0	0	0	0	0	0	0			
Шорская (инкубатор)	16	0	0	0	0	0	0	0			
Саха (Якутская)	11 611	1766	39 820	340 605	15 653	44	2	50,5			

Приложение 5

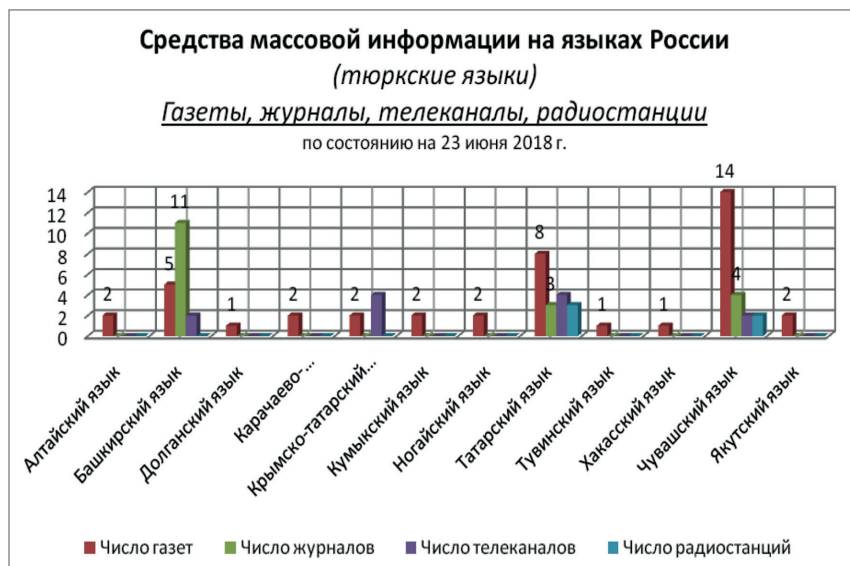

Диаграмма 16

Диаграмма 17

Диаграмма 18

Диаграмма 19

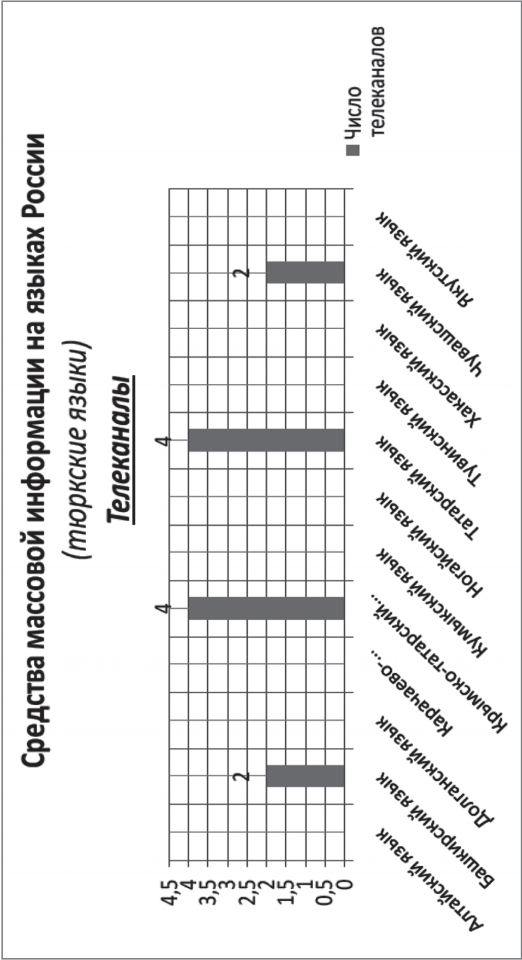

Диаграмма 20

Приложение 6

Языки сайтов государственных органов
(тюркские языки)

Республика	Язык сайта государственного органа	
	Парламент	Правительство
Алтай	русский	русский
Башкортостан	русский, башкирский	русский, башкирский, английский
Дагестан	русский, английский	русский
Кабардино-Балкария	русский	русский
Карачаево-Черкесия	русский	русский
Крым	русский	русский
Саха (Якутия)	русский	русский, якутский, английский
Татарстан	русский, татарский	русский, татарский, английский
Тыва	русский	русский, есть новости на тувинском
Хакасия	русский	русский
Чувашия	русский, чувашский	русский, чувашский

Литература

- Алос-и-Фонта Э.* Оценка языковой политики в Чувашии / Статья, представленная на Международной тюркологической конференции (Чебоксары, 15–18 сент. 2010). URL: <http://forum.na-svyazi.ru>
- Алпатов В.* Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
- Арефьев А.Л.* Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. М.: Юрайт, 2018. 311 с.
- Артеменко О.* «Если бы не Татарстан, не было бы ни слов Путина, ни проверок в школах». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/385399>
- Артеменко О.* Поручение Путина о необязательности уроков родного языка спровоцировал Татарстан. URL: <https://www.idelreal.org/a/29287072.html>
- Баскаков А.Н.* Алтайский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000. С. 53–65.
- Баскаков А.Н.* Башкирский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000. С. 65–82.
- Баскаков А.Н., Насырова О.Д.* Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34–129.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Сер.: Авторский учебник.
- Биткеева А.Н.* Языковая политика // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 629–636.
- Борзякова Т.Г.* Языковое законодательство Республики Хакасия: изменения и практика применения // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е.П. Чельшева. М., 2010. С. 521–524.
- Борисова Н.В.* «Сила» территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 62–82.
- В Уфе состоялось обсуждение госпрограммы по сохранению и развитию государственных языков и языков народов Башкортостана // ИА «Башинформ». 24 января 2018. URL: <http://www.>

- bashinform.ru/news/1107924-v-ufe-sostoyalos-obsuzhdenie-gosprogrammy-po-sokhraneniyu-i-razvitiyu-gosudarstvennykh-yazykov-i-yaz/
- Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхоновский В.Я.* Социолингвистическая типология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 136 с.
- Горячева М.А.* Языковая ситуация в Республике Алтай // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 677–686.
- Иванов В.* Почему невозможно формирование тюркского НАТО. Языковой вопрос в обеспечении безопасности России // Независимое военное обозрение. 2017. 15 дек.
- Кирилина А.В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XX века: Сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. И.Н. Трошина. М., 2015. С. 122–135.
- Кожемякина В.А.* Языковая ситуация в Республике Башкортостан // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 686–694.
- Крючкова Т.Б.* Социально-коммуникативная система // Язык и общество. Энциклопедия: М.: Азбуковник, 2016. С. 434–436.
- Минобрнауки потребовало не заставлять школьников учить национальные языки // Деловая газета «Взгляд». 2017. 27 нояб. URL: https://news.rambler.ru/education/38550201-minobrnauki-potrebovalo-ne-zastavlyat-shkolnikov-uchit-natsionalnye-yazyki/?utm_medium=read_more&utm_content=rnews&utm_source=copylink
- Михальченко В.Ю.* Социолингвистика как научная дисциплина // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 449–453.
- Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.* Татарстан в условиях рецентрализации по-путински // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная. Москва; Sapporo, 2004. С. 312–366.
- Мухарямов Н.М., Януш О.Б.* Тюркоязычный и финно-угорские «миры» как символические языковые пространства // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. М., 2016. С. 135–154.
- Мухарямов Н.М.* Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017. С. 677–684.

- Мухарямова Л.М.* Татаро-турецкие лица как проект // Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ татарского языка). Астана: Кантана-пресс, 2011. С. 289–309.
- Орешкина М.В.* Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 835–847.
- Пиневич Е.В., Стародубцев В.Ф.* Социолингвистика. М.: Экономика, 2011. 215 с.
- Самарина И.В.* Этноязыковая ситуация в Чувашской Республике // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е.П. Чельшева. М., 2010. С. 526–564.
- Сохранение государственных языков и языков народов Башкирии обойдется в сотни миллионов рублей – Рустэм Хамитов. URL: https://proufu.ru/news/society/sokhranenie_bashkirskogo_yazyka_obyedetsya_v_sotni_millionov_rublei_rustem_khamitov/
- Тишков В.А., Степанов В.В.* Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879–890.
- Фомин Э.В.* Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 824–833.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1976. 216 с.

Ю.П. Шабает

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором этнографии
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН*

Уральские народы в этнополитическом ландшафте России: региональный национализм и этнополитика

Об уральском языке и уральской прародине
(научные истоки современного
финно-угорского этнонационализма)

Уральские народы объединяются в единую общность по языковому признаку. Многочисленные этнические группы Северной Евразии от финнов, саамов и венгров на западе до нганасан и селькупов на востоке говорят на языках, обнаруживающих между собой более значительные сходства, чем с любыми другими языками. Это дает основания полагать, что все эти языки образовались в результате разделения и исторической эволюции единого уральского праязыка, на котором говорил единый уральский пранарод. Концепция пранарода, уральской прародины и уральского праязыка есть лишь научная гипотеза, у которой нет достаточной доказательной базы, но каких-либо обоснованных альтернативных гипотез происхождения уральцев и их языков не выдвинуто, если не считать попытки обосновать туранское происхождение венгров, т. е. их культурную общность не с уральцами, а с кочевыми тюркскими народами, которая в Венгрии весьма популярна. Название «уральский» закрепилось за этим праязыком и пранародом в связи с тем, что, как полагают ученые, территория расселения говорившего на этом праязыке

пранарода (уральская прародина) географически располагалась около Урала.

Уральская языковая семья делится на две больших ветви – финно-угорскую и самодийскую. Самодийская ветвь включает современные ненецкий, энецкий, нганасанский и селькупский языки. Финно-угорская ветвь далее делится на две менее крупные ветви – угорскую и финно-пермскую. Угорская группа включает венгерский и более близкие друг к другу мансийский и хантыйский языки (последние объединяют под общим названием обско-угорских). Финно-пермские языки делятся на несколько групп, каждая из которых объединяет более близкородственные между собой языки. Пермская группа включает коми (коми-зырянский и коми-пермяцкий) и удмуртский языки. В волжскую группу входят марийский и два мордовских языка – мокшанский и эрзянский. К прибалтийско-финской группе принадлежат финский, эстонский, карельский, а также языки ливов, вепсов, ижоры, води. Языки саамов, которые раньше часто считались диалектами единого саамского языка, представляют собой особую группу, обнаруживающую наиболее тесные связи – с прибалтийско-финской.

Некоторые исследователи склонны включать в состав уральской языковой семьи также юкагирскую ветвь (два современных юкагирских языка и вымершие чуванский и омокский). В последнее время эта гипотеза подвергается серьезной критике, так как сходство некоторых элементов в словаре и грамматике юкагирских языков с самодийскими и финно-угорскими можно скорее объяснить древними контактами, а не генетическим родством. С другой стороны, недавно были обнаружены и систематизированы свидетельства особой близости к уральской семье монгольских языков. Вопрос о возможном урало-монгольском родстве пока не получил окончательного решения.

Идея о том, что саамы, финны и венгры являются потомками одного древнего народа и у них была общая прародина, первоначально была высказана и обоснована через языковое сравнение еще в XVIII в. венгерским ученым Я. Шайновичем. В XIX в. были составлены научные грамматики почти всех финно-угорских и самодийских языков, началась систематическая разработка финно-угорского сравнительно-исторического языкознания.

Значительное влияние на изучение проблемы прародины оказала разработка приемов и методов лингвистической палеонтологии, суть которых состояла в том, чтобы на основании имеющихся в современных языках уральской семьи названий животных и растений, происходящих из общеуральского языка-основы, вычленить ареал расселения предков уральских народов. Этот прием впервые был использован русским ученым Ф.П. Кеппеном, который пытался определить общую прародину финно-угорских и индоевропейских народов. На основании исторических и географических сведений он установил, что на азиатских территориях, где предположительно размещалась угро-финско-индоевропейская прародина, в древности не знали пчеловодства. Исходя из этого, он предположил, что прародина финно-угров и индоевропейцев находилась в районе слияния рек Волги и Камы, где издавна существовала практика сбора меда диких пчел, а саму эту практику он посчитал специфической особенностью названных народов. Но в гипотезе Кеппена есть весьма уязвимые места, поскольку, к примеру, в Сибири задолго до появления домашних пчел был распространен шмель и существовал обычай собирать его мед, а потому слова *méz* («мед») и *méh* («пчела»), которые были им положены в основу своих умозаключений, не обязательно связаны с областями, расположенными к западу от Урала.

Дальнейший прогресс в поисках прародины уральских народов связан с появлением в 1961 г. работы профессора археологии Д. Ласло «Самые ранние периоды нашей древней истории», в которой он обратил внимание на то, что под влиянием климатических изменений менялись условия жизни и ареалы распространения отдельных представителей флоры и фауны. Эти изменения можно проследить с помощью анализа следов спор цветочной пыльцы, которые очень долго сохраняются в различных слоях грунта. На основании исследований пыльцы различных цветов ученый установил, что уральскую прародину необходимо искать ближе к центру Европы, чем предполагали прежде, ибо в эпоху мезолита и неолита на территориях, прилегающих к западным и восточным склонам Урала, климат был настолько суров, что там не могло быть постоянного населения.

Несомненной заслугой Д. Ласло является комплексный подход к решению проблемы определения уральской пра-

родины. Одновременно с результатами археологических и антропологических исследований он использовал и данные лингвистики. Согласно его теории, прародина уральских народов занимала обширную территорию от современной Польши и стран Балтии до реки Оки. В число предков уральцев, по его мнению, на западе входили племена, относящиеся к свиридовской археологической культуре эпохи мезолита. Но известный венгерский языковед Петер Хайду подверг серьезной критике эту теорию, отметив в ней серьезные ошибки лингвистического характера. Он предложил свою версию определения прародины. Хайду в первую очередь проанализировал слова, относящиеся к общеуральскому языковому пласту. Не рассматривая названия из мира фауны, он отобрал всего десять названий растений, принадлежащих к общеуральскому лексическому фонду: семь из них он отнес к эпохе прауральского языкового единства, а остальные три, не имеющие самодийских аналогов, отнес к эпохе финно-угорской общности. Все избранные им для установления прародины растения представляют собой названия деревьев, которые одинаково характерны для сибирской тайги и для европейской зоны смешанных лесов. Особую роль при определении прародины уральских народов, по мнению Хайду, играет вяз. Его название является общим для всех финно-угорских народов. Согласно данным анализа цветочной пыльцы, в предшествовавшие новой эре тысячелетия ареал произрастания вяза простирался по Европе в восточном направлении до северных границ Уральского хребта и верховьев Печоры. Для этих же территорий были свойственны хвойные древесные породы, названия которых являются общими по своему происхождению в современных языках уральской семьи.

Ученый высказал мысль о том, что уральскую прародину нужно искать там, где все эти породы встречаются рядом на относительно компактной территории. В VI–IV тыс. до н. э. эти породы деревьев могли произрастать вместе в Западной Сибири и на северо-западных склонах Уральских гор. Долгое время взгляды Хайду не подвергались сомнению, но в последние годы возникли новые теории, согласно которым заселение Скандинавии, к примеру, состоялось много раньше, чем полагали прежде, а в этногенезе финнов, саамов большую роль сыграли группы людей, мигрировавших с территории совре-

менной Германии и Дании. Однако названные теории имеют слабую доказательную базу, поскольку опираются в основном на данные археологии, которые не позволяют сделать обоснованные выводы о характере этнической эволюции населения.

Уральские языки обладают очень большим разнообразием и сегодня заметно отличаются друг от друга, что связано с общей историей развития уральских народов и обширной территорией расселения их носителей.

Традиционно историю уральских языков принято представлять в виде последовательного дробления цепочки праязыков, которые совместно с современными языками составляют родословное древо языков.

Прауральский язык-основа, от которого собственно и берут начало все уральские языки, согласно традиционной точке зрения, которая продолжает доминировать в финно-угроведении, распался на прафинно-угорский и прасамодийский не позднее VI–IV тыс. до н. э. Прафинно-угорский существовал до конца III тыс. до н. э. и затем распался на прафинно-пермский и праугорский. Примерно в середине II тыс. до н. э. прафинно-пермский язык в свою очередь распадается на прафинно-волжский и прапермский и к VIII в. н. э. из прапермского формируются коми и удмуртский языки (из прафинно-волжского языка до конца I в. н. э. сформировался прибалтийско-финский, впоследствии также распавшийся на финский, эстонский, карельский и другие языки). Из праугорского в середине I тыс. до н. э. выделяются венгерский и обско-угорские языки.

Восстанавливаемая праязыковая лексика (то есть наиболее древний пласт языков), или лексика, представляемая как праязыковая, позволяет представить в общих чертах специфику материальной культуры носителей праязыка. Наиболее показательно здесь отсутствие в прауральском и прафинно-угорском лексиконе терминов, свидетельствующих о знакомстве с земледелием и скотоводством. Реконструированная прауральская и прафинно-угорская лексика не дает также оснований предполагать знакомство носителей этих праязыков с металлургией и, возможно, металлами вообще.

Проблема определения прародины носителей прауральского и прафинно-угорского языков решается с помощью уже упомянутого метода «лингвистической палеонтологии»,

но при более строгом его использовании. Применение этого метода дает основание полагать, что уральская прародина все же находилась в зоне сибирской темной тайги, а для VI–IV тыс. до н. э. это означало территорию, расположенную в основном восточнее Урала: между бассейном нижней и средней Оби и верхним течением Печоры. Но уже для прафинно-угорской эпохи характерен сдвиг территории расселения древних финно-угров в район Прикамья. Именно отсюда впоследствии финно-угры расселились по местам своего нынешнего проживания. Одни племена мигрировали отсюда довольно рано, другие, как, например, венгры, достаточно поздно, что позволило зафиксировать этот процесс в письменных источниках. Сегодня общая численность уральских народов составляет 23–25 млн чел., крупнейшими из них являются венгры, финны, мордва и эстонцы. Но определить точную численность некоторых из этих народов довольно трудно из-за большого количества переходных маргинальных групп, находящихся в процессе аккультурации или ассимиляции. В отношении венгров это можно сказать о той части этнического сообщества, которая проживает в румынской Трансильвании и отчасти в Словакии, а применительно к восточнофинским народам России – это можно сказать обо всех этих народах.

Региональный национализм в современной России

В современной России как на уровне государственной идеологии, так и на уровне массового сознания (массовых настроений и представлений) все более влиятельной становится идея гражданской российской нации и российской гражданской идентичности, которая воспринимается некоторыми этническими активистами как прямая угроза сохранению этнической отличительности граждан. И в этой связи символическое противостояние между гражданским и местным национализмом становится все более очевидным.

Национализм многообразен в своих проявлениях. В современном общественном сознании принято делить национализм на гражданский или государственный, и этнический (этнокультурный или культурный). Первый тип националистической

идеологии основывается на том, что под нацией понимается политическая общность, т. е. сообщество, основанное на гражданской солидарности. Второй тип исповедует идею, согласно которой нация представляет собой этнокультурное сообщество, т. е. сообщество, объединенное этнической солидарностью.

При этом, как полагают некоторые исследователи, этнический национализм может быть политическим или культурным. Политический этнонационализм имеет целью достижение или удержание власти определенной этнической группой. Цель культурного этнонационализма – сохранение целостности народа, поддержание и развитие его языка, культуры, исторического наследия. Он считается позитивным, если не содержит в себе идей культурной замкнутости и негативной направленности против других культур.

Но деление национализма на два названных типа довольно условно, ибо такое деление как бы качественно маркирует эти два типа, а кроме того, и тот и другой тип идеологии покоится на представлениях о культурной и культурно-исторической основе нации, а потому довольно трудно бывает на практике определить содержание националистической идеологии, которой руководствуется то или иное движение.

Тем не менее, гражданский национализм представляется как либеральная идеология и практика нациестроительства, ориентированная на формирование нации-государства. Этнический национализм понимается как средство достижения группой контроля над властью и ресурсами и стремление к созданию этнически гомогенных государств. Формы этнического национализма могут быть различны, и широкое разнообразие таких форм демонстрирует практика российской региональной этнонациональной политики предыдущих лет.

Видный российский этносоциолог Л.М. Дробижева и ее коллеги в 1990-х годах в ходе масштабного исследования, проведенного в российских республиках, выделили четыре типа национализма «в республиках РФ в период перехода к демократии:

- 1) национализм «классический» – стремление к полной независимости. В Российской Федерации он представлен политикой и действиями Чеченской республики – Ичкерии. На каком-то этапе он был характерен для радикальной части татарского национального движения;

2) национализм паритетный – стремление к возможно полному суверенитету, который в соответствии с внешними и внутренними условиями ограничен за счет передачи части полномочий федеральному центру (иногда его называют разделенным суверенитетом). Такой национализм реально осуществляется в Татарстане, Туве, Башкортостане и других республиках, стремящихся заключить договоры с государственными органами Российской Федерации;

3) экономический национализм, при котором доминирующим в декларациях и действиях является самостоятельность в экономической сфере, рассматриваемая элитой как обеспечение движения к возможно полному суверенитету. Его мы наблюдаем наиболее очевидно в заявлениях и политике руководства Саха (Якутия). В последнее время, в 1995–1996 гг. идеи обеспечения экономической самостоятельности стали выходить на первый план в выступлениях и действиях лидеров Татарстана;

4) оборонительный или защитный национализм, при котором в идеологии и законодательной практике доминируют идеи защиты территории, культуры, демократического воспроизводства и т. д. В нашем исследовании такой вариант был в Северной Осетии – Алании.

Наконец, есть некоторые основания говорить о формировании модернизационного национализма, при котором в республиках создается идеология инновационного прорыва в экономической сфере¹⁸³.

Конечно, как уже указано выше, любая классификация национализмов весьма условна. Тем более сомнительна ее эвристическая ценность для анализа российской ситуации, ибо динамично изменяющиеся политические реалии России существенно трансформируют политические практики и идеологию этнонациональных организаций, выступающих главным проводником националистических идей. Поэтому более продуктивным является не типологизация национализмов, а анализ идеологий и политических практик, которыми руководствуются те или иные националистические движения или

¹⁸³ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 372–373.

политики. В числе первых содержательных работ, посвященных данной теме, следует назвать публикацию известного татарского исследователя Дамира Исхакова, а также ряда других татарских и зарубежных ученых.

Роль дискурсов этнической истории в построении этнонационалистических концептов с разной степенью аналитического осмысления рассмотрена японским исследователем Томохико Уяма и российского этнолога Виктора Шнирельмана¹⁸⁴.

Тем не менее, идеология и политические практики этнического и местного национализма в России все еще остается недостаточно изученной, особенно в плане того, каким образом на эту идеологию воздействуют местные политические и культурные реалии. Но местный национализм в России нельзя связывать только с этничностью. Это более широкое понятие. На наш взгляд, местный национализм в России представлен двумя разновидностями идеологий: регионализмом и этническим национализмом.

Регионализм и этничность оказались в сфере нашего внимания не случайно, ибо, как указывал в «Системе социологии» Питирим Сорокин, земляческие связи являются самыми сильными социальными связями: «...Группировка по месту жительства в течение всей истории была одной из главных. Она лежит в основании государственной группировки, в делении государственной территории на округа: губернии, уезды, волости, деревни и т. д. Местная группировка лежит в основе деления населения на избирательные округа, в явлениях подсудности, обладания или лишения прав самоуправления (места, лишённые земств, etc) и т. д.

Словом, в ряду многих солидарностей существует особая солидарность по месту жительства, дающая основания для особой группировки, не совпадающей с основными и являющейся одной из самых важных социальных координат,

¹⁸⁴ Уяма Томохико. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003; Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. М.: Гендальф, 2000.

определяющей поведение и переживания совместно живущих индивидов»¹⁸⁵.

Этнонациональные движения сегодня в своей практической деятельности более ориентированы не на сохранение этничности и развитие культурных институтов, а на привлечение внимания общественности и региональных властей к решению актуальных местных проблем: здравоохранению, транспортному обслуживанию, развитию рынка труда и т. д. Достаточно обратить внимание на содержание дискуссий, которые имеют место на различных этнических съездах. Но при этом в самой идеологии региональных движений проблемы совершенствования федеративных, межбюджетных отношений, создания реальных стимулов для экономического прогресса местных сообществ не находят должного отражения, что отчасти объясняется самим составом участников националистических движений – преимущественно это гуманитарная интеллигенция и не вписавшиеся в официальные структуры местные политики.

Активность этнонациональных движений и их политическое влияние стали ослабевать уже во второй половине 1990-х гг., когда они вступили в полосу затяжного политического кризиса. В начале 2000-х практически все общественно-политические организации, основанные на идеях национализма (в России их традиционно называют национальными организациями), сменили свой статус и стали именоваться общественными организациями. Это было связано не только с изменениями в законодательстве, но и с общими политическими процессами, происходившими в стране. В начале 1990-х гг. этнонациональные организации и движения использовались региональными властями как инструмент для усиления процессов суверенизации и отвоевывания политической и экономической власти у федерального центра. Некоторые исследователи справедливо отмечают в этой связи, что «в 1990-е гг. в России наблюдалась волна регионализации, которая происходила стихийным образом и носила выраженный «этнический» характер в силу особенностей предшествующей советской политики, проводившей дифференциацию крупнейших

¹⁸⁵ *Сорокин Пителим*. Система социологии. Т. 3. Сыктывкар, 1992. С. 120–121.

административно-территориальных образований по этническому признаку»¹⁸⁶.

Политические процессы начального этапа постсоветского развития страны привели к формированию так называемой договорной федерации, в которой прежние политические и экономические диспропорции еще более усиливались, что ставило под угрозу единство страны. В этой связи усиление политической роли федерального центра, приведение региональных законов в соответствие с федеральным законодательством и укрепление так называемой вертикали власти, которое произошло с приходом к власти Президента Путина, выглядело не просто закономерным, но и необходимым, ибо в итоге Россия из непрочной договорной федерации превратилась в конституционную федерацию с сильной федеральной властью.

Усиление федеральных политических институтов и ослабление роли региональных привело не только к радикальному изменению отношений по линии центр-периферия, но также и к тому, что этнонациональные движения перестали рассматриваться региональными политическими лидерами как важный политический ресурс, а ослабление политической поддержки со стороны власти заставило лидеров этнонациональных организаций не только поменять их статус, но и демонстративно отказаться от многих политических концептов, являвшихся важными составляющими их идеологий.

Но перестали ли местные этнические и региональные организации быть политическими акторами? Нет, этого не произошло.

Деконцептуализация национализма и деполитизация этнополитических, этнических и некоторых региональных культурных организаций привели к поиску новых сфер, в которых националистические практики могли бы продолжать существовать. В результате началась активная диффузия националистических идей в сферу языковой, культурной, кадровой политики, социальных отношений и т. д. Этнический и местный национализм стал маскироваться под культурные

¹⁸⁶ Карпенко А.М. Региональная идентичность как категория политической практики: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. С. 6.

и социальные практики, но в такой «замаскированной» форме он также может иметь разрушительный характер, а потому угроза агрессивного национализма в современной России несколько не ослабла. Более того, в условиях, когда процессы нациестроительства отвергаются региональными элитами, когда пропаганда гражданской консолидации и интеграции не является значимой целью региональной политики, трансформировавшиеся националистические практики все активнее разрушают и без того довольно слабую гражданскую солидарность россиян.

Характерным примером конкурирующих националистических концептов и политических рисков, которые стоят за ними, является противостояние двух идей, основанных на этничности и регионализме, с которыми можно легко столкнуться на многочисленных региональных сайтах. С одной стороны это идея русских националистов «Хватит кормить Кавказ», а с другой – лозунг кавказских националистов и сепаратистов «Кавказ – это сила». Дискуссии, разворачивающиеся вокруг названных идей на различных форумах, позволяют говорить о том, что обе идеи способствуют росту интолерантности в российском обществе и культурному расколу между Севером и Югом страны.

Очевидно, что как сепаратистские, так и регионалистские идеи и движения формируются не только на культурной основе и у них есть более серьезные мотивировки. Эти мотивировки опираются на дисбаланс отношений между федеральным центром и регионами. Стремление федерального центра обеспечить себе политическое доминирование привело не только к попыткам выстроить единое правовое пространство, но и к отмене весьма важных элементов демократии и федерализма: прямых выборов губернаторов, запрет региональных партий, отмена практики «двух ключей» при выдаче лицензий на разработку месторождений полезных ископаемых, замораживание статьи бюджетного кодекса о пропорциональном распределении налоговых поступлений, собираемых в регионах, и т. д. Но проблемы федерализма и межбюджетных отношений не являются предметом нашего рассмотрения. Тем не менее, мы согласны с утверждениями о том, что сегодня необходимо расширять полномочия субъектов федерации, а «линия формирования новых самостоятельных субъектов...

лежит в зоне отношений центра и регионов. Сложившаяся система распределения налогов, которая позволяла консолидировать ресурсы в центре, уже всем кажется неправильной, мешающей развитию регионов»¹⁸⁷. Эти утверждения находят серьезные подтверждения в специальных исследованиях, но важно то, что политическая и экономическая дистрофия российских регионов при очевидном благополучии столицы и ее жителей (включая не только представителей бизнеса, но и представителей иных социальных групп) вкупе с непрозрачным и непропорциональным распределением бюджетных доходов между регионами, социальными и этническими (территориальными) группами создают реальную основу для роста регионалистских и националистических настроений в регионах и способствуют созданию идейной основы для коррозии российской государственности и гражданского единства россиян. В нынешних условиях рост регионалистских и националистических настроений практически неизбежен и необходимо совершенствовать не только государственную национальную политику (что пока имеет лишь характер деклараций), но и серьезно менять другие сферы отношений между центром и регионами, а равно не забывать о политической модернизации страны.

На наш взгляд, сегодня идут процессы активной трансформации регионалистских движений (в том числе и этнических). При этом в России, которая унаследовала от СССР все политические традиции этнического федерализма, этнические движения, несмотря на их очевидный кризис, не могут уйти с политической арены в силу многих причин: самого состава населения страны, устойчивой практики политического патронажа над этническими организациями со стороны региональных властей, сохраняющихся в местных сообществах запросов на представление их культурных интересов и т. д. В силу этого как сами движения, так и их идеология, политические практики вынуждены постоянно трансформироваться. Эти трансформации обусловлены политическим и экономическим развитием страны, но нередко имеют и важные местные причины, обуславливающие изменения.

¹⁸⁷ *Гурова Т., Фадеев В.* Домой! // Эксперт. 2013. 29 июля – 11 августа. № 30–31 (861). С. 15–16.

Идеология этнических организаций финно-угров/уральцев и паннационализм

Детально разработанных концепций политического и культурного реформирования местных сообществ у этнонациональных движений, осуществляющих свою деятельность в республиках/округах с финно-угорским населением, не существует. Тем не менее, есть ряд принципиальных положений, которые признаются (или признавались) большинством этнонациональных организаций. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей идеологии этнонациональных движений российских финно-угров. Базовыми идеями являются две: 1) идея приоритетности групповых прав, 2) противопоставление этничности гражданству. Этническое сообщество рассматривается как однородное целостное социальное образование, в котором общий интерес доминирует над индивидуальными интересами личности. Личность, которая противопоставляет себя группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, оценивается как девиантная личность (склонная к отклоняющемуся поведению). В идеологии названных этнонациональных движений концепт групповых прав наиболее последовательно реализуется в идее этнического самоопределения. Поскольку титульная этническая группа рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета», постольку право на самоопределение рассматривается как право одной этой группы самоопределяться независимо от полиэтнического состава населения республики или округа, где она расселена. Таким образом, гражданин и член этнической группы представляются не как взаимосвязанные социальные позиции личности, которые она занимает в рамках единого сообщества (например, «я россиянин, а по происхождению мариец»), а как противостоящие друг другу социальные категории (что побуждает говорить о предоставлении «особых» политических, экономических, культурных прав титульным группам в ущерб интересам остальных граждан). Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что «титульные этносы» являются коренным, т. е. исконным населением того или иного региона, а потому имеют особые права на землю, природные богатства, положение в

обществе, могут претендовать на политическое доминирование в регионе. Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров этнонациональных движений используются термины «коренной этнос», «коренная нация» («коренные» противопоставляются «некоренным» так же, как гражданин противопоставляется члену этнической группы). Развитием идеи приоритетных прав «коренных этносов» и групповых прав вообще является другая идея, которая касается некой «коллективной включенности народа в политический процесс», а также ее конкретное выражение – предложение о реформировании политической системы и преобразовании местных республиканских парламентов.

Идея реформирования парламентского устройства существует в нескольких вариантах. По одному из них представителям титульных этнических групп во властных структурах в целом, и в парламенте в частности, должно быть гарантировано 50% мест независимо от их доли в общей численности населения. Согласно другому варианту, который наиболее часто излагался и даже получил поддержку на первом всероссийском съезде финно-угорских народов, парламенты в республиках с финно-угорским населением должны состоять из двух палат. Одна из них будет формироваться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, а другая состоять только из представителей титульных этносов, т. е. политический институт должен формироваться по принципу крови. Впрочем, приемлемый механизм формирования такого парламента так и не был предложен. Реализация названной идеи на практике привела бы к отказу от демократического принципа проведения прямого, равного и тайного голосования во время общенародных выборов.

Общество в результате было бы разделено через политическую систему на две группы, обладающие разными правами. Поэтому данная идея была не реализована и сегодня почти забыта. Только рассматривая народ как совокупность граждан, а не как кровную общность, можно реализовать принцип приоритетности прав человека над какими-то групповыми правами. Но признание приоритета прав личности над всеми другими правами логически привело бы идеологов этнонациональных движений к признанию того, что выражать интересы личности должны не этнические организации,

а обычные демократические институты. Поэтому групповые права объявляются первичными, а индивидуальные права полностью не отвергаются, но признаются вторичными. Выстраивая подобную «правовую иерархию» (которая обычно прямо не декларируется), идеологи этнонациональных движений финно-угров вынуждены отвергать право на культурную свободу и требовать прямо или косвенно привязать личность к культурной группе (однозначно осуждаются те, кто склонен к смене этнической идентичности или не владеет языком этнической группы, не желает его учить).

Важной стороной деятельности этнонациональных движений и важной составляющей их идеологии являются попытки обосновать необходимость некой новой идентичности – «Финно-угорский мир». По форме и содержанию это паннационалистическая идея, которая рождена стремлением расширить группу солидарности, усилить политические позиции этнонациональных движений российских финно-угров за счет привлечения ресурсов внешних акторов. Названная идея не нова и ее истоки восходят к доктрине «Великой Финляндии», рожденной еще в конце 19 столетия. Поэтому не случайно «мир» был назван не по имени языковой семьи, к которой принадлежат финно-угры (Уральская языковая семья), а ориентируясь на старые панфинские идеи.

Идея финно-угорского (но не уральского) родства и единства постоянно присутствует на всемирных конгрессах финно-угорских народов (но не уральских), первый из которых был проведен в 1992 г. в столице Республики Коми Сыктывкаре по инициативе местных властей и коми этнонационального движения. Здесь же был создан исполнительный комитет конгресса – Консультативный комитет финно-угорских народов, штаб-квартира которого разместилась в Хельсинки, а ее деятельность финансировалась (и финансируется) правительством Финляндии через различные фонды.

Более 20 лет Комитет возглавлял лидер коми движения Валерий Марков, который одно время имел должность министра без портфеля в правительстве Коми (в то же время никакие другие лидеры этнонациональных движений, включая лидеров крупнейшей этнической группы населения Республики Коми, аналогичных должностей не получили, несмотря на декларируемую в Конституции республики идею ра-

венства граждан). Считалось, что Марков – наиболее удобная фигура для властей РФ и республики и он лоялен российской власти. Именно поэтому в настоящее время новые власти республики делегировали его в Совет Федерации). Между тем никто не учитывал его официальных и неофициальных высказываний в адрес России и ее властей, которые он делал в Финляндии, и то, что используя свое положение, он перевез и устроил своих детей в Европе и т. д. Ярким свидетельством его «лояльности» стал тот факт, что после того, как Президент РФ В. Путин в Йошкар-Оле высказался за отмену нормы, согласно которой языки титульных этнических групп являются обязательными для изучения всеми школьниками в национальных республиках (независимо от доли населения представителей самой титульной группы), он выразил свое несогласие с этой позицией и прибыл в республику, где вскоре отдельные представители коми интеллигенции стали устраивать пикеты «в поддержку родного языка», писать петиции, т. е. сыграл роль серого кардинала.

И если власти Мордовии сразу же после выступления Путина в Йошкар-Оле отменили практику обязательного изучения мордовских языков в школах республики всеми учениками, то в Коми уже подписанный министром образования приказ о добровольном изучении коми языка в школах республики был приостановлен распоряжением главы РК. Это произошло после нескольких скоординированных акций: одиночных пикетов в защиту языка, писем в адрес главы от местной национальной интеллигенции, выступлений этнических активистов, публикаций в интернете. В администрации главы явно переоценили значение и влияние этих акций, а равно и влияние самого коми движения. Большинство людей в целом позитивно воспринимали решение о добровольном изучении коми языка, а русскоязычное большинство долго добивалось этого.

Тем не менее, приказ был «заморожен» и все осталось, как прежде, что вызывает обоснованное недовольство русскоязычного большинства (включая и русскоязычных коми). Но главное даже не в этом, а в том, что фактически региональная власть капитулировала под нажимом этнических активистов. Еще в начале 1990-х гг. этнические активисты в Коми, Марий Эл, Удмуртии пытались говорить об этнонациональных дви-

жениях как о «параллельной власти» и стремились стать таковой. Тогда это не удалось. Сегодня фактически в Коми это произошло, ибо этнические активисты осознали, что они вновь становятся политической силой. Фактически именно об этом говорилось в некоторых электронных публикациях и, в частности, в публикации, размещенной на сайте одиозной Ассоциации коренных народов Российской Федерации: «Коми народ доказал в борьбе, что он человек, а не бессловесное животное на фоне бездействия многих других народов. Так, удмуртский народ не собрался – выступили отдельные люди, подписавшие распространявшиеся в ту пору петиции, консолидации на базе Удмурт Кенеша вокруг защиты удмуртского языка не произошло – ведь по большому счету было нечего защищать, в Удмуртии так и не было введено всеобщее обучение удмуртскому языку, и формально удмуртам, не имея и так ничего, не было чего терять. Многие представители удмуртского истеблишмента остались на позициях, выражаемых формулой «сделаем позже, когда все заинтересуются удмуртским языком и полюбят его». В Мордовии вопрос был решен кулуарно, общественные организации на трибуну не поднимались, отсутствующее мордовское общество себя не манифестировало. В Марий Эл номинально представляющая всех мари организация Марий Мер Канаш не выступила, новое руководство было только радо новому курсу – для него марийский вопрос это лишние нервы в условиях бедности и неустойчивости марийской жизни»¹⁸⁸.

Капитуляция власти означает, что взвешенной и ориентированной на гражданскую интеграцию национальной политики в республике не будет. И это действительно так, ибо этноцентристский уклон в официальных документах как присутствовал, так и присутствует.

Особая миссия титульных этнических групп в республиках с финно-угорским населением гласно или негласно пропагандируется (такие идеи присутствуют в конституциях Карелии, Коми и Удмуртии). Особо важное значение в пропаганде идеи «главных народов» принадлежит именно концепции «Финно-угорского мира».

¹⁸⁸ Коми доказал, что он не бессловесное животное. URL: www.facebook.com/groups/771671976207773/

Не реальная близость к славянским культурным традициям, не историческая связь финно-угров с другими народами страны, вместе с которыми они формировали государство и отстаивали его независимость (исторических примеров такого рода достаточно), оказываются значимыми для формирования региональных культурных традиций и культурного ландшафта регионов, а некая мифическая принадлежность титульных групп к особому паннационалистическому сообществу становится главной ценностью.

Для пропаганды идеи «Финно-угорского мира» в России были созданы специальные институты. Еще в 2006 г. в Сыктывкаре был открыт федеральный финно-угорский культурный центр, деятельность которого финансируется из федерального бюджета. Центр поддерживает деятельность информационного портала финноугория (www.finnouogor.ru), издает журнал «Этнический комфорт», финансирует создание фильмов и передач в рамках проекта «ФИННОУгровидение», организует и проводит фестиваль «Финно-угорский транзит» и другие мероприятия, которые призваны демонстрировать культурную отличительность финно-угров, причем тема самодийских народов и проблем их культурного развития является периферийной, а идея культурной близости финно-угров с другими народами РФ вообще никак не акцентирована в его деятельности. Получается, что в своей практической деятельности центр нацелен на систематическую работу по маркированию границ (символических, культурных) между этническими группами населения российских республик и России в целом.

В 2008 году в столице Мордовии Саранске был создан Поволжский центр культур финно-угорских народов, который выполняет те же функции, что и центр в Сыктывкаре. Из наиболее значимых сторон его деятельности следует отметить издание научного журнала «Финно-угорский мир».

Некой площадкой для демонстрации финно-угорского единства и культурной отличительности стал Финно-угорский этнокультурный парк, построенный в нескольких десятках километров от Сыктывкара. В его создание вложены огромные федеральные деньги, но эффективность его деятельности низка во всех смыслах.

Однако очевидно, что широкая финно-угорская идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистиче-

ской основе. В культурном же плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию. Несомненно, что формирующая идеологию этнонациональных движений этническая элита должна отстаивать экономические, политические и культурные интересы своих народов. В этом отношении существенно значимо то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов федерации, а какой у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжаются острые дискуссии. Но в идеологии этнонациональных движений нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и не определены даже политические интересы в этой сфере. В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтнические территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях этнонациональных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует, и лишь в резолюциях последних двух съездов АФУН появились декларативные заявления о гражданском единстве россиян. Несмотря на серьезные изменения в положении финно-угорских народов России, перемены в самих этнонациональных движениях и во внутренней политике государства, идеологические конструкции этих движений принципиальным образом не пересматриваются, хотя с начала 2000 гг. происходит деполитизация движений и связанная с этим деконцептуализация их идеологии.

Концепции финно-угорского, тюркского «миров» и особого культурного пространства коренных «Народов Севера» привели в итоге к тому, что в символических и идеологических представлениях этнических активистов национальных движе-

Карта 1. Символ картографической войны региональных этнонационалистов. Картографическое воплощение идеи «Русским – русскую республику» (ЦФО) (черным цветом выделена территория так называемой Русской Республики)

ний финно-угров, тюрков, малочисленных народов Севера места для крупнейшего народа страны на символической карте России почти нет. Они объявляют «русским регионом» только территорию Центрального федерального округа, а, к примеру, Архангельскую и Вологодскую области, где доля русских составляет 98%, относят к этническим территориям финно-угров (см. иллюстрации с сайта «Ассоциации коренных народов Российской Федерации»). Лозунг этнических националистов «русским свою русскую республику» опасен тем, что не только может положить начало символической и картографической войне, но и усилит влияние идей сторонников русского национализма.

А эти идеи есть в головах не только русских радикалов, но и вполне респектабельных политиков и авторов, которые на страницах солидных журналов заявляют: «дерусифицирующий регионализм способен подорвать единство страны куда в большей мере и куда в большем масштабе, чем сепаратизм этнических окраин»¹⁸⁹.

¹⁸⁹ Ремизов М. Реставрация «русского» // Эксперт. 2014. 24–30 ноября. № 48 (925). С. 59.

Но надо признать, что многие прежние идеи этнонациональных движений финно-угров перестают сегодня открыто пропагандироваться. Тем не менее, они трансформируются и переносятся в область языковой, образовательной и культурной политики, что стало особенно очевидно в последние несколько лет. Более того, язык и языковые проблемы становятся сегодня ядром идеологии этнонациональных движений и их лидеров и на смену этническому национализму приходит лингвистический национализм. Точнее, этнический национализм маскируется языковой проблематикой и заботами о сохранении родных языков. При этом в качестве культуртрегеров, которые решают за простых граждан, какие ценности они должны выбирать (включая язык), выступают именно этнические активисты и этнически ангажированные эксперты.

Общая позиция этнических активистов и примкнувших к ним представителей национальной интеллигенции состоит в том, что региональные языки, а точнее языки титульных этнических групп, находятся в бедственном положении и надо оказывать им всяческую государственную поддержку. В принципе с идеей государственной поддержки никто не спорит и программ развития языков и мероприятий, направленных на их поддержку, в республиках проводится достаточно, а сами языки почти повсеместно объявлены государственными. Не имеет этого статуса только карельский язык, но, скорее всего, в ближайшее время и он его получит.

Однако в условиях глобализации и серьезной культурной конкуренции, которая имеет место в поликультурных регионах, влияние региональных языков продолжает слабеть. И самое примечательное это то, что дети многих представителей национальной интеллигенции и известных деятелей этнонациональных движений, которые ратуют за сохранение и развитие языков российских финно-угров, этими языками либо не владеют, либо владеют плохо. При этом именно семья является главным транслятором культурных ценностей, главной ареной, где сохраняются традиции.

Однако люди сами вправе выбирать себе культурные ценности, включая язык, что они и делают. Но этнические активисты и местные культуртрегеры хотят придать языку не

только значение носителя культуры, но также и политического маркера, исходя из идеи «язык есть власть». Именно поэтому они добивались (и в ряде республик им это удалось), чтобы языки титульных этнических групп стали обязательными предметами для изучения в средней школе, хотя иноэтническое население такую идею не поддерживало, о чем свидетельствовали данные массовых опросов.

В идеологии этнонациональных движений финно-угров изначально присутствовала идея «коренных народов» как символических собственников территорий республик, которые названы их именами. При этом «коренной народ» рассматривался ими как ГЛАВНЫЙ НАРОД, который должен был политически доминировать на территории той или иной республики. Но поскольку идею политического доминирования не удалось реализовать, постольку рождаются альтернативы политическому доминированию, которые связаны с формированием представлений о территориальных/республиканских сообществах как иерархически организованных социумов, где на вершине культурной пирамиды находятся представители «коренного», т. е. главного народа. А если это главный народ, то его культурные ценности и прежде всего язык должны не только уважаться всеми остальными жителями, но их можно и нужно всем остальным навязывать насильно. Местные политические элиты, правда, просмотрели этот культурно-политический подтекст практики обязательного изучения языков титульных групп или не захотели его принимать во внимание, что создало определенную напряженность во взаимодействии титульных групп и остального населения.

Когда же эта практика была осуждена на федеральном уровне, этнические активисты начали активно сопротивляться практике добровольного изучения языков, называя ее попыткой уничтожить региональные языки, что было откровенной ложью. Практически повсеместно имели место некие попытки сопротивления. Так, на открытой платформе Change.org появилась петиция, подписанная жителями Удмуртской республики, в которой депутатов Государственного совета Удмуртской республики призывали дать отрицательную характеристику законопроекту № 438863-7, инициированному группой депутатов Государственной Думы. Правда, под этой

петицией поставили подписи всего 119 человек¹⁹⁰. Национальная интеллигенция в Коми тоже собирала подписи под петицией в «защиту родного языка», и здесь удалось (если верить инициаторам акции) собрать около 3 тыс. подписей, что также не очень много для компактного города, где много учреждений, связанных с пропагандой коми языка и культуры. Тем не менее, надо признать, что идея коренного народа как главного, чьи ценности должны иметь безусловный приоритет, глубоко укоренилась в сознании достаточно большой части коми населения, и эта доля за последние годы возростала, как показали наши исследования (но это не большинство).

Однако принципиальная ошибка республиканских властей в Коми и в других республиках с финно-угорским населением в том, что не была создана необходимая информационная среда, обеспечивающая адекватное понимание идеи добровольного изучения языков титульных этнических групп. Речь не шла о наступлении на языки титульных групп – речь шла о защите законных прав граждан. А поскольку все граждане РФ обладают равными правами, постольку навязывание культурных ценностей одной группы другим недопустимо. Более того, это противоречит нормам международных документов, в частности принятому ООН в 1966 г. Пакту об экономических, социальных и культурных правах, ибо в числе культурных прав есть право на культурную свободу, т. е. на свободный выбор языка обучения и общения, свободный выбор культурных ценностей. Реальной и содержательной дискуссии по поводу региональных моделей этнополитики и проблем этнокультурного образования власти регионов организовать не смогли, что способствует сохранению в массовом сознании культурных стереотипов, прямо противоположных идее гражданского единства россиян и идее гражданской российской нации.

¹⁹⁰ Удмурты просят защитить свой язык. URL: www.finugor.ru/news/udmurty-prosyat-zashchitit-svoy-yazyk-1

Северные регионы и этнополитика
(регионы проживания финно-угров
и самодийцев как территория
символического соперничества)

*Концепция «Русского Севера»:
история и современная проблематика*

Значительный индустриальный и ресурсный потенциал Северо-Запада РФ располагается в самых северных субъектах округа, которые на рубеже XIX и XX столетий получили название «Русский Север». Это название было дано региону не случайно. Оно появилось в результате деятельности многочисленных исследователей, представивших данный регион как «культурную кладовую великороссов».

Активный научный поиск второй половины XIX в. и его результаты позволили привлечь широкое общественное внимание к Северу, а произведения литераторов и художников помогли выстроить культурный проект «Русского Севера». Кульминацией этих усилий стало создание в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС). И совершенно не случайно, что в течение нескольких лет общество превратилось в одно из самых авторитетных в России, а издающийся с 1909 г. журнал общества (Известия АОИРС) был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России.

Деятельность Общества еще более способствовала восприятию европейского севера как идеального «русского региона» как единой историко-культурной провинции, сыгравшей важнейшую роль в формировании русской ментальности. По инициативе Общества в 1910 г. в Архангельске открылась выставка «Русский Север», где помимо картин были представлены экспонаты, характеризующие «русскую историческую и этнографическую старину» (спонсором выставки выступил в частности и сам император), издавалась серия открыток «Русский Север» и т. д. Культивирование образа «Русского Севера» продолжалось вплоть до победы большевиков и показательно, что вторая и последняя выставка «Русский Север» состоялась летом 1917 г.

Однако концепция «культурной кладовой» русских не могла считаться завершенной до тех пор, пока этой кладовой не дали вполне определенное название, публично маркирующее ее как некую особо ценную коллективную собственность великороссов. И крайне важный вопрос состоит в том, когда это произошло?

Но одновременно возникает еще ряд принципиальных вопросов: можно ли считать Русский Север только культурно-исторической провинцией и культурным символом, связано ли само появление указанного термина лишь с интеллектуальным поиском или оно логично вписывается в официальную идеологию, в стратегию построения национальной империи?

Вероятно, достаточно очевидный ответ на эти вопросы можно получить, обратив внимание на то, кем и когда был введен в публичный оборот термин «Русский Север».

Термин появился не в трудах историков, этнографов, фольклористов, а впервые был использован лицом официальным, более того, лицом политически значимым. В конце XIX в. губернатор Архангельской губернии А.П. Энгельгардт совершает двухлетнее путешествие по вверенной ему губернии. Путешествие носило характер инспекции, но одновременно автор вел путевые заметки и описывал местные традиции и быт. Путевые записи губернатора вскоре были изданы в Санкт-Петербурге в форме хорошо иллюстрированной книги «Русский Север. Путевые заметки». Так появляется, вероятно, первое упоминание о Русском Севере. Характерно, что Энгельгардт не обозначил границы Русского Севера и это, видимо, было сделано вполне сознательно, ибо позволяло толковать вопрос о границах весьма расширительно (хотя территория Архангельской губернии тогда простиралась от Кольского полуострова до Урала, включая этнические территории карел, саамов, коми, ненцев). Этот факт стал основанием для того, чтобы границы Русского Севера впоследствии понимались и трактовались по-разному. Заметим также, что губернатор Энгельгардт внес немалый вклад не только в культурное маркирование европейского севера, но и в дело становления Архангельского общества изучения Русского Севера.

Тот факт, что названный выше термин был введен в публичную сферу лицом официальным и находящимся на высокой государственной должности, делает его содержа-

ние политически мотивированным. Еще более очевидным политическое значение термина станет ясно тогда, когда мы обратим внимание на официальную политику властей Российской империи и на идейную атмосферу, которая диктовала необходимость маркирования северных регионов как исключительно русских или находящихся в сфере русского культурного влияния.

Со второй половины XIX в. усиливается проникновение на Север норвежских рыбопромышленников и зверобоев. Экономическая экспансия норвежцев повлекла за собой не только усиление конкуренции с поморами, но также и то, что Кольский север, архипелаг Новая Земля стали восприниматься как «ничейная земля», на которую юрисдикция российского правительства не распространяется. Это заставило российское правительство принять специальную программу освоения Кольского севера и меры по стимулированию предпринимательской деятельности российских рыбопромышленников. Архангельский губернатор князь С.П. Гагарин разработал проект колонизации Мурманского берега. Предложения Гагарина были рассмотрены и одобрены Комитетом министров, а 22 ноября 1868 г. Александр II утвердил «Положение» о даровании льгот поселенцам Мурманского берега.

Согласно этому положению, поселенцы Мурманского берега имели право беспошлинных промыслов и торговли, им выдавали ссуды на хозяйственные нужды, разрешалось пользоваться казенным лесом для постройки дома и судна. Колонисты освобождались на восемь лет от государственных податей, от призыва на военную службу, могли получать хлеб за деньги и в ссуду из казенных магазинов, иметь самоуправление в рамках отдельной волости.

Но одновременно возникла угроза культурной экспансии, которой необходимо было противостоять, символически маркировав европейский север как «культурную собственность» крупнейшего народа страны, который составлял основу имперской нации. Потребность в подобном маркировании была вызвана тем, что с конца XIX в. начинается конструирование образа европейского севера как «общефинской» культурной провинции. После присоединения Финляндии к России в 1809 г. власти страны не только предоставили ей широкую автономию, но и всячески стали поощрять фенноманское

движение, которое должно было ослабить шведское влияние в Великом княжестве Финляндском. Пробудившийся в финском обществе интерес к финскому языку и культуре привел к необходимости определить место финнов в европейской семье народов, понять, где находятся их культурные корни, что объективно вело к формированию финского национализма.

Начиная с 1860-х гг. в истории Финляндии наступает новый этап, который связан с формированием национальной идеологии и кристаллизацией финской национальной идеи. В 1861 году в финской прессе прошла острая дискуссия, итогом которой стало укоренившееся в массовых представлениях мнение, что Финляндия является отдельным от России самостоятельным государством и лишь состоит с ней в союзе. В среде финской политической элиты русофобские настроения приобрели устойчивый характер. При этом сама национальная идеология черпала ресурсы именно на востоке, и ее основанием служил «карелианизм».

Основатель карелианистского движения А.В. Эрваст после своей поездки по Олонецкой губернии написал, что за восточной границей Великого княжества Финляндского лежит не чужая земля, поскольку именно Карелию следует считать материнской землей (*emämaa*) или метрополией, а собственно Финляндия есть ее колония, в Карелии нужно искать духовные истоки финнов. Карелия превратилась в объект паломничества ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов и просто любителей старины. Представление о Карелии как о неотъемлемой части грядущего «Идеального Отечества» органично вошло в основополагающий финляндский националистический миф.

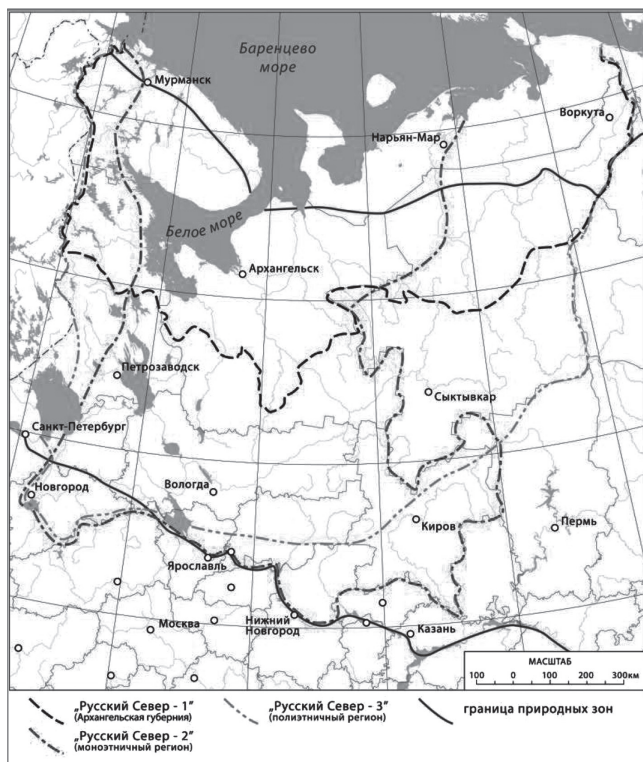
Развитием идей карелианизма стали представления об общефинском родстве, которые явились стимулом для создания в 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) Финно-угорского общества. Цели и задачи общества были четко сформулированы уже в первом параграфе Устава, где говорилось о необходимости оказывать содействие получению сведений о финно-угорских народах для изучения их языков, истории и этнографии. Благодаря частным пожертвованиям и регулярным субсидиям со стороны Сената Великого княжества Финляндского, у общества появилась возможность проведения систематических экспедиций в районы проживания фин-

но-угорских и самодийских народов и публикации научных результатов этих поездок.

Подвижничество финских ученых и конструирование с их помощью идеи финно-угорского родства привели к появлению культурного мифа о Великой Финляндии. Это историко-культурное понятие было введено в оборот финским публицистом и общественным деятелем К.-Э. Аспелундом. Первоначально идея Великой Финляндии подразумевала объединение всех финно-угорских народов России под главенством Финляндии. В те времена «Великая Финляндия» в представлении различных общественных и политических деятелей имела разные границы: от простого объединения Финляндии и Карелии до понимания ее как единого культурного пространства, простирающегося до Урала. Фенноманское движение этого времени было неразрывно связано с распространением идей о необходимости изучения родного народа, его истории, поиска прародины, определения места финнов в кругу родственных им этнических сообществ. Причем изучение финно-угорских народов велось, опираясь на идею об их культурном единстве, о наличии у них древнего единого культурного слоя, сохранившегося и в современных культурах.

Практическим выражением идей карелианизма и Великой Финляндии стали активные попытки обратить карел в лютеранство, которые особенно усилились в начале XX столетия. Сначала лютеранские проповедники вели пропаганду в Западной Карелии, но затем все активнее стали осуществлять миссионерскую деятельность в Беломорской и Олонецкой Карелии. Русская администрация и православная церковь старались укрепить позиции православия и противостоять «панфинской» пропаганде всеми возможными способами.

Естественно, что для успешного противостояния внешней экономической и культурной экспансии необходимо было однозначно маркировать территории европейского севера как сугубо русские. В этих условиях власти считали необходимым усилить русификацию меньшинств и поддерживать культурное лидерство русских. При этом концепция «культурной кладовой» русского народа, фактически созданная усилиями исследователей, была дополнена этнополитическим мифом о «Русском Севере» как об исконно русской земле.

Карта 2. Границы «Русского Севера»
в разных версиях

Все это в совокупности привело к необходимости символически интегрировать Карелию, Мурман, Заонежье, Подвигье, Припечорье в единое культурное пространство, несмотря на то что значительные территории европейского севера были заселены карелами, вепсами, саамами, ненцами, коми, культура которых хотя и имела много общего с русской (фольклорные сюжеты, орнаменты и одежда, типы жилищ, религия), но оставалась самобытной. Однако формирование представлений о европейском севере как о единой историко-культурной провинции, сыгравшей выдающуюся роль в становлении российского государства и общерусской культурной традиции, требовало представления местной культурной специфики как общерусского явления.

С этой целью необходимо было переквалифицировать Поморье в Русский Север, а поморов в великороссов или «русских поморов» и эта перекалфикация состоялась, что подтверждается как успехом проекта «Русский Север», так и результатами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и тем, что с начала XX в. этноним поморы и топоним Поморье выходят из широкого употребления. Очевидно, что данная перекалфикация была как культурно, так и политически мотивирована и поэтому культурный проект «Русский Север», как сказано выше, можно считать не только культурным, но и политическим проектом. Более того, это был один из первых опытов этнического маркирования отдельной части государства и определения полиэтнического региона как «культурной собственности» лишь одной этнической группы.

Большевики концепцию «Русского Севера» не поддерживали, само это название предали забвению (оно возродилось только в 1960-х гг. как фольклорно-историческое понятие), а территорию исторической провинции разделили на несколько регионов, часть из которых передали в символическую собственность нескольких этнических групп – карелов, финнов, вепсов, ненцев, коми, создав здесь две республики и один национальный округ. В рамках политики национального/этнического размежевания были созданы: Карельская трудовая коммуна в 1920 г. (в 1923 г. преобразована в автономную республику), Коми автономная область в 1921 г. (с 1936 г. – автономная республика), Ненецкий национальный округ в 1929 г. В этнических автономиях начались процессы так называемой «коренизации», которые по идее должны были укрепить позиции местных культурных и политических элит, но иногда принимали форму вытеснения представителей «некоренных народов» со статусных позиций и разделения местных сообществ на этнические сегменты.

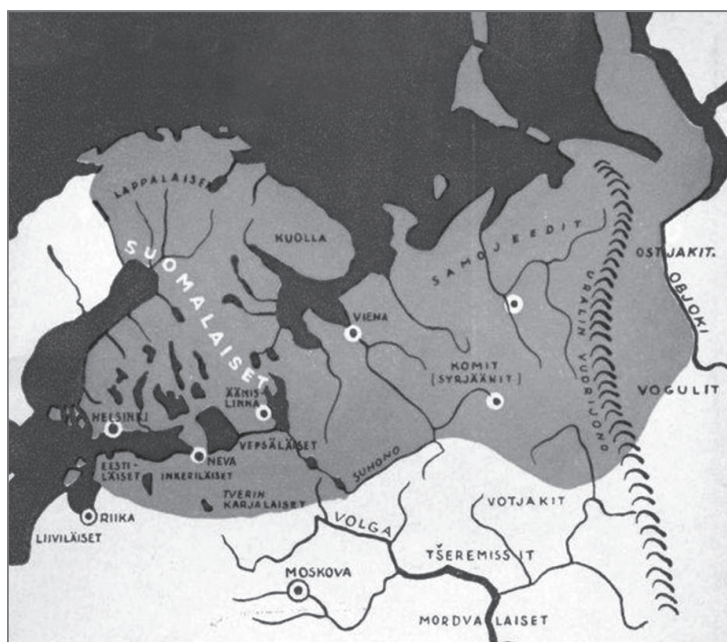
После того как большевики 4 января 1918 г. признали независимость Финляндии, отношения между ней и Советской Россией не были дружественными, а практически сразу приобрели форму геополитического соперничества на европейском севере и в особенности в Карелии.

В 1918–1920 гг. шла борьба за так называемую Восточную Карелию (ее иногда называют первой советско-финской

войной), которая, однако, не была связана с масштабными военными действиями и участием в них значительных воинских подразделений, а больше носила характер военной и финансовой поддержки антибольшевистских сил, действовавших в Карелии. Эта борьба была проиграна, но она рассматривалась в Финляндии как внутрифинская проблема, чему способствовал тот факт, что официально закреплённой границы между Финляндией и Советской Россией не существовало. Однако итогом этой борьбы стало заключение в начале 1920 г. Тартуского мира, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией (не удовлетворившая обе стороны), но и гарантировались права карел и ингерманландцев в России. Тем не менее, военные действия в Карелии продолжались и в 1921–1922 гг. (вторая советско-финская война), а на некоторых территориях вплоть до 1925 г. И хотя финская сторона заявляла, что в них принимают участие лишь некие отдельные добровольцы, сам этот факт способствовал углублению недоверия между Финляндией и Россией. Это недоверие лишь усугубилось не просто культивированием ксенофобии, а широкой *кампанией ненависти к русским* (*ryssaviha*), занимавшей значительное место в политическом и интеллектуальном дискурсе страны вплоть до 1944 г. Не способствовало взаимопониманию между странами и превращение в политическую доктрину мифа о Великой Финляндии, который активно поддерживался финской политической элитой в годы между двумя мировыми войнами и во время Второй мировой войны, когда «идеологема «Великой Финляндии» стала идеологическим обоснованием участия финнов в войне.

План по включению Карелии в состав Финляндии был разработан ещё до войны и представлен председателем Академического карельского общества доктором Рейно Кастреном. Этот план стал руководством к действию для Военного управления Восточной Карелии, созданной на оккупированных карельских территориях. При присоединении Карелии к Финляндии планировалось превратить её в территорию, заселённую только финно-уграми, а русских и представителей других народов переселить в иные районы страны.

Казалось бы, в подобных условиях большевики вполне могли воспользоваться идеей «Русского Севера» как культур-

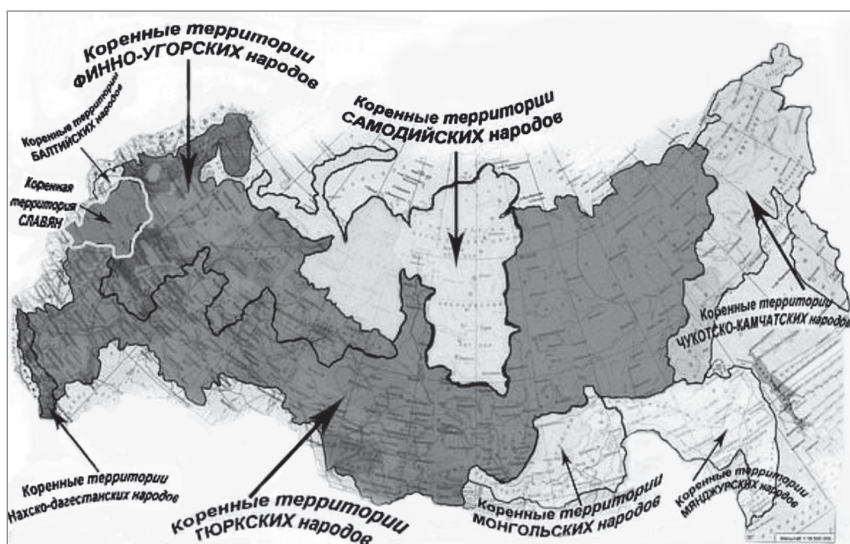
Карты 3, 4. «Великая Финляндия»
(GRATE FINLAND or SUUR SUOMI)

ным конкурентом концепции Великой Финляндии. Но этого не произошло, поскольку ими ставка делалась на этнический национализм меньшинств. Поэтому был поддержан финский национализм в той его версии, которая проповедовалась «красными финнами» и его лидером – бывшим доцентом Гельсингфоргского университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую трудовую коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии, которая в его понимании должна была занимать территорию от реки Свирь до Ледовитого океана. Финский историк Маркку Кангаспуру в этой связи ссылается на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма»¹⁹¹.

Фактически же был поддержан не столько этнический национализм «красных финнов», сколько конкретная идея «красной» Великой Финляндии, поскольку бежавшие в Карелию финны собирались построить именно ее, и рассматривали Карельскую Трудовую Коммуну как плацдарм для коммунистической экспансии в Скандинавию и некий образец для других прибалтийских, пермских и волжских финнов, которых необходимо было «финнизировать». Не случайно, что само название трудовой коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (*Karjalan Työväenkommiuni* – Трудовая коммуна Карелии), что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно также и то, что попытки создания карельской и вепсской письменности «красные» финны признавали шовинистическими, политически неверными и служившими «одурачиванию темных масс».

К востоку от Карелии предпринималась попытка реализовать другой крупный этнонациональный проект – создать Зырянскую Автономную Социалистическую Советскую Республику, в основе которой первоначально, как полагают неко-

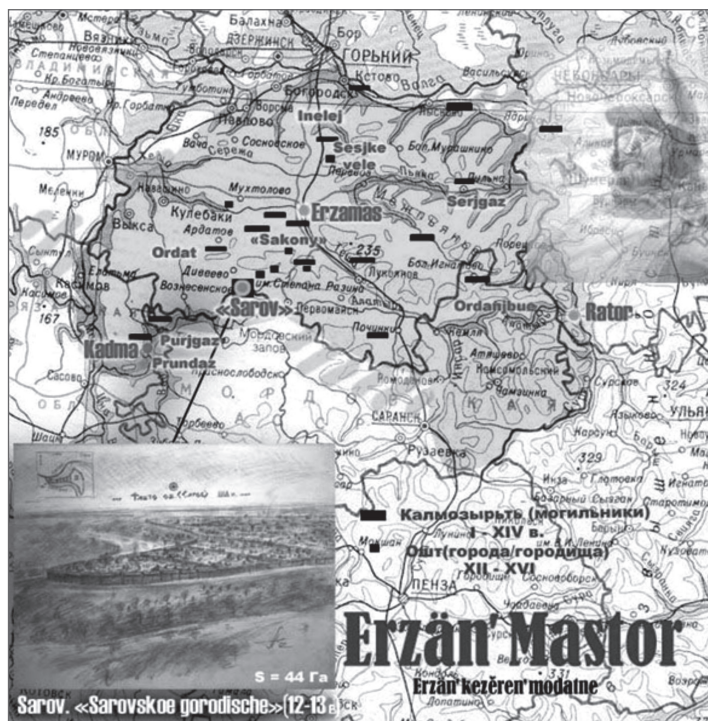
¹⁹¹ Кангаспуру Маркку. Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12. С. 116.

*Карта 5. Этническая карта исконных территорий
русских народов, пропагандируемая
национал-радикалами в регионах*

торые исследователи, лежала «историческая концепция «Перми Великой – Биармии». Создатели и идеологи республики пытались включить в ее состав не только земли в Припечорье и на Вычегде, но и низовья Печоры (нынешнюю территорию НАО, архипелаги Шпицберген, Новую Землю, нынешнюю территорию Коми-Пермяцкого округа, обширные территории в Низовьях Оби. Эти первоначальные национальные и пан-националистические проекты хотя и не были реализованы (или реализовывались в ограниченных масштабах), потом неоднократно использовались как идейная основа для построения все новых этнонационалистических концепций и идей, а главное, для маркирования европейского севера как исключительно «финно-угорской территории».

Но помимо территориальных этнических автономий и малоиспользуемых сегодня (но не забытых) символических территориальных маркеров типа «Русский Север» и «Великая Финляндия», европейский север, где проживает несколько уральских народов, имеет еще несколько культурных измерений.

Карта 6. Идеальное эрзянское «национальное отечество»
«Эрзянь Мастор» в понимании мордовских
этнических антрепренеров

Место «Великой Финляндии» сегодня заняла конструкция «Финно-угорского мира», которая является символической наследницей великофинской идеи. И в самой Финляндии, и в «финно-угорских регионах России» есть склонность понимать финно-угорский мир как объединение, прежде всего, северных народов и регионов. К примеру, во время презентации в Сыктывкаре федерального финно-угорского центра в декабре 2006 г. глава РК В. Торлопов (ныне находящийся под домашним арестом) заявлял, что «финно-угорский мир расположен в основном на севере»¹⁹².

¹⁹² Шабает Ю. Коми // Этническая ситуация и конфликты в странах Балтии: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга 2006. М.: ИЭА, 2007. С. 97.

При этом очевидно, что в этнодемографическом отношении европейский север не только является русским регионом, но доля русского населения неуклонно возрастает во всех северных субъектах (табл. 1).

Таблица 1

Изменение доли русских в составе населения регионов европейского севера по данным переписей населения, в %

Регион	1970	1979	1989	2002	2010
Архангельская обл.	92,1	92,4	92,2	95,2	95,6
Вологодская обл.	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Мурманская обл.	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Республика Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Республика Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1

Наконец, европейский север ассоциируется с макрорегиональными проектами: североевропейскими проектами «Северное измерение» и «Баренц-евроарктический регион» и российской Арктической зоной, которая признана стратегически важной территорией, в которой выделено 9 опорных зон, из которых 4 или 5 (в зависимости от точки зрения) совпадают с территориями традиционного расселения уральских народов.

Идея программы «Северного измерения» впервые была высказана финской стороной в 1997 г., а начала реализовываться в 2000-м как совместная программа ЕС и России. Ее целью было расширение трансграничного сотрудничества в Северной Европе, особенно между Финляндией, Санкт-Петербургом и Коми, но в ее рамках должно было развиваться сотрудничество других скандинавских стран со всеми северными регионами РФ. На первых этапах решалась задача создания инфраструктуры для расширения сотрудничества — строительства пограничных переходов на российско-финской границе, на втором этапе в центре внимания были природоохранные мероприятия, главным образом создание современных очистных сооружений в Петербурге (природоохранные мероприя-

тия финансировались ЕБРР), а затем сфера сотрудничества должна была расширяться, но этого не произошло и программа практически тихо умерла еще до обострения отношений между РФ и ЕС, поскольку интересы сторон были различны и их совместить не удалось.

Более успешно развивается сотрудничество в рамках Баренц-региона, созданного в 1993 году, на основе соглашения (Киркенесская декларация), подписанного между северными регионами Норвегии, Финляндии, Швеции и России (в России это Мурманская область, Карелия, Архангельская область, Ненецкий автономный округ и Коми, которая присоединилась к региону несколько позднее). В рамках региона созданы 4 столпа Баренцева сотрудничества: Совет Баренцева/Евроарктического региона, Парламентская конференция Баренцева региона, Баренцев региональный совет и Конгресс коренных народов Баренцева региона. Политическое сотрудничество в рамках региона носит активный характер, но оно никоим образом не может рассматриваться как самостоятельный политический процесс, который развивается вне политической повестки ЕС. Поэтому политическое сотрудничество проявилось, в частности, в урегулировании пограничного спора между Норвегией и Россией и разделении спорной акватории Баренцева моря на исключительные экономические зоны обеих стран. Но сегодня политическое сотрудничество сведено к минимуму. Второй сферой взаимных интересов, где имели место очевидные успехи, является сотрудничество, связанное с мерами по охране экосистемы Арктики. Правда, здесь больше понимания проблем, чем активного сотрудничества, но это сотрудничество не свертывается.

Сферой активного сотрудничества остаются культурные и образовательные обмены, и здесь главная роль принадлежит международному Арктическому университету, созданному в норвежском городе Тромсе, и Арктическому центру, действующему при Лапландском университете в финском городе Рованиemi.

Однако показательно, что единственной сферой сотрудничества в рамках Баренц-региона, которая не подверглась секвестированию, остаются связи и контакты между «коренными народами» Баренц-региона. С российской стороны коренными народами региона официально объявлены саамы,

ненцы, вепсы. При Баренц-секретариате действует Рабочая группа по вопросам коренных народов (РГКН/WGIP), которая проводит свои заседания дважды в год и намечает пути развития сотрудничества между институтами коренных народов. На VII съезде карел была поставлена цель — добиваться того, чтобы в число коренных народов Баренц-региона были включены и карелы¹⁹³, а в 2009 г. министр иностранных дел РФ Лавров предлагал включить в число коренных народов региона и коми народ. Однако целесообразно говорить не о включении народов целиком, а о включении этнографических групп, традиционная культура которых сформировалась в специфических условиях севера. И здесь, конечно, нужно говорить о *беломорских карелах и коми-ижемцах*. При этом надо обязательно добиваться того, чтобы в число коренных народов Баренц-региона были включены и этнографические группы русского населения, которые являются старожильческими и которые сформировались именно на территории современного Баренц-региона: *поморы, мезенцы, усть-цилемы*. Такой состав коренных народов помог бы ограничить эгоизм ограниченного круга этнических антрепренеров, монополизировавших право представлять коренных жителей российской Арктики, умерить их политические и культурные амбиции и даст возможность государству более эффективно влиять на характер культурных обменов, нейтрализуя политический ресурс объединенных усилий российских и скандинавских этнических активистов.

Для этого, конечно, потребуется, чтобы власти Архангельской области отказались от политики третирования поморских организаций и их лидеров, к которой они неосмотрительно перешли под напором русофильских ура-патриотов, исключив тем самым из арсенала российской внешней политики такой фактор как возможность отстаивать интересы государства с помощью культурных факторов (всю территорию Баренцева, Белого и Карского морей можно объявить территорией традиционного природопользования поморов, например). При этом власти противоречат сами себе, ибо на начальном этапе формирования поморского движения даже

¹⁹³ Резолюция VII съезда карелов Республики Карелия. URL: www.nationalkom.karelia.ru

губернатор Ефремов громко заявлял о себе как об истинном поморе. Властям же Коми надо поддерживать устремление коми-ижемцев получил статус коренного малочисленного народа (чего они давно добиваются), но в увязке с приданием аналогичного статуса усть-цилемам.

А поиск «культурных противовесов» – это весьма важная задача, ибо ряд этнических антрепренеров, представляющих, прежде всего, интересы российских саамов и ненцев, после общения со своими западными коллегами начинают рассматривать свои этнические группы как сообщества, которые должны политически доминировать и которым принадлежат территория субъекта, где они проживают, и ее природные ресурсы. В Мурманской области это вылилось в попытках сформировать явочным и неправовым путем саамский парламент (идеалом служили саамские парламенты в Норвегии, Швеции и Финляндии, но принципы формирования были избраны совершенно иные), который бы обладал некой политической властью. В НАО ненецкие активисты начинают радикализироваться и некоторые из них кулуарно заявляют, что все этнические группы кроме ненцев здесь пришлые, а потому не должны иметь прав на землю и политическое доминирование (хотя и ненцы появились в Большеземельской тундре примерно 800–1000 лет назад).

Подобные настроения, скорее всего, в ближайшее время будут усиливаться, поскольку скандинавские саамы, которые являются примером для российских саамов и ненцев, а также и финно-угров, в последние годы вели активную борьбу за статус и признание своих прав. Существенное изменение их статуса произошло в 2017 году, когда Швеция, Норвегия и Финляндия подписали Саамскую конвенцию. Главное значение этого документа состоит в том, что саамы официально получили статус коренного народа, что предполагает в дальнейшем внесение изменений в конституции названных государств и в их законодательство, а также усиление политического и идейного влияния скандинавских саамов на группу российских саамов и через международные объединения коренных народов (включая Форум коренных народов при ООН) на объединения коренных малочисленных народов РФ и в первую очередь финно-угорских соседей.

В этой связи еще более возрастает необходимость вновь взять на вооружение концепцию «Русского Севера» как некой культурной кладовой русского народа и как единой историко-культурной провинции. Она должна послужить символическим противовесом всем попыткам «культурно приватизировать» европейский север РФ уральцами.

Социальный кризис на европейском севере и его влияние на этнополитику

Особого внимания заслуживают города европейского севера России, которые издавна, начиная с конца XV в. (первый город Пустозерск основан в устье Печоры в 1499 г.), играли роль местных торговых и культурных центров, факторий и собирателей земель.

Города способствовали социальному и культурному развитию всех народов европейского севера, становлению их профессиональной художественной культуры, их культурной элиты, создали условия для экономического и социального развития этнических групп, сформировали рынок труда и рынки сбыта для местных агропроизводителей. Без городов и их экономического потенциала культурный прогресс всех этнических групп, традиционно проживающих на европейском севере, был бы невозможен.

Аграрный кризис и кризис северной деревни находятся в центре внимания исследователей и общественников, включая этнических активистов, уже несколько десятилетий. Но тот факт, что как исторические города европейского севера, так и возникшие здесь в XX в. советские индустриальные центры находятся в глубоком кризисе, пока еще не привлек достаточного внимания исследователей и политиков, хотя очевидно, что успешная реализация программы развития Арктической зоны Российской Федерации без стабильности городских сообществ, сформировавшихся на севере, невозможна. Но второй стороной кризиса северных городов является то, что этот кризис сужает возможности для экономического, социального и культурного развития северных этнических групп, включая малочисленные народы.

Применительно к европейскому северу достаточно сказать о положении нескольких городских поселений, значимость которых для макрорегиона крайне важна. Безусловно, начать надо с крупнейшего заполярного города Мурманска. У этого города имеются наибольшие возможности для развития и как транспортного узла, и как логистического центра, обеспечивающего развитие всей арктической зоны РФ, и как центра рыбопереработки, и как потенциального газового хаба. Но потенциальные возможности для развития на практике не реализованы и город активно покидает его население. В 1991 г. население Мурманска насчитывало 473 тыс. жителей, а на начало 2018 г. оно составило 295 374 чел., т. е. сократилось на 37,6%. Примерно такими же темпами сокращалось население Мончегорска, Кандалакши, Оленегорска, Апатитов, а в городских поселках, в том числе и в тех, которые тесно связаны с поморским наследием, сокращение было еще большим. Так, в одном из центров современного поморского движения, Умбе, в 1989 г. проживало 8309 жителей, сегодня – 4578, т. е. население сократилось вдвое.

Не менее сложная ситуация и в Беломорской Карелии, где еще в начале XX в. зародилось карельское движение. В 1919 г. на севере Карелии возникло так называемое Ухтинское правительство, которое объявило об отделении от России и независимости (ликвидировано в декабре 1920 г.). Население Беломорской Карелии стремительно сокращается, а местная экономика приходит в упадок. Так в г. Беломорске, где заканчивается Беломоро-Балтийский канал, являющимся центром одноименного района, уже давно перестал работать порт, прекратил свое существование траловый флот и город выполняет теперь преимущественно административные функции. Население города в 1989 г. составляло 19 тыс. человек, сегодня здесь 9861 житель. Примерно аналогичная ситуация и с некогда процветавшим купеческим городом Мезенью, расположенным в устье реки Мезень на побережье Белого моря. Связь города с морским промыслом стала условной, а реальной экономики в городе нет, есть только управленческие функции. Население с 5100 чел. в 1992 г. сократилось до 3287.

Еще более драматично выглядит ситуация с поселком Амдерма в Ненецком автономном округе, который некогда называли «воротами в Арктику». Некогда здесь базировалась

воинская часть, геологическая экспедиция, действовал рудник по добыче флюорита, работали мерзлотная лаборатория и метеостанция, небольшой морской порт и строительная организация. Здесь была сооружена самая длинная в российской Арктике взлетно-посадочная полоса, которая могла принимать самолеты всех типов. В начале 1990-х воинскую часть перебазировали, добычу флюорита прекратили, закрыли метеостанцию и лабораторию, а все остальные объекты заморозили. В 1989 г. в поселке проживали 5495 человек, по последним данным, сегодня осталось 577 жителей, у которых практически нет работы.

Но, пожалуй, самая серьезная ситуация складывается на севере Коми, где решается судьба двух шахтерских городов – Воркуты и Инты и фактически судьба Печорского угольного бассейна в целом.

Большая часть населения Коми до конца XX в. была сосредоточена на севере республики. Центр и южные регионы были преимущественно аграрными или аграрно-индустриальными и здесь проживала основная часть коми республики, причем в целом ряде сельских районов коми составляли большинство жителей.

Промышленная специализация севера была ориентирована на добычу и переработку энергетических ресурсов: угля, нефти, газа. В Воркуте добывался качественный коксующийся уголь, в Инте — энергетические угли. В Усинске и Ухте и вокруг этих городов ведется добыча нефти и ее переработка, транспортировка, в Сосногорске осуществляется переработка газа и производство продукции из него, Вуктыл считается центром газодобычи, а Печора являлась важным транспортным узлом, обеспечивающим доставку грузов как в разные районы республики, так и в Ненецкий округ. В условиях рыночной экономики производственная система, созданная на севере республики, оказалась крайне неэффективной и начала разрушаться. Особенно остро в начале 1990-х гг. встал вопрос о реструктуризации угольной промышленности. В 1993 году правительство РФ принимает специальную программу санации угольной промышленности. Предполагалось закрыть 42 неперспективные шахты по всей стране, но первой должна быть закрыта шахта «Халмер-Ю», расположенная в 70 километрах к северу от Воркуты (шахта и поселок при ней на

5 тыс. жителей ликвидированы в 1995 г.). Программа санации разрабатывалась в сотрудничестве с международными финансовыми институтами – Мировым банком реконструкции и развития (МБРР) и Всемирным банком. Они подготовили рекомендации по реструктуризации угольной промышленности России, и они же финансировали закрытие шахт, переподготовку шахтеров, а также переселение воркутинских шахтеров, которых увольняли с закрываемых шахт, в другие регионы страны. В феврале 1996 г. Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов утвердила программу социально-экономического развития и реструктуризации производства Печорского угольного бассейна. К 2000 г. шахты бассейна должны были выйти на рентабельный уровень. Но этого не произошло.

Примером хронической неэффективности значительной части старых производств, унаследованных республикой от эпохи социалистической индустриализации, может служить компания «Интауголь». По существу, компания – это одна шахта (раньше в Инте их было шесть) и обогатительная фабрика, которые предоставляют 1,2 тыс. рабочих мест. Эта компания, являющаяся основой промышленности шахтерской Инты, погрязла в долгах, спрос на ее продукцию (высокозольный энергетический уголь) невелик, эффективность производства на предприятии низка, качество менеджмента вызывает серьезные сомнения. Но поскольку от работы названного предприятия зависит материальное благополучие многих жителей Инты, постольку его продолжают искусственно поддерживать на плаву вместо того, чтобы радикально перепрофилировать хозяйственный комплекс монопромышленного города. В 2017 г. на погашение долга по заработной плате и возобновление работы предприятия (в Инте оставалась одна угольная шахта и обогатительная фабрика) из бюджета республики было выделено 1,2 млрд рублей¹⁹⁴, что составляет заметную долю расходной части бюджета республики (расходная часть бюджета РК на 2017 г. была запланирована в размере 66 млрд рублей, доходная – 58 млрд). Наконец, в начале июля 2018 г. было принято решение о ликвидации объединения

¹⁹⁴ Члены правительства Коми подвели итоги 2017 года: часть вторая. URL: www.bnkomi.ru/data/news/72800/

«Интауголь» из-за хронической убыточности предприятия (уголь продавался по 500 рублей за тонну, а себестоимость добычи составляла 970 рублей) и о трудоустройстве высвобождаемых работников. Правда, шахтерам было предложено работать не в Инте, а на шахтах Воркуты, которая находится в 300 километрах к северу. И уже очевидно, что реально трудоустроить всех шахтеров и работников обогатительной фабрики не получится.

В 1992 г. в Инте проживало 61 тыс. жителей, сегодня их осталось по официальным данным (которые вызывают сомнения) 26 тысяч. Вопрос о том, что делать с Интой, встает уже второй раз. Город собирались «закрывать» в начале 1960-х годов, когда на заполярных шахтах перестали использовать труд заключенных ГУЛАГа и возникла проблема обеспечения их трудовыми ресурсами. Сегодня вопрос трудовых ресурсов тоже стоит остро, ибо привлечь на заполярные шахты рабочих можно только высокими зарплатами, но убыточное предприятие обеспечить высокий уровень оплаты труда не может. Вопрос о ликвидации Инты как города дискутируется, но вяло. Заявлено, что для переселения жителей надо выделить 8 млрд рублей и это якобы много. Поэтому выбран путь поддерживать жизнь города. Еще на Петербургском экономическом форуме-2017 была озвучена идея придания городу статуса ТОР и было заявлено о том, что якобы найден якорный инвестор для территории опережающего развития¹⁹⁵. Якорным резидентом должна стать никому неизвестная «Тимано-Печорская газовая компания», которая будет разрабатывать Интинское газовое месторождение (пока не осваивается) и добывать там от 1 до 1,5 млрд куб. метров газа в год и частично его перерабатывать. Помимо этого, планируется начать разработку кварцевого концентрата, железо-марганцевых руд с одновременным созданием завода марганцевых сплавов и стимулировать развитие малого и среднего бизнеса. Заявку на получение статуса ТОР правительство подало во втором квартале 2018 г., но решение о ТОР будет принято не раньше декабря. Кроме того, существуют сомнения в том, что заявленные инвесторы действительно начнут вкладывать деньги в Инту, ибо издержки производства на севере велики,

¹⁹⁵ Власти Коми намерены получить статус ТОР для Инты, якорный резидент найден. URL: www.tass.ru/pmef-2017/articles/4305504

а потенциальные инвесторы не являются крупными и финансово обеспеченными хозяйственными субъектами. Опыт последних десятилетий, когда о возможных крупных вложениях в экономику республики разными инвесторами (включая крупные компании) говорилось неоднократно, но дальше разговоров о намерениях дело не шло, дает основания скептически оценивать проект ТОР Инта. Для начала его реализации нужны огромные лоббистские усилия властей, создание привлекательных условий для бизнеса, повышение общего качества регионального и местного управления. Но сегодня этого нет и не случайно, что проект ТОР в Княжпогостском районе республики уже фактически провалился.

Еще более проблемной выглядит ситуация со «столицей Заполярья», или «заполярной кочегаркой» Воркутой. В районе Воркуты расположены огромные месторождения коксующегося каменного угля, равного которому по качеству в стране больше нет. Но добыча угля нерентабельна и потому из 11 шахт, которые добывали здесь уголь в начале 1990-х гг., к сегодняшнему дню осталось только 4 плюс один небольшой открытый угольный карьер. Все другие шахты закрылись. В 2000-е годы воркутинские шахты были приобретены компанией «Северсталь», поскольку именно на череповецкий металлургический комбинат поставляется большая часть воркутинских углей. Компания провела модернизацию шахт, но значительного повышения эффективности производства обеспечить не смогла. Тем не менее, и «Северсталь» и НЛК собирались строить новые шахты в Воркуте до кризиса 2008 г. Теперь они от этих планов решительно отказались. Между тем на действующих шахтах разведанных запасов осталось на 8–10 лет работы (в лучшем случае на 15 на самых обеспеченных ресурсами шахтах) и закладка новых шахт просто необходима уже сейчас, если есть необходимость сохранять угольное производство в Воркуте. Но, судя по всему, менеджмент «Северстали» принял иное решение, и город будет продолжать умирать. В апреле 2017 г., когда мы проводили опрос воркутинцев, для описания социальной среды города ими использовался именно этот термин – «умирающий город». Действительно, в 1991 г. в городе и поселках вокруг него проживало 219 тыс. жителей, в настоящее время по неполным и неточным данным текущей статистики — 77 тысяч. В городе

много пустующих домов и квартир, что усложняет обслуживание жилого фонда, а потому главной задачей властей становится реализация программы уплотнения, т. е. переселения жильцов из домов, где почти никто не живет, в относительно заселенные дома¹⁹⁶. В современной Воркуте более 80% домов имеют просадки и трещины (в Норильске, к примеру, только более 40%). Цена на трехкомнатную квартиру в панельной пятиэтажке опустилась до 150 тыс. рублей, но спроса все равно нет, ибо мечта подавляющего большинства жителей – уехать из города. Поэтому многие перестали оплачивать коммунальные услуги и жилье.

Современные воркутинские социальные сюрреалистические реалии нередко становятся объектом внимания отечественных СМИ¹⁹⁷. Не обходит их вниманием и иностранная пресса¹⁹⁸. При этом, казалось бы, перспективы развития Воркуты должны быть более определенными. Воркута это единственная административная территория республики, которая официально вошла в состав Арктической зоны и является одной из 8 (а теперь уже 9) опорных зон в современной стратегии освоения арктической зоны¹⁹⁹. Есть проекты строительства железной дороги к Северному Ледовитому океану и создания там угольного порта, ориентированного на экспортные поставки качественного воркутинского угля. В этом случае богатые залежи Печорского угольного бассейна, которые расположены к северу от города, будут разрабатываться и вовлекаться в хозяйственный оборот. Но когда это произойдет и произойдет ли вообще – сказать невозможно. Между тем время, когда еще можно спасти северные города Коми (и другие поселки и города европейского севера), уходит и скоро процесс их деградации может принять необратимый характер!!!

Экономисты говорят о необходимости превращения Воркуты в некий логистический центр, ориентированный

¹⁹⁶ Более 2,2 тыс. жителей Воркуты планируется переселить по программе уплотнения. URL: www.bnkom.ru/data/news/74955/

¹⁹⁷ *Исаков С.* Больше угля Родине. Воркута живет и сама не знает зачем // Новая газета. 2011. 16 дек.

¹⁹⁸ Британская The Guardian опубликовала фоторепортаж из Воркуты. URL: www.bnkom.ru/data/news/77821/ (23.04.2018).

¹⁹⁹ *Пономарев В.* Восемь опор и одна дорога // Эксперт. 2017. 4–10 дек. № 49 (1055).

на нужды всей Арктики. Здесь надо развивать дата-центры, различные сервисные службы и здесь есть база для развития специального северного домостроения, что крайне важно сегодня, ибо стало очевидно, что в Арктике надо строить по-новому, что города арктической зоны должны радикально изменить свой облик и надо везти в Арктику не стройматериалы (что крайне накладно), а готовые стройкомплексы и собирать из них готовые дома на местах, минимизируя поставки строительных материалов и конструкций. Это касается как городов, так и многочисленных национальных поселков, в которые в 1950–1960-е гг. были сселены бывшие кочевые этнические группы и которые все сегодня надо отстраивать заново, ибо и жилой фонд, и социальные объекты, и инженерная инфраструктура в ветхом состоянии и их обслуживание крайне затратно. Кроме того, все эти объекты не отвечают современным требованиям, некомфортны.

Создание нормальных бытовых условий для жизни представителей северных народов, полная реконструкция национальных поселков является главной задачей национальной политики, направленной на сохранение названных народов. Второй задачей, тесно связанной с первой, является обеспечение занятости, ибо прежние отрасли хозяйства пришли в упадок и не обеспечивают должного уровня жизни. А решение вопросов, связанных с сохранением языка, культурных традиций, политическим представительством и прочая есть задача вторичная, но, безусловно, важная. В Арктической стратегии РФ удовлетворение интересов коренных народов Севера особо оговаривается. И действительно, раз государство в свое время взяло на себя миссию преобразования быта названных народов – значит, оно должно и дальше нести ответственность за формирование комфортной социальной среды там, где эти народы проживают.

И в этом смысле роль арктических городов, включая Воркуту, весьма значительна. Эти города долгие годы выполняли роль своеобразных факторий на обширных и малоосвоенных территориях. Они являлись рынком сбыта для продукции оленеводческих, рыболовецких и охотничьих хозяйств. К примеру, возле Воркуты и Инты расположены два крупнейших оленеводческих кооператива Коми, сюда же поставляли свою продукцию и ненецкие оленеводы. Сегодня этот рынок

теряется. Но теряется не только рынок. Северные города – это еще и сервисные центры для тундровиков. К примеру, в 1990-е годы, когда в очень трудном положении оказались ненецкие оленеводы-частники в Большеземельской тундре, в Воркуте был создан приют для детей оленеводов, где их кормили, лечили и учили.

Эти города обеспечивают медицинское обслуживание кочующего населения, информационную поддержку и т. д. Важно также и то, что эти города обеспечивают и социальную мобильность тундрового населения, ибо те, кто не желает связывать свою судьбу с традиционным хозяйством, оседают в этих городах и вовлекаются в хозяйственную и культурную жизнь заполярных городов, в том числе и в деятельность, связанную с сохранением и пропагандой культурных традиций северных народов, хотя нередко эта деятельность приобретает форму культурного блефа, когда потребителям пытаются навязать культурные традиции, которые сохранить уже невозможно. Тем не менее, социальная миссия арктических городов-факторий очень важна и ее необходимо сохранять.

Что же касается Воркуты, то предполагалось, что уже в 2018 г. она получит статус ТОР, но пока этого не произошло. Однако главное даже не в этом, а в том, что ни федеральные, ни региональные власти так и не определились со стратегией развития Воркутинской зоны. До сих пор неясны ни ее будущая производственная специализация, ни ее роль в развитии российской Арктики. В важнейшем документе, который призван определить стратегические направления развития республики, включая ее северные территории, – «Стратегии-2035», помещенном на портале «Активный регион», – нет ясного изложения направлений развития Коми, не разработаны механизмы привлечения средств для развития, не оговорены условия развития, не определены конкретные интересные, на которых следует делать ставку в этом развитии, а о государственной национальной политике практически ничего не говорится. Иными словами, будущее остается туманным как для населения республики в целом, так и для жителей северных городов и районов и, видимо, власти сами достаточно ясно не понимают, как и за счет чего надо преобразовывать республику. Но, собственно, то же самое можно сказать и о других регионах европейского севера, ибо ясной программы их

развития нет. Все же целевые программы, которые непосредственно касаются государственной национальной политики, носят преимущественно декларативный характер и главным образом касаются сферы культуры и нацелены на проведение различных фестивалей и праздников.

Примером может служить принятая в августе 2017 г. Министерством национальной политики Карелии программа «Этнокультурное и этносоциальное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» на период 2018–2024 гг. Здесь говорится о «развитии форм финно-угорского сотрудничества», но никак не говорится о том, как обеспечить социальное благополучие людей, как дать им работу, обеспечить приемлемый уровень жизни. И это общий недостаток подобного рода программ во всех регионах европейского севера. А внимание к социальным потребностям людей – сегодня самое главное, ибо если оценить всю совокупность показателей, характеризующих уровень жизни в Карелии и Коми, то жители этих республик сегодня живут хуже, чем среднестатистический россиянин²⁰⁰, хотя должно быть наоборот.

Уровень бедности в обоих регионах выше среднероссийского показателя, здесь выше закредитованность населения, ниже качество социального сервиса и т. д. К примеру, доля малоимущих в Коми в 2016 г. составила 16,3% от общей численности населения (в 2015 – 15%, в 2014 – 14,3%). В 2017 г. эта доля выросла до 17,1%. Аналогичная ситуация складывается и в Карелии, где доля населения с доходами ниже прожиточного минимума возросла с 14,2% в 2014 до 17,3% в 2017 г. Это выше, чем в среднем по России – 13,2% в 2017 г. По уровню бедности индустриально развитые Карелия и Коми вплотную приблизились к аграрным – Марий Эл и Мордовии (табл. 2). Тем самым становится очевидно, что практически все республики с финно-угорским населением находятся в сложном социально-экономическом положении и ситуация, складывающаяся в них, нуждается в таком же пристальном внимании, какое уделяется республикам Северного Кавказа.

²⁰⁰ Шабает Ю.П., Подоплекин А.О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 1. С. 103–122.

Таблица 2

Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума
в республиках с финно-угорским населением, в %
(по данным текущей статистики)

Регион	2014	2015	2016	2017
Карелия	14,2	16,4	17,3	17,3
Коми	14,3	15	16,3	17,3
Марий Эл	19,7	22,3	22,5	22,8
Мордовия	17,2	19,5	18,8	18,9
Удмуртия	11,3	12,3	12,3	12,5

Рынок труда в свою очередь в связи с кризисными явлениями в развитии названных регионов (а равно и всего европейского севера) развит плохо и на нем нет достаточного количества хорошо оплачиваемых вакансий. Все это в совокупности выталкивает население из регионов европейского севера и в первую очередь молодежь, которая оказывается «жертвой» ситуации в сфере занятости²⁰¹. Не случайно, что все опросы последних лет показывают, что значительная часть молодых людей во всех субъектах европейского севера намеревается выехать за пределы своих регионов. Масштабы миграции не снижаются, что позволяет говорить об угрозе опустынивания обширных северных территорий и о развернувшемся процессе деколонизации европейского севера. Видимо, настало время готовить специальную программу развития этого макрорегиона по типу тех, что действуют в отношении Дальнего Востока и Северного Кавказа.

Если же в целом оценивать ситуацию в республиках с финно-угорским населением, то надо признать, что на сегодняшний день практически все они сталкиваются с серьезными социально-экономическими проблемами, которые созда-

²⁰¹ Морозевич Ю.С. Анализ безработицы в Республике Карелия // Молодежный научный форум: электронный сборник статей по материалам II Международной студенческой конференции № 1 (2). URL: [www.nauchforum.ru/archiv/MNF_interdisciplinarity/1\(2\).pdf](http://www.nauchforum.ru/archiv/MNF_interdisciplinarity/1(2).pdf) (дата обращения 28.06.2018).

ют почву для общественного недовольства. Это недовольство, которое уже вполне определенно фиксируется исследователями²⁰², может накладываться на этнический фактор и привести к радикализации этнонациональных движений финно-угров. Правда, власти предпринимали в последние годы усилия для того, чтобы убрать с политического поля национал-радикальные организации. К примеру, в Карелии в 2015 г. были ликвидированы сразу две карельские организации, лидеры которых нередко придерживались радикальных взглядов, – «Карельский конгресс» и «Молодая Карелия».

Но радикальные лидеры и радикальные идеи никуда не деваются, их активно начинают проповедовать в социальных сетях. Примером может служить недавно опубликованная статья Ильи Старцева «Две судьбы финских народов», в которой автор развивает мысль о том, что только независимое государство является спасительным для российских финно-угров и в рамках общего государства перспектива развития их культур неблагоприятна²⁰³. Это некий скрытый призыв к сепаратизму. В результате сегодня формируются некие социальные сети, которые аккумулируют недовольство и рекрутируют сторонников радикальных идей, не являясь при этом официально оформленной структурой.

Стоит сказать и еще об одной угрозе, которая вполне реальна и для актуализации которой сложились реальные условия. Это угроза экстерриториализации финно-угорских радикалов и их организаций. С учетом того факта, что на Западе давно и упорно предпринимаются попытки политизации «финно-угорского вопроса» в РФ (см. Часть 1 аналитического доклада), очевидно, что вытесненные с российского политического поля этнические радикалы будут находить все больше поддержки за пределами России, а вероятно, и формировать там альтернативные финно-угорские организации.

Исторический прецедент уже имел место. Так, карельское этнонациональное движение зародилось не на этниче-

²⁰² Межнациональное согласие как ресурс консолидации российских РАН, 2016.

²⁰³ Старцев И. Две судьбы финских народов. О важности наличия государственности для нации. URL: www.petrimizapa.com/dve_sudby_finskih_narodov_ili_o_vazhnosti_nalicia_gosudarstva_dla_nacii

ской территории карел, а на территории Финляндии. Именно здесь в 1904 г. был создан «Союз беломорских карел», который уже в следующем году потребовал автономии для карельского народа, хотя большинство членов «Союза» были финнами. Современные реалии тоже свидетельствуют о реальности названного сценария, ибо одной из наиболее активных групп, выступающих с критикой политики региональных властей и общей государственной национальной политики Российской Федерации, является Союз марийских студентов, созданный из марийцев, которые проходят или проходили обучение в университете Тарту (Эстония). Видимо, такие группы будут получать все большую поддержку и возможно создание новых подобных формирований. Не случайно на молодежь и молодежные организации финно-угров (а равно саамов и других народов Севера) политические акторы на Западе обращают все больше внимания.

Выводы и рекомендации

Региональный национализм в России и, в частности, на территориях проживания финно-угорских народов РФ не носит ярко выраженного и наступательного характера, но его проявления очевидны и приверженность идеям этнического национализма в местных этнических элитах достаточно сильна.

Радикальные идеи не пользуются большой популярностью среди российских финно-угров, но радикализация этнонациональных движений возможна, поскольку уровень жизни в республиках с финно-угорским населением низок и продолжает снижаться, а уровень бедности здесь один из самых высоких в стране.

Выдавливание радикальных этнических активистов с политического поля республик и закрытие радикальных организаций не ведет к исчезновению радикально-националистических идей из публичного дискурса, эти идеи начинают распространяться через социальные сети, а радикально настроенные люди начинают формировать своеобразные социальные сети, формально никак не оформленные, но имеющие возможность использовать ресурс мобилизованной этнич-

ности для организации каких-либо публичных акций, что показал случай с организацией протестов против «запрета родных языков».

Сложилась ситуация, когда возможна экстерриториализация радикальных этнических активистов и формирование этнополитических организаций финно-угров за пределами России. Если это произойдет, то целевой аудиторией экстерриториальных радикалов будет та часть российских финно-угров, которые чувствуют себя ущемленными в социальном или в культурном плане. И такая аудитория существует, поскольку недовольство своим положением уже очевидно фиксируется социологическими методами, а культурное недовольство можно отследить через социальные сети.

Символическое маркирование полиэтничных российских территорий, которые фактически никогда не «принадлежали» какой-либо одной этнической группе как исконной коллективной собственности отдельных/титовых этнических групп (картографическая война) вместе с развертыванием кампании в защиту родных языков (принимающих форму пропаганды идей лингвистического национализма), есть линия, которая прямо противостоит попыткам укрепления гражданского единства россиян, стратегии формирования российской гражданской нации. Этой линии надо противопоставить соответствующие контридеи.

В региональных моделях этнополитики и в региональном информационном пространстве должна прочно и однозначно доминировать идея о поликультурности ВСЕХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ, включая национальные республики. Исходя из этого, какие-либо попытки делить население этих регионов на «коренное» и «некоренное население» должны быть исключены из официальных документов и из политической лексики.

Идею «Русского Севера» как культурный проект и как антипод картографической экспансии, осуществляемой в интернете национал-радикалами, полезно снова взять на вооружение и расширить количество культурных акций, проводимых под брендом «Русский Север». Применительно к территории Урало-Поволжья целесообразно развивать символическую идею «культурного моста» между народами, который начал формироваться еще в раннем средневековье

(путь «из варяг в греки», болгарское наследие, пермский звериный стиль как проявление культурного влияния Персии и Степи).

Целесообразно добиваться официального признания беломорских карелов, поморов, мезенцев, усть-цилемов и коми-ижемцев коренными народами Баренц-региона, чтобы исключить попытки превратить этнический эгоизм лидеров этнонациональных организаций саамов и ненцев в серьезную политическую проблему и сбалансировать региональную этнополитику.

Создать систему стимулов и преференций для бизнеса, представители которого осваивают северные территории. Разработать целевую программу социально-экономического развития европейского севера, которую можно назвать «Русский Север».

Институты, созданные для пропаганды культур финно-угорских народов, сегодня работают на усиленное маркирование культурных границ между уральскими и остальными народами страны и на пропаганду идеи «Финно-угорского мира», которая фактически является культурным/политическим мифом и схожа с другими паннационалистическими идеями. Необходимо усилить акцент на пропаганду исторической взаимосвязи между славянскими, тюркскими и уральскими народами в деятельности Федерального финно-угорского центра в Сыктывкаре и Поволжского центра финно-угорских народов – в Саранске.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования/под общ. ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017.
- Гурова Т., Фадеев В. Домой! // Эксперт. 2013. 29 июля – 11 августа. № 30–31 (861).

- Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатов Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов М., 1996.
- Инозметев В.* Сибирский вызов. М., 2013.
- Исхаков Д.М.* Современный национализм татар // Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника. Т. 2: Современный национализм татар. М., 1998.
- Казанцев Д.Е.* Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола, 1979.
- Карпенко А.М.* Региональная идентичность как категория политической практики: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
- Ковалев В.А., Шабает Ю.П.* Национальные движения финно-угорских народов России: конец идеологии? // Философская и правовая мысль: Альманах. Вып. 4. Саратов; Санкт-Петербург, 2002.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
- Мирсиянов И.И.* Национальная идеология и национальные взаимоотношения в Республике Татарстан. М.: Весь мир, 2004.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989.
- Понарядов В.В.* Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка. Серия «Науч. докл.», Вып. 510. Сыктывкар, 2011.
- Пилясов А.Н.* И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М., 2009.
- Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007 и др.
- Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. М., 2006.
- Сорокин Питирим.* Система социологии. Т. 3. Сыктывкар, 1992.
- Тишков В.А.* Российский народ и национальная идентичность // Этнические конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга 2006. М.: ИЭА РАН, 2007.
- Уама Томохико.* От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003.

- Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- Шабает Ю.П.* Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 3.
- Шабает Ю.П.* Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
- Шабает Ю.П.* Конкуренция национализмов и пути нациестроительства в России // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга 2007. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Шнирельман В.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. М.: Гендальф, 2000.
- Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Abondolo D.* (ed.) The Uralic languages. London; New York, 1998.
- Collinder B.* An introduction to the Uralic languages. Berkeley; Los Angeles, 1965.
- Giuliano Elise.* Constructing Grievance. Ethnic Nationalism in Russian's Republics. Cornell University Press, 2011.
- Sinor D.* The Uralic languages. London; New York, 1988.
- Theories of Ethnicity. A Classical Reader / Ed. by W. Sollors. New York, 1996.

Э91 **Этнические** и языковые проблемы в современной Рос-
сии: региональные аспекты: сборник экспертных докладов /
отв. редактор М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. 265 с.
ISBN 978-5-7281-2282-1

В сборник вошли пять экспертных докладов по этническим и языковым проблемам современной России. Дается оценка проводимой этнонациональной политики с позиций сохранения культурного и языкового многообразия, профилактики и предотвращения межнациональных конфликтов, совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сферах регулирования межнационального общения. Раскрывается роль государственных и общественных институций в достижении одной из главных целей Стратегии государственной национальной политики – укрепления государственного единства и целостности России и сохранения этнокультурной самобытности ее народов. Рассматриваются этнополитические практики, реализуемые в современном политическом процессе.

Издание может быть полезным руководителям и сотрудникам федеральных и региональных министерств и ведомств, представителям профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, государственным и муниципальным служащим, руководителям и членам национально-культурных объединений и общественных организаций, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами реализации основных направлений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

УДК 81
ББК 66.5(2)

Научное издание

Этнические
и языковые проблемы
в современной России:
региональные аспекты

Сборник
экспертных докладов

Корректор: *К.М. Корепанова*

Компьютерная верстка: *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 22.12.2018.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 349

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru